

В. И. ГУЛЯЕВ

АМЕРИКА И СТАРЫЙ СВЕТ В ДОКОЛУМБОВУ ЭПОХУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

В. И. ГУЛЯЕВ

АМЕРИКА
И СТАРЫЙ СВЕТ
В ДОКОЛУМБОВУ ЭПОХУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1968

В предлагаемой вниманию читателей книге подробно рассматриваются основные точки зрения на проблему доколумбовых связей и дается анализ культур одной из важнейших областей зоны высоких цивилизаций Нового Света — Мезоамерики. Не отрицая в принципе наличия спорадических контактов между населением Америки и Старого Света в доколумбову эпоху, автор тем не менее стремится показать на конкретном археологическом материале местные корни всех важнейших изобретений и культурных достижений древних обитателей Нового Света.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук А. Л. МОНГАЙТ

До недавнего времени весь американский континент был практически одним огромным археологическим памятником, о котором подавляющее большинство людей имело самое смутное представление. От Аляски до Огненной Земли раскинулась величественная панорама погибших индейских культур. Медленно, шаг за шагом углублялись ученые в этот гигантский музей древностей. Они пробивались сквозь густые заросли джунглей к развалинам забытых городов, проникали в труднодоступные горные пещеры, опускались на дно глубоких озер и карстовых колодцев, чтобы вырвать из тьмы забвения чудесные произведения искусства и грандиозные архитектурные сооружения погибших цивилизаций.

Вместе с археологами работали представители многих других наук: этнографы, антропологи, лингвисты, геологи, палеонтологи, ботаники. Совместными усилиями всех этих специалистов была создана совершенно новая наука — американистика, изучающая настоящее и прошлое Нового Света во всем их многообразии. Древнейшие цивилизации Старого Света в большинстве своем умирали постепенно, передавая значительную часть созданных ими культурных ценностей соседним народам. Цивилизации же доколумбовой Америки оказались обезглавленными одним беспощадным ударом в самом расцвете своих сил. Их культурное наследие было уничтожено и вытравлено из памяти народа многовековым колониальным рабством. Города еще более раннего, классического, периода (I тысячелетие н. э.) превратились в руины задолго до прихода испанцев. Стоит ли поэтому удивляться, что история первых цивилизованных народов Нового Света известна нам го-

раздо хуже, чем история Египта, Шумера, Ассирии, Индии.

Тем не менее американский археологический материал дает совершенно уникальную возможность проследить эволюцию крупной этнической группы начиная с эпохи верхнего палеолита (25—30 тыс. лет назад) и до возникновения раннеклассовых государств. Но как протекала эта эволюция? Была ли она совершенно изолирована от остального мира или же, напротив, тесно связана с влияниями извне?

Ожесточенные споры, ведущиеся по этому поводу в науке вот уже более 400 лет, породили обширную литературу, в которой представлены самые противоречивые взгляды и направления. Полемический накал, не уменьшающийся вплоть до настоящего дня, и служит, на наш взгляд, прекрасной иллюстрацией большого значения проблемы доколумбовых связей. Она в свою очередь имеет два самостоятельных по значимости аспекта.

Первый — более романтический по форме — всегда находился в центре внимания и ученых, и широкой публики. Речь идет о ставшем уже тривиальным вопросе: кто же открыл Америку? и о его разновидности: существовали ли в древности связи между Старым и Новым Светом?

Другой, не менее важный, связан с тем, какую роль играли доколумбовы связи в происхождении и развитии индейских цивилизаций Мексики и Перу. Затронутые здесь вопросы имеют огромное теоретическое значение для правильного понимания всей истории древнего мира и особенно истории американских индейцев.

Большое внимание уделено в настоящей книге и характеристике наиболее выдающихся археологических памятников Мезоамерики. Подобный выбор объясняется, во-первых, кругом научных интересов автора, а во-вторых, необычайной яркостью и сложностью доиспанской культуры в данном районе. Мезоамерика — особая культурно-географическая область, северная ветвь зоны высоких цивилизаций доколумбовой Америки. Территориально в нее входят центральная и южная Мексика, Гватемала, Британский Гондурас, западные районы Сальвадора и Гондураса.

Автор выражает надежду, что книга будет полезна для всех, кто интересуется историей древнейших цивилизаций на земле.

НАЧАЛО СПОРА. «ДИКИЕ» ТЕОРИИ

12 октября 1492 г. Христофор Колумб и его спутники высадились на берег крохотного островка Гуанакани (группа Багамских островов), положив начало грандиозной эпопее завоевания и освоения Нового Света европейцами.

Известно, что сам великий мореплаватель так и не понял всего значения своего открытия и до конца дней полагал, что найденные им земли — часть Восточной Азии. Только последующие экспедиции Бальбоа, Магеллана и Веспуччи убедили изумленную Европу в том, что за просторами Атлантики лежит огромный и таинственный мир, о существовании которого долгое время никто и не подозревал. И с запада, и с востока Америку отделяли от остальных частей света водные пространства двух величайших на земле океанов, что сразу же вызвало множество вопросов относительно происхождения американских индейцев. Были ли они исконными обитателями континента? Если нет, то откуда они пришли? Каким образом пересекли океаны?

Когда испанские каравеллы появились у берегов Нового Света, весь этот континент, включая острова Вест-Индии, был населен множеством индейских племен и народов, находившихся на самых разных уровнях культурного развития. Большинство из них вело жизнь бродячих охотников, собирателей или примитивных земледельцев. И только в Мексике и Перу конкистадоры встретили высокоразвитые цивилизации. Многолюдные, цветущие города с каменными дворцами и храмами, могущественные туземные правители, стоящие во главе больших и богатых государств, вычурное искусство, письменность и календарь до такой степени поразили воображение первых европейцев, что они без всяких колебаний решили: «Языч-

ники-индейцы не могли сами создать эти яркие цивилизации и, значит, корни их нужно искать в Старом Свете».

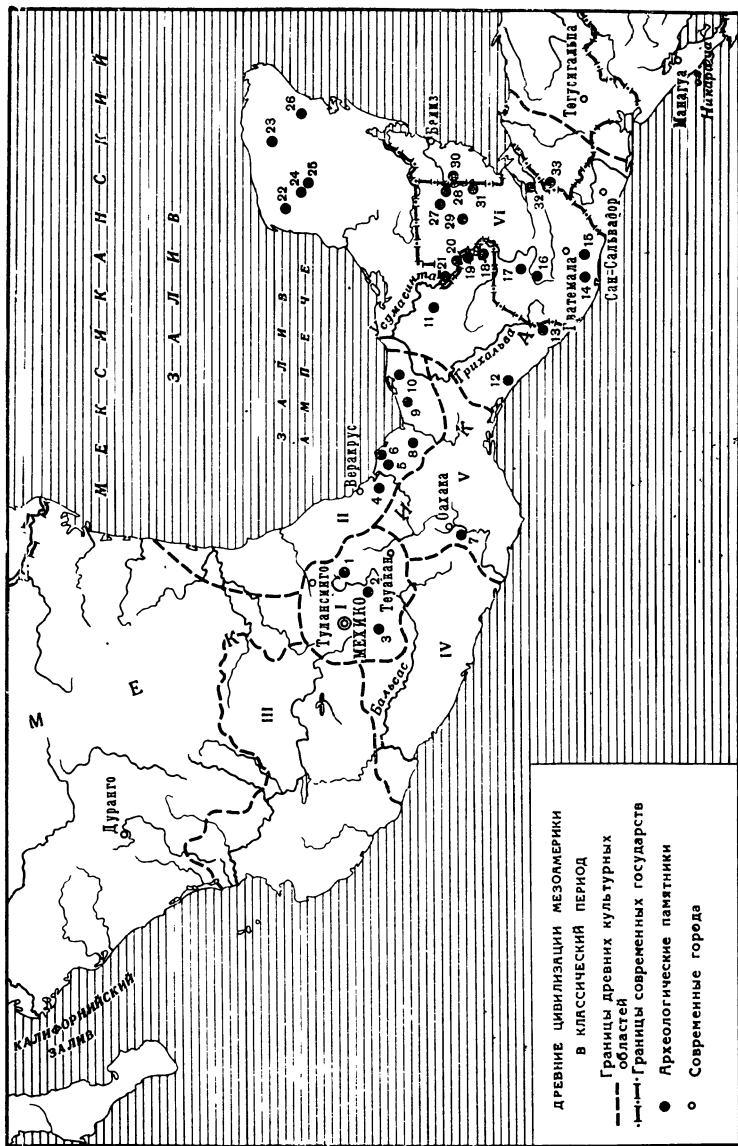
Поскольку в XVI—XVII вв. знания о прошлом человечества были весьма ограничены, для объяснения американского «феномена» были привлечены все имевшиеся под рукой источники и в первую очередь Библия. Но, к сожалению, по поводу краснокожих обитателей Нового Света нигде ничего не говорилось.

Поэтому первоначально испанские завоеватели предпочитали вообще не считать индейцев людьми и называли их «слугами дьявола». Подобная точка зрения сулила колонизаторам и немалые материальные выгоды, оправдывая порабощение и чудовищную эксплуатацию коренного индейского населения и смягчая одновременно утрызгения совести у ревностных защитников святой христианской веры. Но в дальнейшем официальная католическая церковь и испанский король, заинтересованные в приобретении новых подданных, исправно несущих повинности и преумножающих богатства господствующей верхушки, отвергли эту точку зрения. Одновременно францисканский монах Бартоломео де лас Касас возвысил свой негодующий голос гуманиста против зверств и насилий европейских завоевателей, призвав уважать человеческое достоинство аборигенов Америки. В конце концов, индейцев тоже стали считать частью рода человеческого. Но это еще более обострило вопрос об их происхождении.

Создатели первых теорий в данной области и не подозревали о том, что сходные обычаи или черты культуры могут возникнуть в разных местах совершенно независимо друг от друга. Для них каждый такой пример сразу же становился ярким доказательством конкретных исторических связей. Стоило, например, испанским монахам узнать, что у древних майя существовало предание о потопе,

Карта древних цивилизаций Мезоамерики. I. Культуры Центральной Мексики. II. Культуры побережья Мексиканского залива. III. Культуры Северной Мексики. IV. Культуры Западной Мексики. V. Сапотекская цивилизация. VI. Цивилизация майя.

1. Теотихуакан 2. Чолула. 3. Шочикалько. 4. Серро де лас Месас. 5. Трес Сапотес. 6. Лос Туслас 7. Монте Альбан. 8. Сан Лоренсо. 9. Ла Вента. 10. Комалькалько. 11. Паленке. 12. Тонала. 13. Исапа. 14. Санта Лусиа Коцумальхуапа. 15. Каминальхуио. 16. Утатлан. 17. Небах. 18. Алтарь Жертв. 19. Вонампак. 20. Яшчилан. 21. Пьедрас Неграс. 22. Ушмаль. 23. Чичен-Ица. 24. Сайиль. 25. Лабна. 26. Коба. 27. Тикаль. 28. Наранхо. 29. Сейбал. 30. Бенке Вьехо. 31. Ишкун. 32. Киригуа. 33. Копан

Мексиканский бог ветра Кецалькоатль с крестом на щите (кодекс Маглия бекчиано)

как его сейчас же сопоставили с известной библейской легендой

Благодаря священному писанию ранние историки и богословы лучше всего знали культуру древних израильтян. И когда некоторые их предания и верования, считавшиеся до того уникальными, были обнаруже-

ны у индейцев Америки, разразилась настоящая буря. Одна догадка сменяла другую. Наконец, в XVI в. Бартоломео де лас Касас впервые выдвинул идею о переселении в Новый Свет некоторых «колен израилевых» после разгрома Израильского царства ассирийцами. Именно этим «исчезнувшим племенам» приписывалось создание всех высоких цивилизаций доколумбовой Америки. Приверженцы этой теории утверждали, что в ранних испанских хрониках сохранились «ясные» доказательства того, какую большую роль играли христианские элементы в религии древней Мексики. Ведь были же найдены изображения крестов в храмах майя¹, говорили они, а мексиканский бог Кецалькоатль высказывал в своем учении ряд христианских догм и даже имел среди своих регалий изображение креста.

Древние мексиканцы знали, оказывается, и о распятии Христа. Изображение этой сцены, переделанной, правда, на американский лад, встречается в некоторых старинных манускриптах. Ну разве все это не яркое доказательство благотворного влияния «священной земли» Востока?

В XIX в. английский аристократ лорд Кингсборо с упорством, достойным лучшего применения, вновь попытался доказать, что ацтеки и майя происходят от пресловутых «исчезнувших племен Израилевых». Он собрал и опубликовал множество древних индейских рукописей, но все его старания найти сколько-нибудь убедительные па-

раллели между культурами Центральной Америки и Палестины потерпели неудачу. Истратив на эти бесплодные изыскания все свое огромное состояние, Кингсборо очутился в конце концов в долговой тюрьме, где впоследствии и умер от разрыва сердца. Однако отстаиваемая им «израильская теория» происхождения аборигенов Америки не исчезла вместе с ним. Она продолжает существовать и в наши дни, причем ее взяли на вооружение члены влиятельной религиозной секты «Церковь Иисуса Христа» (мормоны) ².

И все же есть ли в так называемой «израильской теории» хоть доля истины? Теперь уже ни для кого не секрет, что изображение креста у многих древних племен и народов связано обычно с культом солнца или огня. Христианство само заимствовало его из языческих религий. Например, в Мексике мотив креста часто встречается на расписных глиняных сосудах, созданных еще в I тысячелетии до н. э., т. е. задолго до появления официального христианского учения. А легенды о потопе не что иное, как отражение реальных стихийных бедствий и катастроф, постигавших в разное время многие народы нашей планеты. В подтверждение этого можно напомнить об открытиях английского археолога Леонарда Вулли.

В 1927 г. при раскопках в шумерском городе Уре (Месопотамия) он наткнулся на большой глубине на слой осадочной глины почти трехметровой толщины. Под ним и над ним находки встречались в изобилии. Зато сам этот слой был абсолютно чистым, в нем совершенно отсутствовали какие-либо следы деятельности человека. Объяснение столь странному, на первый взгляд, факту могло быть только одно — наводнение. Вулли установил, что эта страшная катастрофа, происшедшая в IV тысячелетии до н. э., уничтожила целую неолитическую культуру — Эль-Обейд.

В III тысячелетии до н. э. на основе легенд о древнем потопе создается знаменитый шумерский эпос о подвигах Гильгамеша. В нем красочно описывается, как во время ужасного наводнения, постигшего страну, удалось спастись по милости богов только одному человеку по имени Утнапиштим — прототипу библейского Ноя. Шумерское предание сохранилось в различных вариантах до I тысячелетия до н. э. и было целиком заимствовано при создании известного библейского мифа о всемирном потопе.

У майя, как и у большинства других народов древности, также существовали сходные по характеру предания, отражавшие вполне реальные события. В них говорилось, что мир четыре раза уничтожался потоками падающей с неба воды. Эта драматическая картина и была, в частности, запечатлена каким-то безымянным художником на страницах Дрезденского кодекса майя.

Не меньшей популярностью пользовалась у многих исследователей и так называемая «атлантическая» теория. Создание легенды об Атлантиде — огромном цветущем острове, затонувшем в океанской пучине в результате какой-то таинственной катастрофы, — приписывается обычно греческому философу Платону, который жил в IV в. до н. э. Окутанный романтической дымкой сказочный остров пытались использовать для решения многих загадок древней истории. И когда мечи испанских завоевателей приоткрыли перед народами Европы завесу неизвестного, скрывавшую до тех пор Новый Свет, и все увидели богатства поверженных индейских цивилизаций, миф об Атлантиде тотчас же всплыл на поверхность. Атлантида была объявлена колыбелью всех древних культур Америки. И первым, кто приложил руку к пропаганде этой идеи, был испанский историк Фернандо де Овьедо.

В XVII в. среди самых горячих сторонников существования Атлантиды находился даже знаменитый английский философ Френсис Бэкон. Он прямо отождествил Америку с Атлантидой. В 1882 г. некий Игнатиус Донелли на страницах своей книги «Атлантида: допотопный мир» вновь попытался доказать недоказуемое. Написанная в духе лучших «бестселлеров» того времени, она изобиловала довольно смелыми утверждениями, к сожалению, совершенно лишенными научной основы. И тем не менее книга имела у публики шумный успех. К 1890 г. эта работа выдержала уже 23 американских (США) и 26 английских изданий, а у Донелли появилось много последователей. Еще бы, ведь гораздо проще объяснить любую загадку древней истории исчезновением таинственных континентов с неправдоподобно ранними цивилизациями, нежели ломать себе голову над подлинными причинами тех или иных событий.

В 1893 г. американец Блэкет без тени улыбки заявил, что храм гватемальских индейцев киче в древнем городе Утатлане и есть грандиозный храм атлантов, который

был описан Платоном. 64 года спустя археологическая экспедиция Туланского университета в Нью-Орлеане (США) начала в Утатлане интенсивные исследования. В процессе раскопок выяснилось: и храм, на который ссылался Блэкет, и весь город в целом были построены в XV в. н. э., т. е. через 1900 лет после смерти Платона и через 13 тыс. лет после предполагаемой гибели Атлантиды (XII тысячелетие до н. э.).

Логическим завершением многовековых дебатов о сказочном острове явились труды англичанина Льюиса Спенса «Атланты в Америке» (1924) и «Проблема Атлантиды» (1925). Шел XX век. Благодаря общим успехам науки время фантастических небывлиц давно уже прошло. Но автор по-прежнему пытался доказать, что все крупнейшие изобретения американских индейцев, включая металлообработку, письменность и календарь, принесены пришельцами с Атлантиды. В поисках следов их пребывания в Новом Свете Спенс обратил внимание на изображенного в одной из древних рукописей мексиканского бога Кецалькоатля, который поддерживал руками небесный свод. Этого оказалось для Спенса вполне достаточно. Он тут же объявил, что Кецалькоатль — мексиканский Атлас, являющийся одновременно и божеством атлантов³.

Сцена жертвоприношения, или мексиканская версия «распятия Христа» (кодекс Нутталь)

Басня об Атлантиде — родине цивилизации и не только американской, но и всего человечества, — как это ни парадоксально, продолжает бытовать и сейчас, причем на ее основе пишутся даже пространные «научные» труды ⁴.

Не так давно, в 1953 г., западногерманский археолог-любитель и аквалангист Юрген Спанут объявил, что Атлантиду следует искать в глубинах Северного моря, близ острова Гельголанд. Через некоторое время действительно появилось сообщение о том, что Спанут обнаружил в указанном районе на дне морском остатки большой каменной стены, которой был обнесен когда-то круглый в плане город Басилеа — столица атлантов. Однако десятки любителей подводного плавания, репортеры, журналисты и ученые, явившиеся к месту сенсационной находки, так и не нашли в холодных водах Северного моря следов затонувшего города атлантов. Сенсация оказалась дутой.

Не успели утихнуть споры об Атлантиде, как из глубин Тихого океана появился по воле англичанина Джеймса Чёрчварда еще один мифический континент — Му ⁵. Этот большой кусок суши находился якобы в центральной части океана, между Америкой и Азией, и ныне остатками его являются острова Полинезии. Не утруждая себя доказательствами и ссылками на авторитеты, Чёрчвард заявил, что Му — родина многих цивилизаций древности — погиб, как и Атлантида, в XII тысячелетии до н. э. в результате таинственной катастрофы, а жители его переселились в Мексику, где возникли их многочисленные и процветающие колонии. По иронии судьбы незадачливый открыватель попал в данном случае в неловкое положение. В 20-е годы нашего века, т. е. в то время, когда он писал свою книгу, наука почти ничего не знала о древнейших памятниках Мексики. Однако сразу же после окончания второй мировой войны благодаря важным открытиям Де Терры, Авелейры, Мак-Нейша и других исследователей стало известно, что в XII тысячелетии до н. э. на территории страны обитали лишь первобытные охотники на мамонтов. Хороши же были «цивилизованные» пришельцы с континента Му!

Но Джеймс Чёрчвард был не первым человеком, создавшим силой своего богатого воображения легендарный материк в тихоокеанских просторах. Еще в 1912 г. Пауль

Шлиман — внук знаменитого первооткрывателя гомеровской Трои, — стремясь, очевидно, продолжить славные научные традиции своей семьи, выступил в одной из немецких газет с поразительным заявлением. По его словам, он заполучил в свои руки бесценные древние рукописи с финикийскими и халдейскими текстами, причем в одном из документов сообщается якобы о том, что за «столбами Геркулеса» * находится огромный остров Атлантида, в другом — подробно описывается драматическая картина гибели континента Му. Однако и эта сенсация вскоре лопнула, как мыльный пузырь, не успев по-настоящему родиться. Когда Пауля попросили показать его сокровища, он пришел в страшное замешательство: показывать было нечего.

В XVIII—XIX вв. некоторые ученые упорно искали истоки американских цивилизаций в культурах Древнего Востока и Средиземноморья. Именно тогда была выдвинута гипотеза о проникновении в Западное полушарие шумерийских, финикийских, карфагенских, а позднее — греческих и римских мореплавателей, основанная на свидетельствах современников о высоком мореходном искусстве этих народов, а также на туманных сообщениях древних авторов о далеких морских путешествиях на запад, за пределы «столбов Геркулеса».

В 1749 г. на острове Корву (Азорские острова) был найден кувшин с карфагенскими монетами 330—320 гг. до н. э., что служит несомненным доказательством пребывания там карфагенских мореходов. Но это и был, по-видимому, тот предел, которого они смогли достичь на западе. «Если тем не менее часто высказывалось мнение, что финикийцы, карфагеняне или другие народы-мореплаватели достигали Америки, — пишет известный ученый Рихард Хенниг, — то это следует считать плодом чистой фантазии. Правда, в древности, как и теперь, каботажные и океанские суда относились штормами далеко на запад. Но жертвы кораблекрушений ни в коем случае не могли сами найти дорогу или подать восточку о своей судьбе на родину» ⁶.

Неоднократно делались попытки представить и «материальные доказательства» ранних связей Старого и Нового Света. Я имею в виду многочисленные находки «фи-

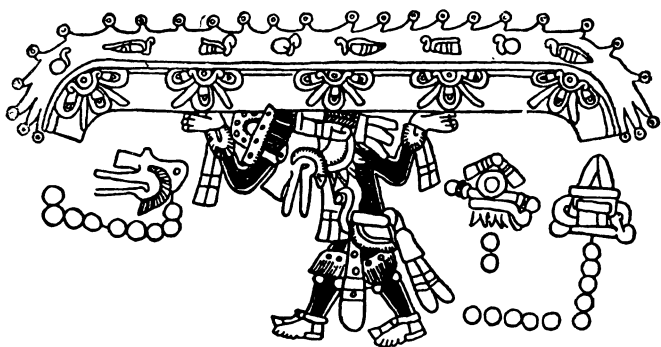
* Гибралтарский пролив.

никийских» и «египетских» вещей на американском континенте. Печальной известностью пользуются камень с финикийской надписью из Параибе (Бразилия) и огромная статуя финикийской богини, выкопанная в штате Нью-Йорк в 1869 г. Обе эти подделки были полностью разоблачены специалистами. Наиболее предприимчивые любители сенсаций часто использовали для своих «открытий» и подлинные древние вещи, вывезенные из Европы, Азии или Африки. Поэтому каждое подобное сообщение требует критического подхода и тщательной научной проверки.

В конце XIX — начале XX в. после ряда крупнейших археологических открытий перед миром предстала во всем своем блеске одна из наиболее ярких страниц древней истории человечества — египетская цивилизация. У многих тогда само слово «археология» вызывало в воображении гигантские пирамиды, загадочную улыбку Сфинкса, сокровища фараонов и зеленую долину Нила на фоне желтых песков бескрайней пустыни. Поэтому вполне естественно, что, когда ученые находили где-нибудь древние памятники, имевшие некоторое общее сходство с египетскими (даже в далекой Америке), их все равно связывали с влиянием яркой культуры Египта.

Известные основания для этого, несомненно, были. И в Америке, и в Египте существовал обычай строить каменные пирамиды и мумифицировать умерших; и там, и здесь был распространен культ солнца; обе области имели иероглифическую письменность, сложный календарь, сходные формы монументальной скульптуры и т. д. Подобные параллели призваны были доказать, что между высокими цивилизациями Мексики и Перу и культурой Египта существовали тесные связи. Наиболее яростными приверженцами этой гипотезы стали французы Ле-Плонжон и Брассер де Бурбур, а также англичанин Эллиот Смит.

Концепция Ле-Плонжона была довольно путаной и эклектичной, в ней встречаются обрывки хорошо знакомых нам теорий и гипотез. Он считал, что древнеегипетскую цивилизацию принесли в долину Нила в готовом виде колонисты из Нового Света, а высокие культуры Америки происходят в свою очередь от культуры затонувшей Атлантиды. По его словам, получалось, что Америка и Египет поддерживали между собой контакты по мень-

«Атлас» Кецалькоатль, держащий небесный свод на своих плечах (кодекс Маглиабекчиано)

шей мере с X тысячелетия до н. э. Ле-Плонжон произвел довольно значительные раскопки в крупном центре древних майя — городе Чичен-Ица, но сделал на основе интересных находок, обнаруженных среди руин величественных дворцов и храмов, довольно бредовые выводы.

В свою очередь Эллиот Смит, его ученики и сторонники утверждали, что в древности существовала единая цивилизация «солнцепоклонников», которая зародилась в Египте и оттуда распространилась затем по обоим полушариям. Доказательством этого служит, мол, наличие культа солнца, мегалитических сооружений и мумификации у различных народов нашей планеты. В начале I тысячелетия до н. э. сформировавшийся в Египте культурный комплекс проникает в ряд областей Азии. Маршрутов его движения было несколько. Один из них — морской — шел вдоль южного побережья континента вплоть до Полинезии. Другой — сухопутный — вел в более северные районы в общем направлении на Японию. И, наконец, третий проходил по Сибири. Именно этими забытыми впоследствии путями незадолго до начала нашей эры некоторые элементы египетской культуры попали в Америку, оказав благотворное влияние на «диких» аборигенов Нового Света.

Большинство ученых выступило против «египетской теории». Но для полного разгрома вздорных утверждений

нужно было критически рассмотреть их во всех деталях. За этот тяжелый и неблагодарный труд взялся американский исследователь Роланд Диксон⁷. И, надо сказать, он блестяще справился со своей задачей. Сначала Диксон тщательно изучил все известные науке виды мумификации, проследив при этом обряды, связанные с ними. Выяснилось, что большая часть важнейших египетских обрядов мумификации в других странах вообще отсутствует, а остальные появляются так поздно, что ни о каком египетском влиянии не может быть и речи. Что же касается пирамид, то эта форма привлекает к себе строителя любой страны как простейший и наиболее надежный вид высокой постройки на прочном фундаменте. Кроме того, если египетские пирамиды внешне однообразны и предназначались исключительно для погребальных целей, то американские еще и для того, чтобы нести на своих плоских вершинах храмы и святилища.

Шаг за шагом Диксон распутал и опроверг и прочие хитросплетения намеренно усложненной аргументации сторонников «египетской теории» и доказал ее полную несостоятельность.

Мысль об азиатском происхождении американских индейцев была высказана еще в 1590 г., когда испанский монах Хосе де Акоста впервые постулировал наличие в древности северного сухопутного моста между Америкой и Азией, которым и воспользовались племена азиатских охотников, чтобы попасть в Западное полушарие. В XVII в. голландец Иоганнес де Лает в качестве основного ядра азиатских переселенцев в Америку назвал уже «скифов»*. Потом появилось еще немало различных и подчас довольно курьезных гипотез, связывавших происхождение индейцев и их культуры с азиатскими источниками. Однако все они были слабо аргументированы и не отличались строгой научностью. Один из наиболее характерных примеров — использование легенды о стране Фусан, находившейся, по сообщению буддийского монаха Хуай Шеня (499 г. н. э.), далеко за морем, в 20 тыс. ли к востоку от Китая. В подробном и бесхитростном рассказе Хуай Шеня некоторые ученые усматривали не более и не менее как намек на открытие Америки китайцами за

* «Скифами» де Лает называл все кочевые варварские племена, обитавшие к северу от Китая.

1000 лет до Колумба⁸. Однако еще в 1831 г. немецкий ученый Х. Клапротт убедительно доказал, что буддийский монах ведет речь не о далекой Америке, а всего лишь о юго-восточном побережье Японии⁹.

Столь же популярной была когда-то и «гипотеза о китайских джонках», защитники которой считали американских индейцев потомками китайских мореплавателей, занесенных ветрами и течениями к берегам Нового Света. Одно время казалось, что эта идея опирается и на некоторые научные факты. Во-первых, американские индейцы очень близки по своему физическому облику монголоидному населению Восточной Азии. Во-вторых, от азиатских берегов на северо-восток, к побережью Америки, идет Японское течение — удобное направление для всякого рода транстихоокеанских плаваний. Японские рыбаки хорошо знают, что круглые стеклянные поплавки, оторванные от их сетей, часто находят у северо-западного побережья Америки и Алеутских островов. Кроме того, в научной и научно-популярной литературе уже неоднократно отмечались случаи находок различных предметов китайского и японского производства на тихоокеанском побережье Нового Света (монеты, статуэтки, предметы вооружения). Не менее убедительно выглядит и еще один факт. Когда капитан Джеймс Кук одним из первых появился в 1778 г. у северо-западного побережья американского континента, он, к своему величайшему удивлению, обнаружил у местных индейцев много древних вещей восточноазиатского происхождения.

Но несмотря на все эти доводы, «гипотеза о китайских джонках» не выдерживает критики. Дело в том, что на ее основе бесполезно искать ответ на вопрос о происхождении первых обитателей Нового Света. Корабли, более или менее пригодные для дальних путешествий, появились в Китае и других районах Юго-Восточной Азии лишь несколько веков спустя после начала нашей эры, а самые ранние памятники, известные до сих пор на территории Америки, имеют возраст 25 — 30 тыс. лет. К тому времени, когда мифические китайские мореходы должны были появиться в прибрежных водах Нового Света, тот был довольно плотно населен множеством различных племен и народов, прошедших уже сложный и длительный путь развития.

И совсем нелепо выглядит в наши дни гипотеза американца Гарольда Гладвина об исчезнувшем флоте Александра Македонского. Как известно, после внезапной смерти великого полководца, последовавшей в городе Вавилоне в 323 г. до н. э., его огромная империя, созданная лишь силой оружия, развалилась, словно карточный домик. Между наследниками Александра началась ожесточенная борьба за власть. И только Неарх — адмирал огромного греческого флота, подготовленного для нового похода в Азию, — не принял в ней никакого участия. Он попросту «исчез» вместе со всеми своими кораблями. По воле Гладвина этот «исчезнувший» флот совершает огромный по расстоянию переход от Средиземноморья до тихоокеанского побережья Америки. Около 300 г. до н. э. цивилизованные греки, впитавшие в себя по пути многие достижения восточной культуры, добираются, наконец, до американского континента. И там, где ступала нога белых пришельцев, расцветали впоследствии яркие индейские цивилизации. По словам Гладвина, лучшим подтверждением его точки зрения служат изображения воинов в греческих шлемах на древних перуанских вазах, а также скульптуры бородатых людей европеоидного облика, найденные в Мексике¹⁰.

Эта шаткая аргументация была рассчитана, очевидно, на самых наивных людей. Вряд ли она казалась убедительной и самому Гладвину. Поэтому, пытаясь скрыть ее слабые стороны, он заранее яростно обрушился на «твердолобых» академиков, догматиков — «фадди дадди»*, обвиняя их в нетерпимости к новым смелым взглядам в науке. Нужно сказать, что Гладвин не ошибся в своих предположениях. За редким исключением, отзывы ученых-специалистов о его гипотезе были самыми отрицательными. «Если Гладвин прав, — писал известный американский археолог Сэмюэль Лотроп, — то почему флот Александра Македонского не оставил никаких следов на островах Океании? Почему у американских индейцев наблюдается такая пестрота в архитектуре, типах жилищ, системах письма и счета?»¹¹.

Больше того, перуанские сосуды с изображениями вои-

* Ф. Д. — начальные буквы английских слов Philosophy Doctor (доктор философии). «Фадди дадди» — прозвище профессиональных американских археологов старой школы.

нов в шлемах, на которые ссылается Гладвин, относятся ко времени культуры *Мочика*, т. е. к 400—800 гг. н. э. Что же касается мексиканских бородатых фигур, то одна из них, найденная в Трес Сапотес (штат Веракрус), датируется специалистами не ранее 300 г. н. э., на 600 лет позднее предполагаемого появления греческого флота, а другая вообще изображает не человека, а ягуара. Лишенная всякой научной основы гипотеза Гладвина была вскоре всеми забыта. Но несколько лет спустя против теории о самостоятельном развитии доколумбовых культур Америки выступил новый, куда более грозный противник¹².

«ДИФФУЗИОНИСТЫ» ИЛИ «ИЗОЛЯЦИОНИСТЫ»!

Еще в конце XIX — начале XX в. ученые-американисты — Леонард Адам, Карл Гентце, Поль Риве, Хосе Имбеллиони и другие — обратили внимание на азиатско-американские параллели в искусстве. В солидных трудах К. Гентце¹ и Л. Адама² указывалось на интересные совпадения в мотивах, орнаментике и приемах стилизации различных изделий народов Восточной Азии, с одной стороны, и северо-западного побережья Америки и Мексики — с другой. Могут ли в двух значительно удаленных областях появиться независимо друг от друга такие, к примеру, вещи, как духовое ружье-«сарбакан», флейта бога Пана и т. д.? Эти исследователи решительно отвергали подобную возможность. По их мнению, каждое сложное открытие может быть сделано человечеством только один раз. Если же мы встречаем его у различных народов или даже в разные исторические эпохи, — это все равно служит надежным доказательством каких-то взаимных связей. Таким образом, все основные культурные достижения древности — земледелие, обработка металлов, гончарный круг, каменная архитектура, письменность, календарь и т. д. — были изобретены лишь один раз, в одном определенном месте, и уже оттуда они постепенно распространялись в другие районы земного шара.

Из Египта и Месопотамии — колыбели древнейших цивилизаций — достижения культуры разносили по всему свету на остриях своих копий грабительские армии фараонов, шумерийских патеси и ассирийских царей. Кроме того, с ними знакомили чужестранцев купцы, мореходы и многочисленные переселенцы, то и дело снимавшиеся с насиженных мест в поисках земли обетован-

ной. Ход древней истории выглядел, согласно этой концепции, примитивно просто: «дающий» Восток и «воспринимающая» периферия, в которую входила почти вся наша планета. Так формировалось новое направление (или течение) в американистике — «диффузионизм».

Немалую роль при этом играли работы немецких и австрийских этнографов, создателей «теории культурных кругов» — Ф. Гребнера, В. Шмидта, Б. Анкермана, В. Копперса и других, пытавшихся доказать, что культуры всех народов мира происходят от семи или восьми волн последовательных миграций гигантского масштаба, исходивших из некоего таинственного центра, который следует искать где-то в Юго-Восточной Азии и в прилегающих к ней районах Океании. Каждая волна переселенцев несла с собой новый, более высокий комплекс культуры. А все разнообразие культурных традиций населения земного шара объясняется переплетением и взаимовлиянием этих миграционных потоков, как будто речь идет не о живых людях, а потоках вулканической лавы.

Прекрасной иллюстрацией изложенных выше взглядов служит еще одна концепция небезызвестного Гарольда Гладвина о заселении Америки и происхождении американских индейцев. Он легко решил эту сложнейшую проблему, пользуясь довольно простым рецептом: для каждого загадочного или спорного явления на американской почве следует искать соответствующий азиатский источник. Поскольку у индейцев помимо господствующего монголоидного типа имеются еще и незначительные примеси австралоидных и негроидных черт, то это свидетельствует, по мысли Гладвина, о том, что якобы было несколько последовательных переселений.

Первыми, покинув свою родину — солнечную Австралию, отправились в Америку первобытные охотники-австралийцы. Это случилось около 25 тыс. лет назад. В XV тысячелетии до н. э. в Новом Свете появились негроидные племена, затем монголоиды и, наконец, около 500 г. до н. э. — эскимосы. Путь переселенцев лежал только через Берингов пролив и Аляску.

Действительно, среди монголоидных в массе индейцев встречаются иногда индивиды с австралоидными и негроидными чертами. Значит ли это, что можно говорить о раннем переселении жителей Австралии и Юго-Восточной Азии в Западное полушарие через моря, океаны и конти-

ненты? Конечно, нет. Известно, что Австралия сама была освоена когда-то выходцами из Азии. И это случилось почти одновременно с заселением Америки, около 25—30 тыс. лет назад.

Советские ученые предложили следующее решение этой загадки. Область формирования монголоидной расы находилась на территории Центральной Азии (Монголия — Китай). Предки австралоидов и негроидов жили в то время в Индокитае, Индонезии и на Филиппинах, в непосредственной близости от монголоидов. Когда началось передвижение монголоидных племен на север Америки, этим могучим потоком были захвачены и отдельные австралоидные и негроидные группы.

В настоящее время среди ученых-американистов почти нет разногласий по поводу того, что человек пришел в Америку из Азии сравнительно поздно, в конце ледниковой эпохи. Азиатские пришельцы принесли с собой в Новый Свет довольно примитивную культуру охотничье-собираательского типа. Тысячи лет потребовались им для того, чтобы освоить необозримые пространства американского континента. Наконец, в начале II тысячелетия до н. э. в ряде областей Мексики и Перу возникли первые культуры земледельцев, а еще позднее, на рубеже нашей эры, — и цивилизации. Но могли ли древние охотники и собиратели Нового Света самостоятельно создать более высокие формы культуры или же те явились результатом новых волн миграций и влияний из Азии? Именно здесь и проходит водораздел между двумя крупнейшими теоретическими направлениями в современной американистике: «диффузионистами» и сторонниками независимого развития индейских культур.

* * *

Нью-Йорк, 1949 г. В просторном здании Музея естественной истории открылась необычная выставка с длинным и многообещающим названием: «Транстихоокеанские контакты — влияли ли древние цивилизации Дальнего Востока на культуру американских индейцев?» Многочисленные экспонаты, макеты и фотографии призваны были убедить посетителей в том, что азиатский и американский материки поддерживали между собой оживленные культурные связи задолго до появления европейцев. Позднее на одном из заседаний 29-го Международного

конгресса американистов с совместным докладом в защиту этой же гипотезы выступили археологи Роберт Хейне-Гельдерн (Австрия) и Гордон Экхольм (США).

Выставка и доклад привлекли всеобщее внимание, и вокруг поднятой проблемы разгорелась ожесточенная дискуссия. Примеры азиатско-американских параллелей в искусстве значительно поколебали позиции ученых, считавших, что подобные факты — лишь случайное совпадение или же результат общности психологического склада всех людей на земле. А у Р. Хейне-Гельдерна и Г. Экхольма появился ряд сторонников и последователей как в Америке, так и в Европе. Таким образом, окончательно сформировалось еще одно направление (или течение) в современной американистике — «неодиффузионизм».

При внимательном знакомстве с последними работами лидеров современного «диффузионизма» сразу же бросается в глаза их частичное сходство с фантастическими концепциями, которые господствовали в науке на протяжении XVI—XIX вв.

Вместе с тем появилось, безусловно, и нечто новое. Для «неодиффузионистов» прежде всего характерна особая тщательность в отборе приводимых параллелей. При этом предпочтение отдается религиозной символике, культовой архитектуре, иконографии и т. д., т. е. таким сторонам духовной и материальной культуры, истолкование которых очень затруднено ввиду их сложного характера. При этом даже наиболее яростные защитники теории «диффузии» признают, что в материальной культуре древней Америки нет никаких следов азиатских влияний³.

Разительные изменения претерпели взгляды «диффузионистов» и в отношении локализации места и времени доколумбовых связей. Теперь уже вряд ли кто будет утверждать, что родина американских цивилизаций — Атлантида или же что они созданы потомками «исчезнувших племен израилевых». Совсем наоборот, сейчас для «диффузиониста» право на существование имеют только транстихоокеанские контакты между Восточной Азией и Новым Светом. Больше того, говорит он о них довольно спокойно, без прежней сенсационной шумихи. Да и роль их в процессе происхождения и развития доколумбовых цивилизаций Америки оценивает с известной осторожностью.

Еще сравнительно недавно ученые выделяли три крупные эпохи в развитии древних американских культур: эпоха первобытных охотников и собирателей (XXV—VII тысячелетия до н. э.); эпоха ранних земледельцев (II—I тысячелетия до н. э.) и эпоха высоких цивилизаций (I—II тысячелетия н. э.). Априори предполагалось, что между ними существовали преемственные связи. Но найти переходные ступени никак не удавалось. Этим не преминули воспользоваться сторонники азиатских влияний. Они стремились заронить сомнение в том, что такие крупнейшие культурные завоевания индейцев, как земледелие, керамика, металлообработка, каменная архитектура, письменность и календарь, достигнуты ими самостоятельно. Непонятное отсутствие переходных этапов развития между «звеньями» исторической цепи ставило в тупик и многих серьезных исследователей. Несколько лет назад известный мексиканский археолог Альберто Рус Луилье писал в своей книге «Цивилизация древних майя»: «Фактически Мезоамерика и другие высокие американские культуры появились на свет уже вполне сложившимися и зрелыми, не имея более ранних этапов развития. Предметы, находимые в наиболее древних слоях мезоамериканских памятников, демонстрируют такие высокие технические и художественные познания, которые никак не соответствуют начальным этапам развития культуры. Мы не говорим здесь о палеолитических древностях, поскольку их отделяет от момента появления первых высоких культур огромный и совершенно неизвестный период в 10—15 тысячелетий»⁴.

Роберт Хейне-Гельдерн — общепризнанный лидер «неодиффузионизма» — неоднократно делал попытки подвести под отстаиваемые им взгляды известную теоретическую базу. Обладая завидным запасом знаний почти во всех областях исторических наук, он не без успеха показал слабость позиций некоторых своих противников. Дело в том, что в XIX в., когда в этнографии и археологии господствовала так называемая «эволюционистская» школа, большинство ученых считало, что общность психического склада всех людей на земле автоматически ведет к параллелизму в развитии их культур, а известные различия объясняются лишь влиянием разнообразных природных условий.

«Эта концепция многочисленных параллельных путей

развития,— пишет Хейне-Гельдерн,— давно уже устарела и похоронена в могиле отживших теорий. Но многие исследователи, даже видя правоту новых гипотез и взглядов (имеются в виду гипотезы «неодиффузионистов». — В. Г.), закрывают глаза на этот факт. Подобное несоответствие создает парадоксальное положение. Любой археолог, который сегодня будет утверждать, что доисторические и протоисторические народы Европы независимо приобрели такие важные достижения Древнего Востока, как земледелие, бронзовое литье, обработка железа, колесо, календарь или письменность, рискует сделать себя посмешищем в глазах ученого мира. Так почему же это считается неверным в отношении американских индейцев, которые, как предполагают, самостоятельно повторили те же самые сложные изобретения, уже сделанные в другом месте?»⁵

Таким образом, Р. Хейне-Гельдерн отнюдь не отрицает возможности независимого появления различных особенностей культуры, но если мы посмотрим, что именно включают «неодиффузионисты» в список «сложных» черт и изобретений, то в древних культурах американских индейцев не останется практически ничего собственного, оригинального⁶. А чтобы не быть голословными, ниже мы попытаемся проследить взгляды Р. Хейне-Гельдерна, Г. Экхольма и других представителей этого течения на наиболее важные проблемы доколумбовой истории Нового Света.

1. Проблема происхождения американских земледельческих культур

Наиболее четко изложил свою точку зрения на этот вопрос Г. Экхольм. Он считает, что земледелие и керамика были принесены в Западное полушарие из Азии. Для того чтобы объяснить процесс распространения земледелия по нашей планете⁷, Г. Экхольм составил специальную таблицу:

Приблизительное время появления земледелия и керамики

Месопотамия . . .	5000 г. до н. э.
Индия	4000 »
Китай	3000 »
Америка	1500 »

Таким образом, по Экхольму, комплекс земледелия, керамики и оседлой жизни возник первоначально на Ближнем Востоке и уже оттуда постепенно распространился в другие области Старого и Нового Света. А для всех инакомыслящих у него был припасен «убийственный» вопрос: «Если американское земледелие имеет независимое происхождение, то почему начальные его этапы относятся не к 5000 г. до н. э., а лишь к 1500 г. до н. э.?»

Затем Экхольм подробно останавливается на хронологическом разрыве, который существует между примитивной культурой охотников и собирателей, с одной стороны, и раннеземледельческим обществом — с другой. Тот факт, что культура земледельцев архаической эпохи не имеет якобы на американской почве начальных этапов развития, также служит, по его словам, убедительным доводом в пользу ее неамериканского происхождения. Ссылаясь на ранние радиоуглеродные датировки поселений и стоянок лесных восточных районов США (культуры *Вудленд*), содержавших очень примитивную на вид керамику, Экхольм выдвинул гипотезу об азиатском происхождении земледелия и керамики в этой области и о последующем распространении их на юг — в Мексику и Центральную Америку (по данным C_{14} , керамика *Вудленд* относится к 2000—1500 гг. до н. э.).

Не менее интересно, по словам Экхольма, поразительное сходство грубых глиняных статуэток, преимущественно женских, которые встречаются у всех древних земледельческих народов мира от Мексики до Египта и Балкан.

Большую роль в решении проблемы азиатско-американских связей играют данные ботаники. Установлено, что человек начал культивировать первоначально лишь те виды съедобных растений, которые произрастали в каждой конкретной области. Считалось, что Старый и Новый Свет имеют совершенно различный набор культурных растений, и этот факт долгое время был веским аргументом в пользу самостоятельного характера американского земледелия. Однако в последние годы, благодаря успехам такой науки, как география растений, тезис о полном различии растительных ресурсов в обоих полушариях был несколько поколеблен. К числу культурных растений, встречающихся с глубокой древности в обоих полушариях, американский ботаник Джордж Картер от-

носит тыкву-горлянку (*Lagenaria siceraria*), кокосовый орех (*Cocos nucifera*), сладкий картофель-батат (*Orotocaea batatas*) и кукурузу, или маис (*Zea mays*)⁸. Поскольку необозримые океанские просторы исключали, по-видимому, любую возможность естественного привнесения домашних растений извне, то единственным их переносчиком мог быть человек.

То место, которое занимала кукуруза в повседневной жизни американских индейцев, заставляет нас особенно внимательно отнестись к истории этого растения.

Вплоть до последнего времени американское происхождение кукурузы не вызывало никаких сомнений. Впервые против этого положения выступил ботаник из США Эдгар Андерсон, утверждавший, что маис еще в глубокой древности был принесен в Америку азиатскими переселенцами. Много сенсационной шумихи и споров в этой связи вызвало сообщение о находке разновидности примитивного маиса у ряда отсталых горных племен Асасама. Андерсон тут же заявил, что вновь найденный вид кукурузы очень близок образцам примитивного маиса из Рио Лоа, в Северном Чили, и это служит, по его словам, вполне достаточным доказательством в пользу азиатского происхождения данного растения⁹. Следует, однако, отметить, что это мнение не разделяется подавляющим большинством американских ботаников и археологов.

2. Проблема происхождения древних цивилизаций Мезоамерики

«Невозможно поверить, — пишет мексиканский ученый Мигель Коваррубиас, — что американские индейцы добились за две тысячи лет (архаической эпохи. — В. Г.) таких успехов, какие были сделаны жителями Старого Света лишь за шесть тысячелетий»¹⁰. Ему вторит и Г. Экхольм: «Я отнюдь не считаю, что буквально каждая черта в культуре американских индейцев происходит из внешних источников. В ряде случаев там, где позволяют условия, местные культуры могут достигнуть очень высоких ступеней развития вполне самостоятельно. Первая причина, вызвавшая мои сомнения в достоверности господствующей точки зрения изоляционистов, состоит в том, что все цивилизации Старого Света возникли и раз-

вивались, поддерживая постоянные контакты друг с другом. Почему же Америка должна быть исключением?

Другая причина: появление высоких культур Нового Света относится примерно к тому времени, которое как раз подходит для миграций из Азии» ¹¹.

Возьмем цивилизацию древних майя (I тысячелетие н. э.). Вполне очевидно, что она развилась на основе местной раннеземледельческой культуры предшествующего периода. Кое-где удается даже проследить прямую преемственность керамических традиций, скульптуры, архитектуры, религиозных верований и погребальных обрядов. Однако ряд новых черт, свойственных цивилизации (особенно иероглифическая письменность и каменные стелы с календарными датами), появляется здесь внезапно. Может быть, это объясняется тем резким качественным переломом в культуре, который знаменует собой переход от первобытного общества к классовому, а может быть, это просто результат недостаточной археологической изученности данного района. Тем не менее «диффузионисты» расценивают данный факт как лишнее доказательство азиатского влияния, в качестве наиболее вероятных источников которого Р. Хейне-Гельдерн и Г. Экхольм называют Восточную и Юго-Восточную Азию (Япония, Китай, Камбоджа, Индия, Индонезия) ¹².

И вновь в качестве основных аргументов выдвигаются здесь пресловутые азиатско-американские параллели в искусстве. В длинный список таких параллелей включены каменные храмы, стоящие на вершинах высоких ступенчатых пирамид; колонны и балюстрады в виде змей с открытой пастью; архитектурные полуколонны на фасадах зданий; драконы; солнечные и небесные божества; рельефы с изображениями правителей, сидящих на низких тронах; жезлы, скипетры, носилки, зонтики и балдахины как символы высшей власти и многое другое. Но особенно ярко, по словам «диффузионистов», проявляется это взаимное родство в изображении лотоса — любимой темы в буддийском искусстве Индии. И на мексиканских рельефах из Чичен-Ицы, и на индийских панелях из Амаравати лотос имеет одну весьма специфическую деталь: горизонтальный отросток корня, который уходит глубоко под воду и не виден человеческому глазу. Как в Мексике, так и в Индии рядом с лотосом часто изображается полулежащая человеческая фигура, морские чудовища и рыбы. Не

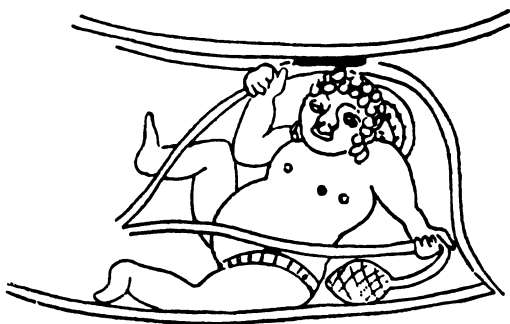

Каменный резной диск с изображением лица «азиатского» типа (штат Веракрус, Мексика, случайная находка)

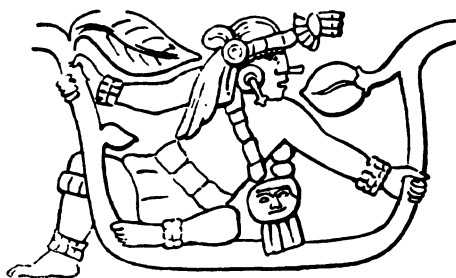
менее интересно сходство меандровых узоров на бронзовых сосудах из Юго-Восточной Азии и на мексиканских каменных рельефах ¹³.

«Хронологические несоответствия, — утверждает М. Коваррубиас, — отнюдь не препятствие для признания большой ценности этой теории. С одной стороны, действительный возраст американских цивилизаций остается еще не определенным. А кроме того, не исключено, что волны культурных влияний, которые исходили из Восточной Азии между 1200 и 200 гг. до н. э., распространялись через Тихий океан на Америку в виде постепенной инфильтрации стилей через различные проводники и в различные эпохи...» ¹⁴

К сожалению, почти все приведенные здесь параллели носят чисто внешний характер, а хронологический разрыв между ними достигает каждый раз многих столетий. Если, скажем, рельефы с лотосами из Амаравати (Индия) относятся ко II в. н. э., то их мексиканские «двойники» из Чичен-Ицы были созданы в лучшем случае около XII в. н. э. В Камбодже ступенчатые пирамиды появляются впервые лишь в X в. н. э., тогда как в Мезоамерике — в начале I тысячелетия до н. э. Опорные колонны в различных постройках использовали многие народы древности ввиду простоты самого этого принципа. С колоннами строились первоначально древние деревянные сооружения, крыша которых опиралась на столбы, сделанные из стволов больших

а

б

Мотив лотоса в сочетании с человеческими фигурами:

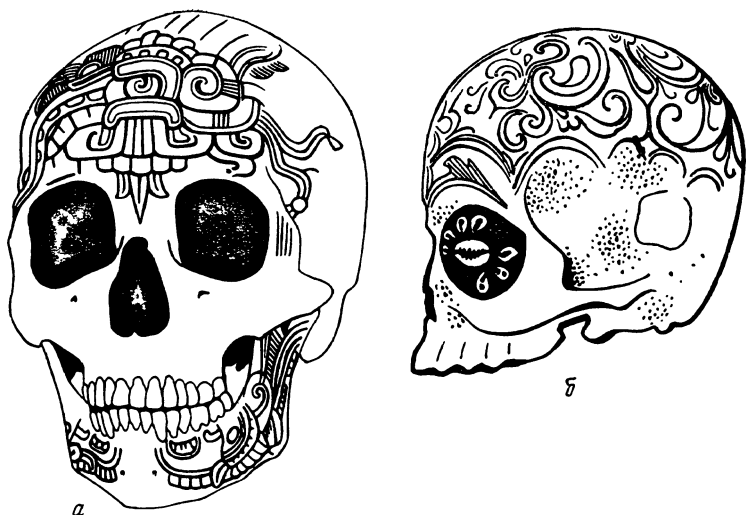
а — настенный рельеф из Амаравати (Индия, II в. н. э.); б — рельеф из Чичен-Ицы (Мексика, X—XII вв. н. э.)

Азиатско-американские параллели в искусстве и культуре

Шлемы и шапки в виде головы кошачьего хищника: а — персонаж из мштекского кодекса Нутталь (XIV в. н. э.); б — головка с глиняной погребальной урны из Монте Альбана (Мексика, культура сапотеков, I тысячелетие н. э.); в — древнее бронзовое навершие шеста из Юго-Восточной Азии; г — современная шапка-амулет в виде головы тигра (Китай)

деревьев; отсюда они и пришли в монументальную архитектуру. Что же касается колонн и балюстрад в виде змей, которые, согласно Экхольму, поразительно похожи в Борободуре (остров Ява, Индонезия) и в Чичен-Ице (полуостров Юкатан, Мексика), то, как выяснилось впоследствии, на борободурском рельефе изображены совсем

Азиатско-американские параллели в искусстве и культуре

Орнаментированные черепа: а — из Каминальхуи (Гватемала, I тысячелетие н. э.); б — с о. Борнео (Индонезия)

не змеи, а «макарас» — фантастические чудовища из индонезийских мифов с туловищем рыбы и головой слона. Большинство других аргументов, приводимых «неодиффузионистами», также носит формальный характер.

В свое время известный американский антрополог А. Крёбер вполне справедливо заметил: «Если древние майя были способны создать независимо от индусов и на несколько веков раньше их математическое понятие «нуля», то почему они не могли самостоятельно создавать и развивать и другие стороны своей культуры (религию, искусство, письменность), а обязательно должны были заимствовать их из Старого Света?»¹⁵ Не менее резко выступил против теоретических концепций «диффузионизма» и выдающийся мексиканский исследователь Альфонсо Касо¹⁶.

Однако все это не мешает «неодиффузионистам» по-прежнему решительно отстаивать тезис о наличии регулярных азиатско-американских связей в доколумбову эпоху. «Большое число очень специфических параллеле-

лей,— говорит Г. Экхольм,— предотвращает любую возможность случайного совпадения. Очень существенно, что как в Мексике, так и у майя черты явно буддийского происхождения обильно представлены в религиозной архитектуре, космологии и иконографии, но их почти нет в материальной культуре... Это не позволяет свести индийско-буддийское влияние на Центральную Америку к случайным контактам вроде кораблей, пригнанных штормами и течениями к американскому побережью. Такие корабли могли иметь на своем борту моряков и купцов, а не тех, от кого мы можем ожидать познаний в области культовой архитектуры и религии»¹⁷.

Следовательно, утверждают «неодиффузионисты», главную роль в осуществлении азиатско-американских связей играли буддийские миссионеры и жрецы. Но каким же образом преодолевали они необозримые просторы Тихого океана?

По их мнению, в начале I тысячелетия н. э. кораблестроение и мореходство в Индии и Юго-Восточной Азии были достаточно хорошо развиты. Еще во времена Птолемея индийские корабли плавали в Малайю и Индонезию не вдоль побережья, а прямо через Бенгальский залив. Недавнее открытие развалин большого города в Кохинхине, где обнаружены римские предметы II в. н. э., подтверждает большой размах морской торговли в древности. Так, в IV в. н. э. в Индии строились морские суда, которые значительно превосходили по размерам каравеллы Колумба и других ранних испанских путешественников. Примечательно, что и в наши дни находятся люди, которые стремятся доказать какую-либо сложную научную гипотезу, отправляясь в дальние океанские плавания на кораблях и плотах, построенных по образу и подобию древних прототипов¹⁸.

В качестве прямых антиподов «неодиффузионистов» выступают в американистике так называемые «изоляционисты». К их числу относится подавляющее большинство антропологов, этнографов и археологов, т. е. именно тех специалистов, которые непосредственно сталкиваются с конкретным историческим материалом. По их глубокому убеждению, цивилизации американских индейцев развились вполне самостоятельно, без каких-либо влияний извне. Причем своеобразным философским обоснованием возможности повторного, независимого изобретения ряда предметов и возникновения ряда идей (в том числе и самых слож-

ных) является тезис о некой психологической общности всего человечества.

Реальной основой взглядов «изоляционистов» служит, во-первых, обособленное положение Америки, которая отделена широкими океанами от других частей света; во-вторых, установленный уже сейчас в общих чертах непрерывный и самостоятельный процесс развития основных древнеамериканских культур; в-третьих, отсутствие прямых и убедительных доказательств американо-азиатских связей в доколумбову эпоху. Правда, наиболее горячие защитники гипотезы о независимом развитии американских индейцев, например аргентинец Амехино, приходят в своих работах к самым неожиданным выводам, объявляя Америку родиной первобытного человека, хотя никаких следов антропидов и неандертальцев там до сих пор не найдено¹⁹. Отголоски этих взглядов можно проследить в трудах многих аргентинских и боливийских археологов. Так, например, известный боливийский ученый Ибарра Грассо утверждает, что древний человек проник в Южную Америку чуть ли не в раннем палеолите, в ашель-мустьерскую эпоху²⁰. Но большинство «изоляционистов» признает одну или несколько миграций из Азии в Новый Свет в очень отдаленный период (25—30 тыс. лет назад). В дальнейшем связи обоих континентов, по их мнению, прекращаются и культуры американских индейцев развиваются вполне самостоятельно²¹.

Марксистская археология всегда выступала против теории миграционизма, разновидностью которой является «диффузионизм». Но значит ли это, что археологи-марксисты таким образом полностью разделяют точку зрения «изоляционистов»? Нет. Они согласны с последними лишь в том, что в основе происхождения и развития древних цивилизаций Америки и Старого Света лежит местное начало и что это обусловлено единством путей развития всего человечества. Но чем объясняется это единство? Не «единообразием человеческих умов», как думают «изоляционисты», а единством законов материальной жизни общества, законов общественного производства.

Для обозначения параллельных явлений в эволюции отдельных человеческих групп, которые по хронологическим или географическим причинам не могли иметь контактов между собой, в исторической науке существует особое понятие — конвергенция. Ученые-материалисты, считая,

что развитие в близких естественных и исторических условиях при равенстве хозяйственного и общественного уровня приводит к конвергентному возникновению близких культурных явлений²², в то же время не отрицают существования в древности азиатско-американских связей. Однако гораздо важнее решить вопрос, когда и как осуществлялись эти связи и какое влияние оказали они на развитие доколумбовых культур Нового Света. На наш взгляд, для доказательства самостоятельного характера индейских культур доколумбовой Америки необходимо установить *непрерывный* и *поступательный* характер их развития начиная от самых ранних этапов до порога цивилизации. Одновременно это будет и лучшим ответом на все доводы лидеров «неодиффузионизма».

Давайте же совершим для этого путешествие в глубины истории, путешествие, хронологические рамки которого составляют без малого 250 веков, а территориальные — почти весь североамериканский континент.

ПЕРВЫЕ ОБИТАТЕЛИ КОНТИНЕНТА

Гипотеза об азиатском происхождении американских индейцев впервые появилась на свет более 400 лет назад. Смутные догадки о каком-то северном сухопутном пути, ведущем в Западное полушарие, были высказаны в свое время и испанским монахом Акостой, и голландцем де Лаефом, и англичанином Томасом Гейджем. Давний интерес к северной оконечности азиатского материка в районе Берингова пролива вполне понятен. Здесь Азия и Северная Америка почти в буквальном смысле слова протягивают друг другу руки через неприветливый и холодный океан. В ясный и солнечный день азиатское побережье можно отчетливо видеть прямо с американской территории, поскольку полуостров Сьюард, выдающийся далеко на запад, отделен от мыса Восточный на азиатской стороне всего лишь 90 км водного пространства. Во время суровой арктической зимы узкий Берингов пролив надолго замерзает и местные эскимосы еще совсем недавно охотно пользовались этим ледяным мостом для санных поездок из Азии в Северную Америку и наоборот. Точно так же могли поступить и древнейшие обитатели американского континента.

Первые пришельцы из Азии появились в Новом Свете скорее всего во время последнего Висконсинского оледенения, в ходе которого тысячи кубических километров воды превратились в лед, что соответственно резко понизило уровень мирового океана. По расчетам ученых, это понижение составило в целом не менее 60 м по сравнению с современным уровнем, и между двумя гигантскими материками образовался перешеек, просуществовавший, по-видимому, до конца Висконсинского периода, пока интенсивное таяние ледников вновь не подняло уровень океанов.

Но прежде чем эта «передняя дверь» в Америку хлопнулась, через нее уже успело пройти немало азиатских переселенцев. О характере культуры, которую они принесли с собой, мы знаем еще очень немного. Бесспорно только одно: первые жители Нового Света были охотниками и собирателями верхнепалеолитического типа.

Ледниковый щит, покрывавший тогда большую часть Северной Америки, не был сплошным, поэтому через свободные ото льда проходы, через Аляску и долину реки Юкон, древний человек проник постепенно в центральные районы США, а затем и далее на юг — в Центральную и Южную Америку. Наиболее благоприятные для жизни условия он нашел к западу и востоку от Скалистых гор. Именно здесь мы и встречаем самые многочисленные и яркие памятники палеоиндейской эпохи.

Археологи установили, что древнейшую из всех известных в настоящее время в Западном полушарии культур создали охотники, обосновавшиеся в пещере Сандиа (штат Нью-Мексико). Поэтому и все памятники подобного типа были объединены под условным названием — культура *Сандиа*. Специфическим ее признаком считаются каменные наконечники копий и дротиков, имеющие выемку у основания. Судя по геологическим, стратиграфическим, радиоуглеродным данным, племена, создавшие культуру, жили около 25 тыс. лет назад. Ученые предполагают, что именно на ее основе и происходит позднее формирование всех остальных палеоиндейских культур. Стоянки подобного типа на территории Америки относят сейчас к XXIII—XXII тысячелетиям до н. э.: Тьюл Спрингс в штате Невада (по C_{14} 21800 г. до н. э.), Ла Холья в Калифорнии (21500 + 700 г. до н. э.)¹. Культура *Сандиа* занимала территорию западной части США, но отдельные каменные наконечники встречаются и далеко на севере.

В 1941 г. университет Нью-Мексико послал в район Аляски и Берингова пролива большую группу специалистов во главе с Фрэнком Хиббеном. На унылых заснеженных равнинах канадской провинции Альберта и в Саскатчеване они нашли несколько каменных наконечников копий с характерной выемкой у основания.

Далее, работая в долине реки Юкон, археологи, к своему глубокому изумлению, обнаружили целые туши мамонтов, мясо которых прекрасно сохранилось в слое

вечной мерзлоты. Судя по многочисленным остаткам костей, эти гигантские животные часто становились добычей древнейших обитателей Нового Света, которые заманивали их в болота, овраги или специальные ловушки и добывали затем копьями и дротиками.

Совершенно такой же животный мир существовал тогда и по другую сторону пролива — в Северо-Восточной Азии. Вполне понятно, что первобытный человек, двигаясь за стадами диких животных, мог попасть в Западное полушарие, даже не заметив, что он перешел из одного мира в другой. Скорее всего эти азиатские пришельцы просачивались на американскую землю постепенно, в течение довольно продолжительного времени. Но в общепринятой гипотезе о заселении Америки не хватало важного звена: как это ни парадоксально, но вплоть до самого последнего времени на азиатской стороне Берингова пролива найти палеолитические стоянки не удавалось. Там встречались лишь многочисленные памятники позднего средневековья, принадлежавшие ближайшим предкам чукчей и камчадалов. Между тем вполне очевидно, что первобытные охотники, направлявшиеся вслед за стадами мамонтов на восток, в Западное полушарие, непременно должны были оставить хоть какие-то следы своего пребывания именно в этом районе.

В 1964 г. упорные поиски советских ученых увенчались, наконец, полным успехом. Археологическая экспедиция Сибирского отделения Академии наук СССР во главе с Н. Н. Диковым обнаружила на Камчатке первую палеолитическую стоянку. Там, на южном берегу незамерзающего, богатого рыбой Ушковского озера на протяжении многих тысячелетий жили древние люди, оставившие после себя почти двухметровый культурный слой. В самой верхней части мощных напластований археологи нашли хорошо сохранившуюся фигуру деревянного идола и множество рыбьих скелетов, валявшихся вокруг него. По-видимому, здесь стояло когда-то святилище рыбоподобного бога Хунтая, которому камчадалы продолжали поклоняться еще в XVIII в. Затем последовательно шли слои неолитической и мезолитической эпох. Палеолитические изделия залегали на глубине около 2 м и были представлены клиновидными кремневыми нуклеусами, шлифованными подвесками из мягкого камня и грубыми наконечниками стрел, сходными с палеоиндейскими типа-

ми (например, с типом «лерма» древнекордильерской традиции). Возраст всех этих предметов определяется прежде всего их стратиграфическим положением — непосредственно под слоем раннего мезолита, абсолютная дата которого составляет, по данным C_{14} , $10\,675 \pm 360$ лет. Если же судить по общей толщине вышележащих слоев, то формирование палеолитических напластований происходило приблизительно 14—15 тыс. лет назад, а может быть, и несколько раньше, что соответствует (по археологической периодизации) позднему периоду верхнего палеолита. Здесь же были найдены и останки одного из тех, кто охотился и ловил рыбу на берегах Ушковского озера почти 150 веков назад.

В неглубокой яме, постоянно заливаемой водой озера, скелет, естественно, сохраниться не мог. Были прослежены лишь слабые его признаки: костный тлен, обильно посыпанный красной охрой. Исчезли и изделия из дерева, кожи и кости, сопровождавшие умершего. Но каменные инструменты и масса плоских круглых бусин и привесок, нашитых, очевидно, когда-то на одежду погребенного, сохранились удивительно хорошо. Это палеолитическое захоронение — пока что древнейшее на всем Дальнем Востоке.

Комментируя общие итоги этих интересных раскопок, Н. Н. Диков сказал: «...Древнейшая камчатская культура активно распространялась в сторону Америки. Сохранившееся в ушковской могиле большое количество бисера, бусин и подвесок — типично индейский вампум — вскрыло глубокие камчатские, а в конечном счете азиатские истоки исконного индейского обычая носить подобные украшения. Много общего с более поздними американскими обнаруживают и ушковские наконечники стрел: черешковые и удлинненно-листовидные. Наконец, сам обычай магического употребления в погребальном ритуале красной охры тоже может расцениваться как существенный связующий элемент палеолитических культур Старого и Нового Света.

Таким образом, и географическое положение, и древность впервые открытого на Северо-Востоке Азии палеолитического памятника, и во многом американоидный его характер — все это новые веские доказательства раннего (хотя вовсе не обязательно первоначального) заселения Америки из Азии через ее крайний Северо-

Восток, в частности через Камчатку и древнюю сушу, соединявшую Азию с Америкой на севере»².

Итак, охотники *Сандиа*, создавшие древнейшую культуру Нового Света, освоили лишь небольшую часть североамериканского материка, но их прямые потомки — создатели культур *Кловис*, *Фолсом*, *Плейнвью*, *Скоттсблафф*, *Ангостура* и т. д. (в XV — VII тысячелетиях до н. э.) заселили постепенно всю территорию Западного полушария.

О том, что первые люди, появившиеся на юге Патагонии в VII тысячелетии до н. э., были прямыми потомками охотников Плато Прерий, недвусмысленно говорят предметы из нижних слоев пещер Пальи Айке и Фелл: найденные там двусторонне обработанные каменные наконечники с черепками в виде рыбьего хвоста — это по сути дела завершение одной из линий развития наконечников типа *Кловис*.

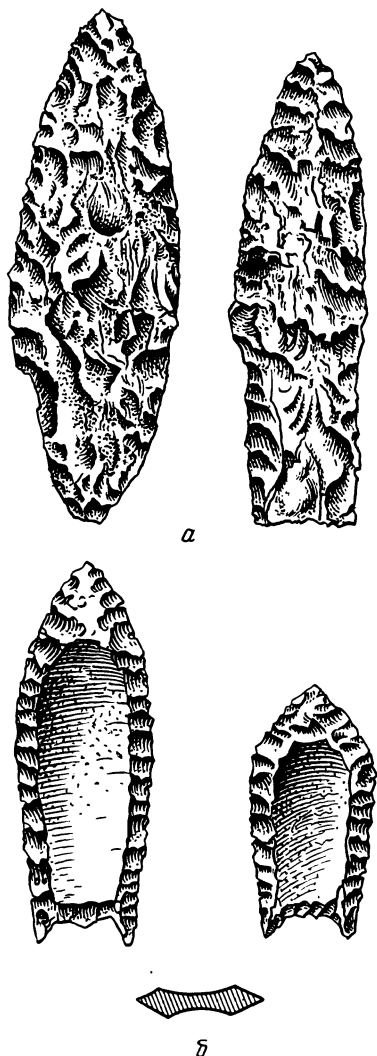
Но Аляска удалена от Патагонии более чем на 11 тыс. миль. Сколько же времени и сил нужно было затратить первым и немногочисленным еще переселенцам, чтобы преодолеть те большие и малые препятствия, которые воздвигала суровая природа нового континента: гигантские горные хребты, дикие джунгли, широкие и быстрые реки. Почти 600 поколений первобытных людей в течение 18 тыс. лет (XXV—VII тысячелетия до н. э.) шли по этому длинному и опасному пути. Но лишь около 7000 г. до н. э. Новый Свет гостеприимно распахнул перед ними свои богатейшие кладовые.

В ходе этого великого переселения древним охотникам и собирателям приходилось пересекать самые различные климатические зоны (от арктических снежных равнин до вечнозеленых тропических лесов), вступать во всевозможные контакты с такими же бродячими группами переселенцев, подолгу жить в определенном природном окружении, приспособливая к нему свой быт и хозяйство. Так, незаметно для самих себя эти монголоидные в массе племена подверглись столь значительным изменениям, что составили уже совершенно новый физический тип — «американских индейцев».

Как же выглядели люди, первыми ступившие на суровую землю нового континента? Очевидно, что 30 тыс. лет назад Америка была весьма опасным местом. Первобытный американский охотник со своим жалким вооружением постоянно рисковал жизнью во время преследо-

вания гигантских животных ледниковой эпохи. Целые группы переселенцев гибли, вероятно, от голода и холода, при переходе через заснеженные ледниковые торосы или уничтожались дикими зверями. Так где же в таком случае многочисленные останки далеких предков индейцев.

Парадоксально, но факт, что, несмотря на тщательнейшие поиски, найти скелеты древнейших обитателей Нового Света удавалось в крайне редких случаях. Одно из таких открытий было сделано в 1947 г. в местечке Тепешпан (долина Мехико) мексиканским геологом Хельмутом де Террой. На дне глубокого шурфа ученые обнаружили скелет человека. Он лежал ничком, с коленями, подогнутыми к животу. Часть костей спины отсутствовала, видимо, растащенная еще в древности зверями и птицами. И условия находки (на месте старого болота), и поза скелета говорили о том, что тепешпанский человек погиб насильственной смертью и был брошен в болотную грязь лицом вниз.

Каменные наконечники копий и дротиков, изготовленные первыми обитателями Нового Света:

а — наконечник типа *Сандиа*;
б — наконечник типа *Фолсом*

Что послужило причиной трагедии, разыгравшейся здесь почти 10 тыс. лет назад, мы так, наверное, и не узнаем.

Изучение костей скелета показало, что он принадлежал крепкому коренастому мужчине, возраст которого составлял 50—55 лет. Никаких примитивных черт у черепа прослежено не было. Скульпторы и антропологи восстановили примерный облик тепешпанского человека. И вот он глядит на нас из музейной витрины своими широко посаженными глазами. Скуластое монголоидное лицо, орлиный нос, длинные ниспадающие на плечи волосы — все это удивительно напоминает облик современных мексиканских индейцев, на что уже не раз обращали внимание исследователи³. Древний протоамериканоидный антропологический тип представлен в наиболее чистом виде у современного коренного населения Центральной и Южной Америки, тогда как индейцы и эскимосы Северной Америки (особенно в таежной и тундровой зонах) обладают более заметными монголоидными чертами. Возможно, это связано с тем, что коренные жители Центральной и Южной Америки в массе своей — дальние потомки палеоиндейских охотников, которые еще в глубокой древности начали свое продвижение на юг. В то же время другая часть палеоиндейцев, обитавших в северных и центральных районах США, подверглась впоследствии сильному воздействию со стороны новых волн переселенцев из Азии, что и отразилось в более ярко выраженной монголоидности североамериканских индейцев и эскимосов.

Все эти данные свидетельствуют о сложном и длительном процессе освоения выходцами из Азии огромных пространств американского материка. А цепочки отдельных находок палеоиндейской эпохи, протянувшиеся от Аляски до Огненной Земли, указывают примерное направление и время медленного продвижения на юг больших масс людей.

Наиболее благоприятные для жизни условия предки индейцев обнаружили в Центральной Мексике: мягкий и здоровый климат, многочисленные озера, прекрасные травянистые луга, пастбища горных долин.

Поселившись в этих местах, они стали заниматься преимущественно собирательством и охотой на крупных животных эпохи позднего плейстоцена.

На территории Мексики и Центральной Америки следы пребывания палеоиндейских охотников и собирателей найдены теперь во многих местах. Среди них имеются и такие выдающиеся находки, как полные скелеты мамонтов и набор кремневого охотничьего оружия из местечка Санта Исабель Истапан⁴, желобчатые наконечники копий типа *Кловис* из Сап Рафаэль (Гватемала)⁵, Интибуки (Гондурас)⁶ и Коста-Рики⁷. Следовательно, уже в XV—XII тысячелетиях до н. э. на территории Мезоамерики обитали многочисленные группы охотников и собирателей, которые, судя по орудиям типов *Кловис*, *Фолсом*, *Скоттоблафф*, *Плейнвью* и других, вели свое происхождение от различных североамериканских племен. Как известно, заселение Нового Света осуществлялось в виде постепенного продвижения азиатских пришельцев из северных районов континента на юг. Исходя из этого, древнейшие мезоамериканские памятники в силу своего географического положения должны были занимать по возрасту промежуточное место между наиболее ранними находками из США (23—25 тыс. лет назад) и Южной Америки (VII тысячелетие до н. э.). В действительности так оно и есть: самые ранние мезоамериканские находки относятся примерно к XV—XII тысячелетиям до н. э.

И вдруг в конце VIII тысячелетия до н. э. происходит резкое изменение климата. Он становится гораздо суше и теплее, приближаясь к современному. Растительный и животный мир страны постигает подлинная катастрофа. На обширной территории, от североамериканского штата Юта и до южных границ Мезоамерики, влажные луга и саванны превращаются в засушливые степи и полупустыни. Все растения, для которых требовалось много влаги, гибнут, а вместе с ними быстро вымирают почти все крупные животные плейстоценовой эпохи: мамонты, мастодонты, лошади, бизоны, верблюды и т. д. Ранние страницы человеческой истории очень часто заполнены такими драматическими событиями. В ту эпоху взаимосвязь человека с природой выступала как никогда выпукло и ясно. В жестокой битве за существование охотники на мамонтов потерпели поражение. Но собиратели диких плодов и растений выиграли ее. Рыболовство, добыча речных и морских моллюсков, охота на мелких зверьков и птиц служили важным дополнением к растительной пище.

В настоящее время следы культур собирателей обнаружены во многих районах Мезоамерики: пещерные стоянки в штате Тамаулипас на Северо-Востоке Мексики; комплекс Санта Марта в пещере Осокоаутла в Чиапасе; этапы Эль Риго и Кошкатлан на многослойных стоянках из долины Техуакана (штат Пуэбла) ⁸. Все они возникают примерно в VII—VI тысячелетиях до н. э. Затем цепь исторического развития резко нарушается, и около 2000 г. до н. э. мы встречаем здесь уже вполне сложившиеся культуры ранних земледельцев. Следовательно, эпоха первобытных охотников и собирателей отделена от эпохи оседлых земледельцев огромным отрезком времени, охватывающим почти 5 тысячелетий.

Что же происходило в течение этого загадочного переходного периода? Какие подспудные процессы и изменения превратили «дикие» племена с охотничье-собирательским хозяйством в «культурных» земледельцев, владеющих уже многими навыками и ремеслами? Где находился главный центр американского земледелия? Для науки все упомянутые вопросы имеют далеко не праздный интерес. Теперь уже вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что земледелие — главная движущая сила в формировании и развитии высоких культур древности с их городами, письменностью и календарем. Поэтому решение проблемы происхождения земледелия в Новом Свете открывает прямую дорогу к решению проблемы происхождения американских цивилизаций доколумбовой эпохи.

Первым, кто поставил и успешно решил этот сложный вопрос, был наш соотечественник — выдающийся советский ученый академик Н. И. Вавилов. После ряда ботанических экспедиций в Западное полушарие он еще в начале 30-х годов пришел к заключению, что в доколумбову эпоху в Новом Свете существовали два основных очага земледелия, возникших и развивавшихся совершенно независимо от Старого Света: мексиканский (включая часть Центральной Америки) и перуано-боливийский. Первый очаг дал человечеству кукурузу, фасоль, какао, хлопчатник-ушланд и т. д.; второй — картофель. Кроме того, по наблюдениям Н. И. Вавилова, все главные очаги американского и мирового земледелия находились, как правило, в горных тропических и субтропических зонах, где имелись наиболее благоприятные условия для видообразовательного процесса растений и для жизни древнего

человека. Как раз в этих районах и возникли впоследствии важнейшие цивилизации доколумбовой Америки: майя, сапотеков, тольтеков, ацтеков, инков и т. д. Н. И. Вавилов особенно подчеркивал значение Южной Мексики как наиболее вероятного, по его мнению, центра культивирования кукурузы в Новом Свете.

Надо сказать, что выводы Н. И. Вавилова, построенные на чисто ботаническом материале (никаких других источников по данному вопросу тогда и не было), полностью подтвердились результатами последних археологических работ, осуществляемых канадским ученым Ричардом Мак-Нейшем в горных районах Мексики (штаты Тамаулипас и Пуэбла). Там в сухих, высоких пещерах, хорошо защищенных от влаги, в течение многих тысячелетий жили предки современных мексиканцев. Слой за слоем откладывались на полу пещер всевозможные хозяйственные отбросы: кости животных, орудия труда, остатки растений, тканей, корзин и т. д. А исключительно благоприятные климатические условия обеспечили этой своеобразной «летописи» прошлого прекрасную сохранность. В руки археологов попал, наконец, долгожданный материал: древние растения, найденные в сочетании с другими вещами. Появилась возможность установить приблизительный возраст ряда диких и возделываемых растений с помощью радиоуглеродного метода. Основное значение работ Мак-Нейша в том и состоит, что ему впервые удалось поставить вопросы, связанные с происхождением американского земледелия, на твердую хронологическую основу. И тогда выяснилось, что история земледелия в Западном полушарии началась гораздо раньше, чем предполагали до этого многие серьезные исследователи.

Тщательно изучив пестрые напластования земли в пещерах вместе с содержащимися в них древними предметами, Ричард Мак-Нейш создал историческую периодизацию начиная от эпохи охотников на мамонтов и до появления городов, правда, пока лишь для двух, сравнительно небольших областей Мексики — Тамаулипаса и Пуэблы.

1. *Тамаулипас*. Штат Тамаулипас на Северо-Востоке Мексики занимает гористую территорию, покрытую густыми лесами и благоприятную для охоты, собирательства и земледелия. Климат здесь полусухой или умеренно-влажный.

Наиболее ранние этапы местной культуры — *Диабло и*

Лерма (X—VIII тысячелетия до н. э. и VIII—VII тысячелетия до н. э.) отражают еще господство охотничьего хозяйства. Но уже в последующий этап — *Инфернильо* (VII—V тысячелетия до н. э.) роль собирательства в экономике местных племен быстро возрастает. Охота теряет свое былое значение, зато на стоянках этого времени часто находят остатки культивируемой тыквы, перца и дикие растения, пригодные для пищи, — агаву и «ползучие бобы». Поселения эпохи *Инфернильо* — это небольшие временные стоянки. В дальнейшем роль собирательства продолжает неуклонно возрастать. Анализ остатков пищи из слоев этапов *Ногалес* и *Ранний Окампо* (V—III тысячелетия до н. э.) показывает, что 70—80% питания составляют дикие растения, 5—8% — культурные, а остальное — продукты охоты. К числу искусственно возделываемых растений добавляются бобы и ряд разновидностей тыквы. Стоянки становятся более крупными, но все еще сохраняют свой сезонный характер. Каменный инвентарь этого периода представлен наконецниками копий и дротиков, скребками, долотами, терочниками и ступками. Обилие корзин, сетей и циновок — яркое доказательство новых успехов местного населения в развитии ремесел.

В течение этапов *Ла Перра* и *Поздний Окампо* (3000—2200 гг. до н. э.) в жизни древних обитателей Тамаулипаса происходят важные изменения. Культурные растения составляют уже 10—15% их питания. Именно тогда впервые появляются примитивная разновидность возделываемой кукурузы («наль-тель») и красные бобы.

Видимо, в это время происходит и рождение первых культовых обрядов, связанных с кукурузой. При раскопках пещеры *Ла Перра* было найдено детское погребение. Скелет ребенка, закутанный в большую сеть, лежал в скорченном положении на дне овальной ямы, а рядом с ним находились три початка кукурузы, нанизанных на веревочку. Большое количество ступок и зернотерок, сети, корзины, ткани (из волокон юкки, агавы и магея), циновки дополняют общую картину материальной культуры и быта обитателей пещеры. Медленный, но постоянный рост роли земледелия в хозяйстве древних мексиканцев хорошо заметен и на последующих этапах: *Альмагре*, *Флакко* (2200—1800 гг. до н. э., земледелие дает 20% пищи), *Герра* (1800—1400 гг. до н. э., доля земледелия — 30%) и т. д.⁹

Результаты археологических исследований в штате Тамаулипас вызвали огромный интерес среди ученых-американцев, но многие проблемы по-прежнему оставались нерешенными. Да иначе и быть не могло. Тамаулипас — всего лишь далекая северо-восточная окраина Мезоамерики, сильно отставшая в своем культурном развитии от передовых южных областей. Поэтому отнюдь не случайно Мак-Нейш переносит свои исследования в более южные районы страны, прежде всего в Пуэблу.

2. *Пуэбла*. Здесь, в небольшой засушливой долине Те-хуакан, на участке в 40 км длиной и 30 км шириной в 1960 г. начала свою работу многочисленная археологическая экспедиция, в состав которой помимо археологов входили ботаники, геологи, зоологи и др. У всех этих ученых была одна общая цель — по скудным остаткам древней культуры воссоздать наиболее вероятную картину жизни далеких предков мексиканцев.

Первые же месяцы работы позволили установить, что в сравнительно небольшой долине сохранилось до наших дней не менее 454 археологических памятников, охватывающих почти все периоды древней истории Мезоамерики.

Наиболее ранний комплекс вещей — *Ахуерадо* (10000—7200 гг. до н. э.). Его создатели занимались главным образом охотой на крупных животных, хотя собирательство тоже играло в их жизни немалую роль. Следующий этап, *Эль Риего* (7200—5200 гг. до н. э.), характеризуется уже преобладанием собирательства над охотой. Среди растительных остатков, обнаруженных на стоянках этого времени, — различные травы, дикая кукуруза, агава, магей, кактусы, семена мускатной тыквы. На большое значение собирательства указывают и многочисленные каменные ступки, песты и зернотерки. Культура этапа *Кошкатлан* развивается непосредственно на основе культуры *Эль Риего*. Пять радиоуглеродных дат позволяют отнести его к 5200—3400 гг. до н. э. Местное население в это время по-прежнему занимается в основном собирательством, но удельный вес земледелия в хозяйстве продолжает, хотя и медленно, неуклонно возрастать. Уже в начале этого этапа обитатели пещеры Кошкатлан выращивают в небольших количествах кукурузу, мускатную тыкву, перец, а позднее и бобы. Стоянки Кошкатлана имеют довольно мощные напластования хозяй-

ственных отбросов, что свидетельствует о пребывании здесь больших групп людей в течение довольно длительного времени. Очевидно, урожай, полученный от возделывания немногочисленных пока культурных растений, в сочетании с сезонным собирательством дает уже людям возможность долго оставаться на одном месте. Удельный вес продуктов земледелия в питании местного населения увеличивается почти до 10%. Появляются специфические формы зернотерок и каменных чаш, широкий размах приобретает плетение циновок и корзин.

Следующий культурный комплекс — *Абехас*, известный нам несколько хуже, относится к 3400—2300 гг. до н. э. Дикие растения все еще занимают преобладающее место в рационе жителей, но продукты земледелия уже вплотную приближаются к ним по своему объему (до 30%). В число возделываемых растений входят теперь амарант, тыква, перец, бобы и кукуруза. Последняя становится, по-видимому, основной сельскохозяйственной культурой. Характер поселений почти не меняется по сравнению с предыдущим этапом, однако, видимо, в этот период зарождаются первые постоянные поселки. Каменные орудия представлены наконечниками копий и дротиков. Зернотерки прямоугольной формы с бортиком по краю, но еще без ножек, каменные чаши, сети, корзины и ткани из растительных волокон дополняют общее представление о культуре этого времени.

Комплекс *Пуррон* (2300—1500 гг. до н. э.) имеет уже совершенно иной характер. Продукты земледелия начинают преобладать над продуктами собирательства и охоты. Кроме того, среди находок этого времени мы впервые встречаем обломки грубой и толстостенной керамики.

Следующий этап — *Ахальпан* (1500—900 гг. до н. э.) выделен уже на основе специфических форм керамики. Анализ остатков пищи из пещеры Пуррон говорит о том, что хозяйство базируется главным образом на земледелии. Несколько початков гибридной кукурузы имеют характерные черты, указывающие на скрещивание ее с растением теосинте. Остатки построек из жердей и прутьев, обмазанных глиной, подтверждают предположение о том, что местное население живет в небольших хижинах из дерева и глины. Керамика только одноцветная, с примесью крупного песка. Среди сосудов преобладают кувшины с округлым туловом и различные виды чаш¹⁰.

Таким образом, это последнее звено в длинной цепи исторического развития в долине Техуакана имеет уже все характерные для раннеземледельческой культуры черты: производящее хозяйство, основанное на возделывании кукурузы, керамику и постоянные поселки.

Начиная с этого момента на территории Мезоамерики у всех местных племен окончательно складывается повседневный уклад оседлой жизни, который не меняется на всем протяжении их истории вплоть до испанского завоевания.

Поразительные открытия археологов за последние 5—10 лет позволяют совершенно по-новому взглянуть и на родословную важнейших культурных растений Нового Света. К тому времени, когда Ричард Мак-Нейш впервые приступил к исследованиям пещерных стоянок на выжженных солнцем склонах гор Сьерра Мадре (штат Тамаулипас), проблема происхождения кукурузы (*Zea Mays*) была еще очень далека от своего окончательного решения. Некоторые ученые пытались добиться успеха с помощью картографирования всех тех пунктов, где встречаются ранние виды кукурузы. Последние были обнаружены и на перуанском побережье (в долине Виру в 700 г. до н. э.), и в Центральной Мексике (1000 г. до н. э.), и на Юго-Западе США (500 г. до н. э.). Таким образом, первоначальный центр доместикации кукурузы мог находиться в любой точке огромного американского континента: от Аризоны на севере до Перу на юге.

Б 40-х годах в этих исследованиях наступает новый переломный этап: археологи вступили в плодотворный союз с ботаниками и начали усиленные поиски в ряде областей Нового Света. Важные открытия не заставили себя долго ждать. В 1948 г. американский ученый Герберт Дик, исследуя пещерную стоянку Бат Кейв в штате Нью-Мексико, на глубине 2 м наткнулся на высушенные початки примитивной кукурузы, имеющие не более 3 см длины¹¹. Радиоуглеродный анализ материалов из этого слоя дал неожиданно раннюю дату — III тысячелетие до н. э. Затем последовало открытие примитивного майса в пещере Ла Перра в мексиканском штате Тамаулипас (дата C₁₄—2500 г. до н. э.), вызвавшее широкий отклик в научных кругах. Но еще больше неожиданностей ждало исследователей впереди. В одной из буровых скважин, заложенных в 1954 г. на территории

города Мехико, на глубине почти 70 м была обнаружена пыльца дикой кукурузы. Она залегала в слое, который, по определению геологов, относится к последнему межледниковому периоду, т. е. к 80—30 тысячелетиям до н. э. Отсюда следует, что дикая кукуруза произрастала в Западном полушарии задолго до появления там человека и поэтому бесспорно является чисто американским растением¹².

Последние страницы в истории этой замечательной культуры были дописаны на основе работ экспедиции Мак-Нейша в долине Техуакана (Пуэбла). Именно там около 5000 г. до н. э. впервые появилась дикая кукуруза с определенными признаками domestikации, а в начале IV тысячелетия до н. э. (3600 ± 250 г. до н. э.) возникли уже зачатки земледелия, основанного на возделывании этого растения. Итак, родиной маисового земледелия была Южная Мексика и, в частности, Пуэбла.

Около 3000 г. до н. э. кукуруза распространилась вплоть до северо-восточных районов страны (Тамаулипас). Позднее, в I тысячелетии до н. э., некоторые разновидности ее проникли на территорию США, а в 700—600 гг. до н. э. — в Эквадор и Перу.

Семена тыквы-горлянки (*Lagenaria siceraria*) встречаются в наиболее ранних слоях многих мезоамериканских памятников, т. е. задолго до открытий Колумба.

Н. И. Вавилов и некоторые американские ботаники считают, что это растение было еще в очень отдаленную эпоху принесено в Новый Свет океанскими течениями от берегов Африки. К сведению скептиков можно напомнить, что в пещерах Тамаулипас найдены остатки тыквы-горлянки, возраст которых составляет не менее 8—9 тыс. лет, что совершенно исключает возможность влияний со стороны земледельческих культур Старого Света: как известно, последние появляются в лучшем случае в конце VII—VI тысячелетия до н. э.

Другой вид тыквы (*Cucurbita moschata*), вне всякого сомнения, раньше всего появляется в Южной Пуэбле (долина Техуакана), где ее остатки обнаружены в нижних напластованиях пещер Кошкатлан и Эль Риего. Судя по результатам радиоуглеродного анализа, это растение начинает возделываться здесь в период между 6500—4900 гг. до н. э. Гораздо позднее, уже во II тысячелетии до н. э., мускатная тыква распространяется почти по всей

Мексике и Центральной Америке, становясь излюбленной пищей индейских земледельцев.

Вопрос о месте происхождения обыкновенной фасоли до сих пор окончательно не решен. Дело в том, что в пещерах штата Тамаулипас фасоль встречается в слоях, относящихся к 4000—2400 гг. до н. э., а в Чиапасе — около 3500 г. до н. э. Однако самые древние по возрасту находки фасоли сделаны в долине Техуакана, жители которой начали культивировать это растение уже на этапе *Кошкатлан* (4900—3500 гг. до н. э.). К 2000 г. до н. э. фасоль была известна почти всем земледельческим племенам Мезоамерики.

Разновидность этого растения — фасоль-лима (*Phaseolus lunatus*) — появляется впервые в горной Гватемале, где до сих пор сохранились ее дикие сородичи. Но точная дата этого события нам пока неизвестна. Во всяком случае, около 500 г. до н. э. фасоль-лима достигает Пуэблы, а в 300 г. н. э. — горных районов Тамаулипаса.

Таким образом, в Мезоамерике никогда не было единого очага, породившего все богатство культурных растений, характерных для этой области. Скорее можно говорить о существовании нескольких микроочагов, среди которых выделяется Южная Мексика (Пуэбла и соседние с ней районы), где впервые стали выращивать кукурузу и ряд видов фасоли и тыквы. Тем не менее к 2000 г. до н. э. основные виды возделываемых растений (кукуруза, фасоль, тыква) получили распространение у всех мезоамериканских земледельческих племен, сохранив свое значение в хозяйстве вплоть до прихода испанских завоевателей.

Что касается вопроса о происхождении мезоамериканской керамики, то ответить на него в данный момент почти невозможно. Мы имеем сейчас в доколумбовой Америке три примерно равные по возрасту традиции гончарного искусства: в восточных районах США (1500 г. до н. э.), в Эквадоре и Панаме (2500—2100 гг. до н. э.) и в Южной Мексике (2300—1900 гг. до н. э.).

Изделия из всех вышеназванных областей, несмотря на свой примитивный и грубый облик, совершенно несхожи между собой, что указывает, по-видимому, на их независимое происхождение. В пользу этого говорит и огромная географическая удаленность указанных керамических центров друг от друга.

Около 2300—2000 гг. до н. э. в Мезоамерике появляются первые постоянные поселки земледельцев. Они еще невелики по размерам и имеют довольно тонкий культурный слой. Окончательное формирование всего оседлого комплекса жизни древних земледельцев завершается между 2300 и 2000 гг. до н. э. Итак, первые робкие попытки выращивания полезных растений предпринимаются собирателями еще с конца VII тысячелетия до н. э. Горные районы тропиков и субтропиков создавали наиболее благоприятные условия для земледелия и для жизни древнего человека. Как раз там мы и встречаем с очень отдаленного времени зачатки земледельческого хозяйства. Эти первые эксперименты с полезными растениями, следы которых Мак-Нейшу удалось обнаружить в горных пещерах Тамаулипаса и Пуэблы, приводят к тому, что уже в IV тысячелетии до н. э. там появляется основное трио культурных растений Нового Света — кукуруза, фасоль и тыква, до сих пор составляющие основу питания мексиканских крестьян. III тысячелетие до н. э. — время дальнейшего прогресса земледельческого хозяйства. В более передовых районах Мезоамерики (Пуэбла) земледелие в самом конце III тысячелетия до н. э. начинает играть уже решающую роль в хозяйстве, опередив по объему своей продукции долю собирательства и охоты. В это же время или несколько позднее здесь впервые появляется керамика и возникают постоянные поселки земледельцев, смутные признаки которых можно проследить еще в предшествующую эпоху.

Переход к экономике, основанной на земледелии, — один из величайших поворотных моментов в истории человечества. Судя по имеющимся сейчас данным, он не был мгновенным актом, а совершился в результате длительного периода мучительных поисков и опытов. Но он имел место далеко не везде. Подавляющее большинство индейских племен Северной и Южной Америки продолжало вести беспокойную жизнь охотников и собирателей. Территория первых земледельческих культур Нового Света протянулась узкой полоской вдоль западной оконечности срединной части материка. Здесь и находилась индейская ойкумена — колыбель всех высоких цивилизаций доколумбовой Америки.

ПО СТУПЕНЯМ ПРОГРЕССА

После того как люди, вооруженные еще самыми примитивными орудиями труда, смогли обеспечить себя постоянными урожаями со своих полей, они постепенно стали переходить к оседлому образу жизни. В истории племен Мезоамерики наступает новая важная эпоха — архаическая *. Археологические раскопки, в какой бы части страны они ни производились, открывают поразительно однообразную картину: остатки хрупких глинобитных хижин с тростниковыми крышами, глиняная посуда, маленькие женские фигурки, каменные орудия и зернотерки.

По мнению большинства ученых, архаические племена прошли в своем развитии три больших этапа: ранний, средний и поздний. Теоретически грань между ранним этапом архаики и предыдущей эпохой охотников и собирателей проводят исходя из того, когда хозяйство местного населения начинает базироваться преимущественно на земледелии. В археологической практике это различие определяется размерами и стабильностью поселений, а также прямыми или косвенными сведениями относительно уровня развития земледелия. Как мы уже отмечали выше, в Мезоамерике это событие произошло по крайней мере еще около 2000 г. до н. э. Последующие границы этапов выделяются на основании изменений в стилях керамики и глиняных статуэток и ряда других признаков, связанных с предполагаемой эволюцией в хозяйстве, социальных институтах и характере поселений. Абсолютные даты для каждого из них до сих пор точно не установлены. Это объясняется как малочисленностью анализов C_{14} для

* Другие названия, часто употребляемые в специальной литературе для обозначения этой эпохи, — «доклассическая» и «формативная».

«Юноша из Гуалупиты»
(глина, архаическая
культура долины Мехи-
ко, I тысячелетие до н. э.

архаических памятников, так и слишком частыми расхождениями их с данными полевой археологии (типологии и стратиграфии). Наиболее приемлема, на наш взгляд, следующая хронологическая шкала: раннеархаический этап — 2000—1000 гг. до н. э., среднеархаический этап — 1000—500 гг. до н. э., позднеархаический этап — 500—100 гг. до н. э.

Раннеархаические памятники изучены пока, к сожалению, очень слабо. Словно маленькие

островки, возвышаются они над морем археологической целины, ждущей еще своих исследователей. Лучшее всего известны нам, пожалуй, древности долины Мехико и ее ближайших окрестностей. Первые поселения земледельцев возникли здесь по берегам рек и вокруг огромного озера Тескоко, где сама природа создала все условия для ведения земледельческого хозяйства. Это были в большинстве своем небольшие поселки. Обломки обожженной глины с отпечатками жердей и прутьев, которые так часто находят там, позволяют воссоздать внешний облик убогих жилищ этих людей. Их глинобитные хижины с высокими крышами из листьев или тростника очень похожи на скромные домики современных мексиканских индейцев. Разбросанные вокруг зеленеющих майсовых полей, эти хижины и по своим размерам и по внутреннему убранству ничем не отличались еще друг от друга. В раннеархаи-

«Мексиканская «мадонна»:
головка глиняной архаической
статуэтки (Тлатилько, Мек-
сика)

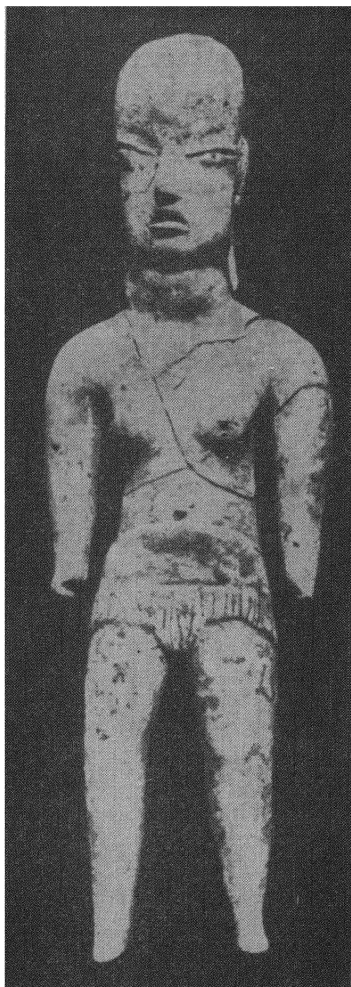

ческих селениях даже при самых тщательных исследованиях не найдешь никаких следов монументальной храмовой архитектуры: ее тогда еще попросту не было.

Наиболее древнее из них — Эль Арболильо I и нижний слой Сакатенко — представляют собой небольшие селения, но имеют толстый и насыщенный находками культурный слой, что свидетельствует о прочной оседлости. Местные гончары делали в это время довольно однообразные по форме изделия — кувшины, чаши и т. д., имеющие поверхность какого-либо одного определенного цвета: черного, коричневого, белого.

Довольно часто для украшения внешней части сосудов использовались ангоб, лощение и различные виды резного орнамента.

Жизнь первых земледельцев Нового Света была нелегка. Со дня рождения и до самой смерти она вращалась вокруг бесконечных циклов изнурительных сельскохозяйственных работ. Все зыбкое равновесие только что созданного производящего хозяйства целиком зависело от величины собранного урожая. Стоит ли поэтому удивляться, что древние обитатели Мезоамерики так ревностно поклонялись небесным духам, от милости которых зависел, по их убеждению, урожай, а следовательно, и само существование. Подобно всем земледельческим народам древности, они поклонялись обожествленным силам природы:

Скульптура женщины
(Тлатилько, Мексика)

солнцу, ветру, дождю и т. д. Правда, первоначально эти верования носили еще довольно примитивный характер, не выливаясь в какие-то осязаемые формы и образы. Но если верно предположение некоторых ученых, что многочисленные глиняные статуэтки (главным образом женские), найденные на архаических поселениях, связаны с культом плодородия, то мы имеем здесь дело с первым конкретным воплощением религиозных канонов в искусстве. Маленькие фигурки из обожженной глины — настоящая энциклопедия древней жизни. Благодаря им мы знаем теперь, как одевались и украшали себя предки современных индейцев, каков был их внешний облик. Это были довольно приземистые, крепкие люди. И мужчины, и женщины ходили полуобнаженными, в одних лишь набедренных повязках. Свои тела и лица они покрывали татуировкой или красочными росписями и узорами. Пышные головные уборы в виде тюрбанов завершали их костюм. То изящ-

ные и выразительные, то, напротив, нарочито огрубленные и схематичные, статуэтки производят тем не менее сильное впечатление.

«Короткие толстые тела, мясистые носы, выпученные

глаза и похожие на обрубки руки и ноги мало отвечают современному идеалу красоты. Однако держа в руках одну из таких статуэток и задумываясь над каждым этапом ее изготовления, мы проникаемся впечатлением исходящей от нее чрезвычайной серьезности и постигаем целый мир мысли, скованной техническими возможностями выражения. Человек, одаренный интуицией, нередко угадывает богатый мир искрящейся фантазии даже за жалкими каракулями ребенка. В этих статуэтках ощущается суровое восприятие сложных ритмов рождения, роста и смерти в природе»¹.

Главную пищу древних земледельцев долины Мехико составляла, вероятно, кукуруза. Причем в быту они употребляли тогда точно такую же утварь, какая почти повсеместно сохранилась еще у многих современных индейских племен: каменную зернотерку, или «метате» (*ацтекск.* «метлатль»), на которой растирали в муку кукурузные зерна; каменный терочник (валик), или «мано» (*ацтекск.* «метлапиль», или «сын метате»); круглую глиняную сковородку, или «камаль» (*ацтекск.* «комалли»), на которой пекли тонкие майсовые лепешки — «тортильяс».

Свой урожай древние земледельцы хранили в особых зерновых ямах или же в маленьких круглых домиках, выстроенных специально для этой цели.

Столь же незамысловатыми были и религиозные верования первых земледельцев. Когда человек умирал, соплеменники закутывали его тело в кусок ткани или циновку и помещали затем в неглубокую яму, выкопанную рядом с жилищем. Вместе с умершими клали их убогий скраб, совершенно необходимый, по тогдашним повериям, для загробной жизни: глиняные горшки с пищей и водой, обсидиановые ножи, наконечники копий и стрел, зернотерки, каменные топоры и т. д. При этом количество и качество вещей в каждой могиле почти одинаково, что свидетельствует об относительном имущественном равенстве всех членов племени.

Картина, которую раскрывают нам раннеархаические памятники долины Мехико, отражает общие тенденции в развитии всех мезоамериканских культур того времени. Постоянные поселки, состоящие из глинобитных хижин*,

* Глиняная модель одной такой хижины была найдена на древнем поселении Тампико (штат Веракрус, Мексика).

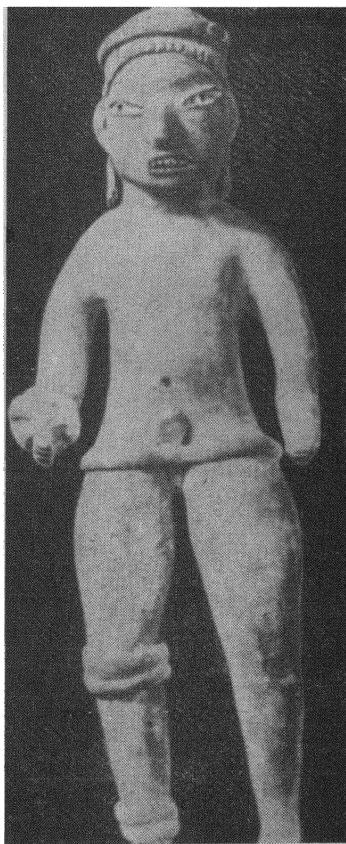
Сидящий ребенок (Тлатилько, Мексика)

маисовое земледелие как основа хозяйства, простая монохромная керамика, культ глиняных женских статуэток — все эти черты без труда прослеживаются в любом уголке древней Мезоамерики: от гор Тамаулипаса до реки Улуа в Западном Гондурасе.

В начале I тысячелетия до н. э. замкнутая жизнь ранних земледельцев претерпевает серьезные изменения. Совершенствуются методы земледелия, увеличивается общее число возделываемых растений, значительных успехов достигает селекция кукурузы (скрещивание примитивных ее видов с другими растениями и выведение гибридных сортов).

Успехи в хозяйственной сфере немедленно сказываются и на других сторонах жизни. Расширяется торговый обмен с соседними областями, появляется уже и некоторое имущественное неравенство. Среди статуэток этого времени начинают встречаться весьма любопытные экземпляры. Это изображения людей в вычурных головных уборах или высоких конических шапках, на плечах у них — длинный плащ, а на лицах иногда — маска. Хотя эти хрупкие фигурки не имеют еще вполне сложившихся канонизированных форм, они отражают, по-видимому, процесс зарождения жречества, ставшего впоследствии могучей политической силой в истории древних цивилизаций Мезоамерики. Примерно в то же время появляются и первые святилища и храмы, построенные из дерева и глины. Их размеры еще невелики, но они уже гордо возвышаются на своих высоких пирамидальных основаниях над окружающими хижинами земледельцев.

В течение следующего, среднеархаического, этапа некоторые деревушки в долине Мехико превращаются в довольно крупные селения, что связано, безусловно, с известным ростом населения. Возникает и много новых поселков. Все эти внутренние процессы, признаки которых

Статуэтка игрока — участника ритуальной игры в мяч (Тлатилько, Мексика)

можно проследить по всей Мезоамерике, отражают в свою очередь какие-то важные изменения в экономике и социальной структуре, к сожалению, почти неуловимые на археологическом материале.

Керамика и скульптура среднеархаического времени по крайней мере в долине Мехико базируется на традициях предыдущего периода, что связывает воедино культуры раннего и среднего этапов архаики. Однако в это время начинает широко распространяться бихромная керамика, т. е. посуда, украшенная по поверхности росписью двух цветов. Появляются фигурные вазы в виде разнообразных зверей и птиц, сосуды-бутылки, сосуды с ручками и водосливами, сосуды-триподы на трех ножках, сосуды с плоским дном и т. д., глиняные статуэтки новых типов, например типа «Д». Это женские фигурки с выразительными миловидными лицами. Некоторые американские археологи называют их даже «прекрасными леди» («pretty lady»).

Погребения этого времени находятся уже в специальных некрополях, часто вынесенных за пределы селений. Набор вещей, сопровождавших умерших, становится гораздо богаче и разнообразнее, чем прежде.

На одной из окраин города Мехико, в местечке с экзотическим названием Тлатилько, что в переводе означает «Место, где спрятаны вещи», с давних времен добывали прекрасную глину, которая шла главным образом на изготовление кирпича. И очень часто вместе с ней рабочие поднимали наверх истлевшие человеческие кости и всевозможные древние вещи: вычурные вазы в виде зверей и птиц, странные глиняные фигурки людей, наконечники стрел и копий из блестящего черного обсидиана. К сожалению, ученые узнали об этом далеко не сразу. Большая часть найденных в Тлатилько предметов старины попала в руки скупщиков и коллекционеров. Лишь в 1947 г. сюда пришли археологи из Национального института антропологии и истории (Мексика) и начались широкие научные исследования этого уникального памятника, вписавшие новую яркую страницу в тысячелетнюю историю мексиканской культуры. За два с небольшим года было раскопано свыше 200 погребений, найдены сотни разнообразных вещей, значительно расширивших наши представления о жизни людей, населявших долину Мехико около 30 веков назад. Но главное значение открытий в Тлатилько состоит в том, что они впервые дали возмож-

Глиняная чаша с резным орнаментом, заполненным белой пастой (Тлатилько, Мексика)

ность проследить постепенное зарождение в глубинах архаики многих черт, свойственных индейским цивилизациям последующей, классической, эпохи.

Именно тогда впервые появляются глиняные ритуальные маски с многоцветной росписью, божество в образе ягуара, изображение «пернатого змея» — Кецалькоатля — покровителя культуры и знаний, статуэтки участников ритуальной игры в мяч, известной у ацтеков под названием «тлачтли», и многое другое.

Особенно интересны странные глиняные маски и сосуды, одна сторона которых изображает половину человеческого лица с длинным висящим языком, а другая — половину черепа. По всей вероятности, древний скульптор выразил таким образом какие-то сложные религиозные понятия дуалистического характера (идея вечной смены жизни и смерти). Эти же понятия отражены, по-видимому, и в ряде скульптурных произведений: например, к одному туловищу прикреплены две женские головки.

Благодаря находкам в Тлатилько мы знаем также, что жители долины Мехико в это время впервые начинают искусственно деформировать себе черепа и подпиливать

зубы². Позднее этот обычай получает широкое распространение у многих цивилизованных народов Мезоамерики.

Примерно в то же время, в I тысячелетии до н. э. *, предки сапотеков осуществляют гигантскую работу по искусственному выравниванию горы, на вершине и склонах которой они позднее строят свою столицу — город Монте Альбан.

Появление каменных гробниц, пирамидальных святилищ и храмов, глиняных урн с масками богов и каменных рельефов с вычурными фигурами «танцоров» («los danzantes») знаменует собой начало тех непрерывных изменений, которые приводят в конечном счете к возникновению на территории Оахаки одной из трех блестящих мезоамериканских цивилизаций классической эпохи — сапотекской.

Из всех областей, вошедших позднее в состав древнего царства майя, только в Чиापаса имеются памятники, датированные ранее 1000 г. до н. э. Там культура этапа *Которра*, или *Чиана I* (1400—1000 гг. до н. э.), сменилась родственной ей культурой этапа *Дили*, или *Чиана II* (1000—550 гг. до н. э.). Еще один крупный очаг древней земледельческой культуры на территории майя находился в Каминальхуйю (центральная часть горной Гватемалы), где материалы среднеархаического периода представлены по местной периодизации этапами *Ареvalo* и *Махадас*. В это время значительно выросло число холмов-пирамид с постройками из дерева и адобов **, наметились прогрессивные изменения в традициях гончарного искусства и т. д.

Вся остальная равнинная часть области майя, включая Юкатан, Кинтана Роо и Кампече (в Мексике), Петен (в Гватемале) и Британский Гондурас, стала, по-видимому, осваиваться в самом начале среднеархаического периода.

Это было, бесспорно, одно из крупнейших событий той эпохи. Но массовая колонизация новых земель стала возможной лишь в результате важных хозяйственных и культурных изменений и прежде всего в области земледелия.

* Имеющиеся в нашем распоряжении данные C_{14} для материалов этапа *Монте Альбан I* (684 ± 170 гг. до н. э. и 650 ± 170 гг. до н. э.) заставляют отнести его скорее к концу, чем к началу среднеархаического периода.

** Адоб — сырцовый кирпич.

По всей вероятности, именно в это время получило широкое распространение подсечно-огневое земледелие — система «мильпа»*, ставшая в руках древних майя грозным оружием в борьбе против тропических джунглей. Значительный прирост населения и необходимость освоения новых нетронутых земельных угодий создавали все условия для таких массовых переселений горных племен в область предгорий и равнин.

Попытки найти следы пребывания этих ранних земледельцев в низменных районах майя долгое время оканчивались неудачей. Дело в том, что слои архаической эпохи, как правило, перекрываются здесь монументальными каменными постройками более позднего времени — времени расцвета Древнего царства майя — и добраться до них очень нелегко. Тем не менее сейчас мы имеем в своем распоряжении материалы таких среднеархаических памятников, как Вашактун (этап *Ia*, или *Мамом*: 800—400 гг. до н. э.) и Алтарь Жертв (этап *IIIe*: 1100—1000 гг. до н. э.) — в Петене; Цибилчалтун (этап *Формативный I*: 1000—400 гг. до н. э.) на Юкатане; Нохоч Эк в Британском Гондурасе и др.

Наиболее важным событием следующего, позднеархаического, этапа было, безусловно, появление интенсивных форм земледелия. На склонах бесчисленных гор кропотливым трудом многих поколений земледельцев возводятся из камня опорные стены-террасы, несколько увеличившие общую площадь годной для обработки земли. В засушливых районах (Оахака, Пуэбла и т. д.) начинают строиться первые оросительные каналы, плотины и дамбы. Одновременно происходит быстрое развитие различных ремесел и торговли. При раскопках селения Тикоман (в долине Мехико) археологи нашли две могилы кожевников, погребенных вместе со своими инструментами и кусками кожи. Больших успехов в освоении новых приемов украшения сосудов добиваются гончары. Обитатели позднеархаических поселений Центральной Мексики ведут оживленный торговый обмен со своими соседями. В это время резко возрастает приток всякого рода морских продуктов (главным образом раковин, добываемых на Тихоокеанском и Атлантическом побережьях) во внутренние районы страны. Из горных областей Гватемалы и Чиапаса привозят в долину

* Мильпа — кукурузное поле (ацтекск.)

Глиняная чаша (Тлатилько, Мексика)

Мехико украшения и топоры из нефрита, порфира и змеевика. Волна технических исканий захватывала не только ремесленников, но и скульпторов. Они уделяют теперь больше внимания форме и создают не только гротескные, но и реалистические образы.

Часто статуэтки покрывают белой краской, подправляют красным цветом и полируют. Художники стремятся воспроизвести изображаемых людей в движении: поправляющими волосы, закрывающими руками глаза, держащими чашу или совершающими какие-либо другие действия. В других случаях скульпторы используют в своей работе старые методы: налепливают кусочки глины, желая передать мельчайшие подробности натуры; тщательно воспроизводят украшения, головные уборы и черты лица.

Многие старые деревушки в это время превратились в ритуальные и политические центры, где над массой простых жилищ из дерева и глины поднялись на своих пирамидальных основаниях храмы. Племена, населявшие южную часть долины Мехико, воздвигли в Куикуилько огромную круглую пирамиду из адобов, высота которой

достигала 18 м, а диаметр — 111 м. Склоны пирамиды были облицованы речными валунами и скреплены глиняным раствором. К ее плоской вершине вели две широкие лестницы. Там, прямо под открытым небом древние мастера построили большой алтарь из гладких адобов, покрытых сверху слоем штукатурки и красной росписью.

Население Куикуилько дважды перестраивало это внушительное сооружение, увеличивая его и заменяя старый алтарь новым. Один раз была обновлена и облицовка пирамиды. Вместо речных валунов материалом для нее послужили куски лавы. Со временем пирамида пришла в запустение, дожди ослабили каменную облицовку и склоны ее начали сползать вниз. Затем произошло необычайно мощное извержение соседнего вулкана Шитли, и потоки расплавленной лавы залили всю окружающую местность, в том числе и Куикуилько. Остывшая лава образовала каменный покров толщиной свыше метра. Все основание пирамиды и огромное селение*, раскинувшееся вокруг, были прочно замурованы в своеобразной каменной темнице. По подсчетам специалистов, эта гигантская катастрофа, вынудившая покинуть родные края почти все население южной части долины Мехико, произошла примерно 2 тыс. лет назад, т. е. в конце I тысячелетия до н. э.³

В позднеархаическое время получают повсеместное распространение канонизированные образы старых земледельческих богов — Тлалока (бога воды и дождя), Уеутеотля (бога огня) и т. д., что подтверждает зарождение официальной религии и организованного жречества.

Значительно меняется и характер погребений. На смену могилам ранней и средней архаики, почти не отличающимся друг от друга по инвентарю, приходят, с одной стороны, пышные гробницы знати и жрецов, а с другой — масса простых ямных погребений, почти лишенных вещей.

В Каминальхуйю какой-то знатный человек был погребен внутри 20-метровой пирамиды. Вокруг него и по краям могилы были положены 4000 сосудов из глины, нефрита, алебастра и мрамора, маски с нефритовыми инкрустациями, каменные зеркала, сотни украшений из нефрита, ра-

* Последние раскопки в Куикуилько (1957 г.) показали, что это селение имело уже почти все признаки городского центра и, следовательно, может считаться прообразом будущих городов — Теотихуакана тольтеков и ацтеков.

ковин и кости. Другой человек, погребенный в той же самой могиле, вообще не имел вещей. Его принесли, по всей вероятности, в жертву могущественному вождю, с тем чтобы он мог прислуживать своему господину и в загробном мире⁴. Таким образом, наступил уже такой момент, когда членов одного и того же общества отделила друг от друга глубокая социальная пропасть.

Все отчетливее и ярче проглядывают сквозь кажущуюся простоту старого архаического быта контуры будущих индейских цивилизаций. Все убыстряется темп общественного и культурного развития. Наиболее передовые народы Мезоамерики вплотную приближаются к тому роковому рубежу, который отделяет патриархальные порядки первых земледельцев от рабского удела их ближайших потомков, очутившихся в самом низу гигантской социальной пирамиды, созданной нарождающимся раннеклассовым государством.

И здесь перед исследователем встает трудная задача — проследить, как в недрах родового общества зарождается раннеклассовое государство с его городами, письменностью, сложной религией и искусством.

Дело осложняется еще тем, что, во-первых, археолог, как правило, получает представление лишь о некоторых сторонах материальной культуры исчезнувшего народа. Кроме того, нужно помнить, что и характер самой материальной культуры удается восстановить далеко не с исчерпывающей полнотой: ведь в земле почти не сохраняются предметы из дерева, ткани, ковры, корзины, плетения, циновки и т. д. Следовательно, без письменных источников возможности археологов при воссоздании социальных отношений и духовной культуры древнего общества крайне ограничены. Особенно это справедливо для первых цивилизованных народов древности. Гораздо больший эффект дает в таких случаях сочетание двух, а то и трех видов источников, когда археолог, отложив на время лопату, садится за изучение древних рукописей и трудов своих коллег — этнографов, описания которых часто помогают облечь голый каркас технологической эволюции общества плотью фактов, проливающих свет на его духовную и социальную жизнь.

Но археолог выявляет, в какой степени связана материальная культура мезоамериканского общества эпохи цивилизации с культурой предшествующего архаического

времени. И тогда открывается поразительная картина. В глубинах архаики истоки всех или почти всех великих достижений древних индейских народов. Очень медленно, почти незаметно для человеческого глаза накапливались в недрах архаического общества новые явления. И вдруг в этой плавной эволюции с какой-то драматической внезапностью произошел резкий перелом — на сцене появились совершенно новые исторические персонажи, принесшие с собой гибель родовому строю. Старейшина, шаман и не знающий еще угнетения земледелец, рыболов и охотник уступили место аристократам и жрецам, в подчинение к которым попал теперь весь остальной народ. Возникло качественно новое учреждение, совершенно несовместимое с родовым строем, — государство.

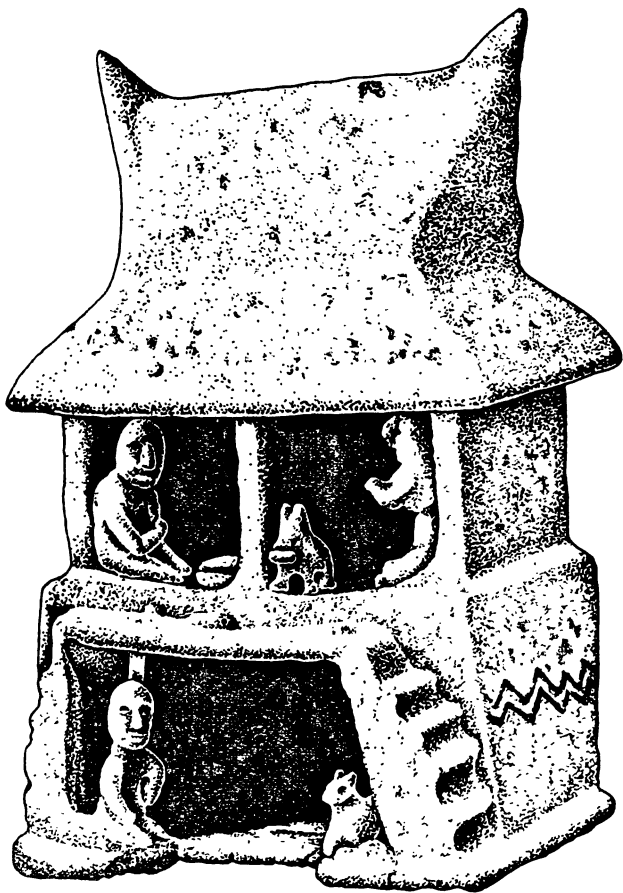
К началу нашей эры в Мезоамерике существовало уже несколько крупных цивилизаций, созданных различными индейскими народами. В Центральной Мексике, от границ штата Идалго на севере до Пуэблы на юго-востоке и от Мичоакана до побережья штата Веракрус, раскинулось государство, центром которого стал гигантский город Теоти-хуакан.

Предки современных сапотеков, жившие на территории штата Оахака, возвели на вершине и склонах большой горы свою блестящую столицу — Монте Альбан.

Одновременно с этим по всей области майя, от каменистых равнин Юкатана до вечнозеленых тропических лесов Северной Гватемалы, засияли созвездия великолепных городов Древнего царства: Тикаль, Вашактун, Паленке, Цибилчалтун, Алтарь Жертв, Копан и Киригуа и т. д.

До сих пор остаются для ученых загадкой памятники таинственной культуры ольмеков обитавших в древности на побережье Мексиканского залива, в южной части штатов Веракрус и Табаско. Ее создатели высекали гигантские каменные головы из многотонных глыб, возводили стелы и алтари, и, по-видимому, изобрели сложный календарь даже раньше, чем их восточные соседи — майя. Но каковы были взаимосвязи того и другого народов и к какому времени относится расцвет городских центров ольмеков — Ла Венты, Сан Лоренсо и Серро де Лас Месас, — решить пока не удалось.

К северу от ольмеков жил еще один древний народ — тотонаки, создавшие в I тысячелетии н. э. не менее высокую по уровню цивилизацию, чем их соседи. Столица

Модель жилого домика из Западной Мексики (глина, архаическая культура)

тотонаков город Тахин был украшен великолепной многоэтажной пирамидой, в бесчисленных нишах которой стояли статуи богов и правителей.

Все эти первые мезоамериканские цивилизации изучены далеко не равномерно. Если, скажем, на территории майя работы ведутся регулярно на многих памятниках вот уже более 60—70 лет, то культура тотонаков известна лишь благодаря раскопкам ее столицы. Исследование ольмек-

ских памятников тоже начинает разворачиваться по-настоящему только в самое последнее время. Поэтому в последующих главах речь пойдет только о двух ранних цивилизациях — теотихуаканской и майя, вписавших наиболее яркие страницы в доиспанскую историю Мезоамерики. Их судьбы имеют между собой много общего. Расположенные на передовых рубежах цивилизованного мира и майя, и жители Теотихуакана постоянно испытывали давление со стороны пестрых и беспокойных варварских племен. Расцвет культуры в обеих областях в I тысячелетии н. э. послужил мощным толчком для развития культур их соседей. И настолько прочны были культурные традиции, созданные первыми цивилизованными народами Мезоамерики, что даже их дальние потомки — тольтеки, ацтеки и юкатанские майя (X—XVI вв. н. э.) испытали на себе их благотворное влияние. Можно без особого преувеличения сказать, что цивилизации Теотихуакана и Древнего царства майя сыграли в истории Мезоамерики ту же роль, что цивилизации Греции и Рима для Европы⁵.

ТЕОТИХУАКАН — «ОБИТЕЛЬ БОГОВ»

Разрушенный город лежал перед нами, словно потерпевший крушение корабль: мачты его потеряны, название стерлось, экипаж погиб, и никто не знает, откуда он шел, кому принадлежал, как долго длилось его путешествие, что послужило причиной его гибели...

Джон Ллойд Стефенс

В 50 км к северо-востоку от города Мехико, там, где горные хребты несколько расступаются, образуя большую и плодородную долину, находятся руины Теотихуакана — столицы одной из древнейших цивилизаций Центральной Мексики. Пожалуй, трудно найти еще один город со столь печальной и трагической судьбой. Когда в самом конце XIX в. сюда пришли первые исследователи, Теотихуакан был похож на безгласную каменную статую с невыразимо прекрасными, но искаженными мучой чертами лица. Созданная им блестящая цивилизация была мертва. Мы не знаем имен ее полководцев, мыслителей, художников и правителей, языка, на котором говорили ее творцы, и даже подлинного имени этого древнего города*.

Но настолько велика была роль Теотихуакана в истории древней Мезоамерики, настолько сильным оказалось воздействие его культурных традиций на последующие поколения мексиканцев (тольтеков, ацтеков и т. д.), что смутные воспоминания о некогда блестящем городе сохранились у местных индейских народов вплоть до появления испанцев. Мы узнаем о нем из чеканных строк ацтекских легенд и преданий:

Когда была еще ночь,
Когда не было еще дневного света,

* Слово «Теотихуакан» ацтекского происхождения.

Собрались тогда боги в Теотихуакане.
И сказали они друг другу:
О боги!
Кто из вас возьмет на себя
Труд сделать так, чтобы
Был дневной свет?».

И заботливые боги создали луну и солнце. А затем, чтобы заставить их двигаться и тем самым дать возможность жить людям спокойно, они принесли себя в жертву и погибли¹. Существует старая легенда о том, что Монтесума — грозный повелитель ацтеков — не один раз совершал к руинам мертвого города утомительные паломничества для принесения жертв богам луны и солнца, обитавшим, по преданию, на вершинах больших пирамид. Сооружение Теотихуакана ацтеки приписывали расе гигантов — мифических предков современных людей. Индейцам казалось, что такие грандиозные постройки могли воздвигнуть лишь существа, наделенные сверхъестественной силой. Известную пищу для подобных поверий давали и довольно частые в долине Мехико находки огромных костей ископаемых животных, которые по ошибке принимались за человеческие. Из других легенд можно заключить, что предки обитателей Теотихуакана пришли откуда-то с северо-востока, с побережья Мексиканского залива, где находилась таинственная страна Тамоанчан:

Тотчас же отправились они в путь,
все до одного отправились они в путь:
и мальчишки, и старики,
и девчонки, и древние старухи.
Очень медленно, очень осторожно двигались они,
пока не собрались все вместе в Теотихуакане.
Там установили они свои законы,
там устроили они свое царство.
И те, кого избрали сначала царями,
были мудрецами, знатоками таинственных явлений,
хранителями традиций.
Затем появились там сановники.
И весь народ построил святилища
в честь богов солнца и луны,
после этого было сделано много других святилищ
меньшего размера.

И место это назвали Теотихуакан,
потому что, когда умирали правители,
их здесь же и хоронили.
Затем строили над ними пирамиды,
которые стоят еще и сейчас.
Каждая пирамида напоминает небольшую гору,
только сделанную рукой человека.
И там имеются ямы,
где они добывали камни,
из которых сделаны эти пирамиды,
и среди них есть очень большие,
Пирамида Луны и Пирамида Солнца².

Но легенды и предания людей, пришедших в страну много веков спустя после гибели Теотихуакана, вряд ли могли составить сколько-нибудь прочную базу для воссоздания подлинной истории города, который погиб внезапно, уничтоженный одним решительным ударом неприятеля. Следы гигантского пожара, прослеженные почти во всех поздних зданиях города, позволяют предполагать, что последние часы длительной и бурной жизни Теотихуакана были насыщены подлинным драматизмом: блеск оружия вражеских армий, окруживших город железным кольцом, несмолкающий гул ожесточенной битвы, разыгравшейся на его окраинах, зарево близких пожаров и, наконец, разграбление и гибель древней столицы под ликующие крики победителей. Теотихуакан был стерт с лица земли и никогда уже больше не возродился вновь. Все, что находилось в момент штурма в кладовых дворцов и храмов, лавках торговцев, ремесленных мастерских, домах горожан и не попало в алчные руки грабителей, было завалено обломками рухнувших зданий, которые надежно укрыли изделия древних мастеров от разрушительного воздействия времени. А потом пришли археологи, и сокровища погибшей культуры стали достоянием людей сегодняшнего дня. Это и позволяет ученым перекинуть невидимый «мост» в ту эпоху, когда на туманном горизонте мезоамериканской истории рождалась первая в долине Мехико цивилизация.

Если бы нам удалось с высоты птичьего полета посмотреть на Теотихуакан 19 веков назад, то перед нами открылась бы изумительная картина. На дне обширной и плодородной долины, замкнутой со всех сторон голу-

быми громадами горных хребтов,— белые и желтые квадратики бесчисленных зданий. Они то сгруппированы вместе, образуя тесно застроенные улицы и кварталы, то, напротив, широко разбросаны по всей прилегающей местности. Точные границы древнего города до сих пор так и не установлены. Однако лишь центральная его часть, включающая все наиболее значительные архитектурные сооружения, имеет 2,5 км в длину и около 1 км в ширину. С севера на юг весь Теотихуакан пересекает длинная (до 2 км) и широкая улица — Калье де Лос Муэртос, или Дорога Смерти*. На северном ее конце расположен гигантский массив Пирамиды Луны (высота 42 м), сложенной из сырцового кирпича и облицованной камнем. По своей конструкции и внешнему виду она точная копия своей старшей сестры Пирамиды Солнца. Последняя представляет собой 5-ярусное сооружение с плоской вершиной, на которой стоял когда-то небольшой храм. Высота этого колосса — почти 64,5 м, длина сторон основания — 211, 207, 217 и 209 м, общий объем — 993 000 м³. Подсчитано, что для строительства пирамиды потребовался труд не менее 20 тыс. человек в течение 20—30 лет.

Южный конец Дороги Смерти упирается в обширный комплекс построек, возведенных на одной гигантской платформе и объединенных под общим названием «Сьюдадела» (исп. «Цитадель»), хотя вряд ли изящный ансамбль святилищ и храмов имел в древности какое-либо оборонительное значение. Особенно выделяется среди них великолепный храм в честь бога Кецалькоатля — «пернатого змея», покровителя культуры и знаний. Собственно говоря, само здание полностью разрушено, но зато прекрасно сохранилось его пирамидальное основание, состоящее из шести постепенно уменьшающихся каменных платформ, поставленных друг на друга. Фасад пирамиды богато украшен каменными скульптурами «пернатого змея» и бабочек (один из символов бога воды Тлалока). При этом зубы всех змеиных голов были расписаны белой краской, а глаза бабочек имели зрачки из дисков обсидиана.

В религии обитателей Теотихуакана не было, по всей вероятности, таких кровавых обрядов, как, например, у

* Все названия в Теотихуакане носят условный характер. Они даны либо аптеками, либо современными исследователями города.

ацтеков. Тем не менее закладка и освящение новых храмов требовали жертвоприношений и пышных даров. Их помещали обычно в особые ямки-тайники, устроенные чаще всего под центральной лестницей здания. Одно из таких ритуальных приношений археологам удалось обнаружить в храме Кецалькоатля. На дне тайника были свалены в одну кучу большие морские раковины, доставленные в город с тихоокеанского побережья, статуэтки людей из драгоценного зеленого нефрита, кремневые и обсидиановые кинжалы и, наконец, человеческие зубы, фигурно подпиленные и инкрустированные кусочками нефрита. Когда ученые более внимательно ознакомились с этой необычной находкой, то выяснилось, что зубы принадлежали не жителям Теотихуакана, а скорее всего их южным соседям — сапотекам или майя. Во всяком случае только они уродовали свои зубы таким способом. Поскольку других человеческих костей в тайнике не оказалось, то мы не можем с полной уверенностью говорить о том, что древние теотихуаканцы, открывая новый храм, принесли в жертву своему великому богу нескольких пленников-чужеземцев.

Там же, на центральном проспекте, носящем столь мрачное название, был недавно обнаружен дворец одного из правителей города — дворец Кецальпапалотля, или «Дворец пернатой улитки» (его фасадная сторона украшена резными каменными колоннами с изображением «пернатой улитки»). С одной стороны, он поражает своей пышностью: длинные анфилады жилых комнат, складские и подсобные помещения, сгруппированные вокруг открытых внутренних двориков, стены, сложенные из адобов, снаружи и изнутри покрытые слоем белого блестящего штука, а часто и красочными фресковыми росписями³. С другой стороны, низкие плоские крыши, полутемные комнаты, отсутствие окон — все это как-то мало отвечает нашим представлениям о той роскоши, в которой, судя по восторженным рассказам конкистадоров, жили туземные правители доколумбовой Мексики. Мы не знаем, в какой мере эти рассказы соответствуют действительности. Ясно только одно: дворцы первых владык Центральной Америки во многом уступали по своему убранству и внешнему виду дворцам египетских фараонов и ассирийских царей. Но вместе с тем вряд ли в каком-либо другом древнем городе Старого Света, не считая, конечно,

античных, можно встретить столь высокую степень благоустройства и продуманной заботы хозяев о месте своего обитания.

Правильная сеть улиц, пересекающихся под прямым углом с центральным проспектом города Дорогой Смерти, свидетельствует о том, что Теотихуакан застраивался по особому, тщательно продуманному плану. Мексиканский археолог Игнасио Маркина установил, что все постройки Теотихуакана ориентированы не точно по странам света, а по оси Дороги Смерти. Последняя же в свою очередь отклоняется примерно на 17° к северу от истинного запада. Точно так же ориентирована и Пирамида Солнца — самое раннее здание города, на вершине которого стоял главный городской храм, посвященный богу солнца. Именно он и явился отправной точкой для последующего строительства в черте города. Точно по такому же плану строились и другие города Теотихуаканского царства: в Чолуле (штат Пуэбла) местные жители возвели из адобов многоступенчатую пирамиду более 55 м высотой, которая превосходит по своим размерам даже то гигантское сооружение, с помощью которого египетский фараон Хеопс захотел увековечить свое бессмертие. Изящный храм Тлалока (бога воды и дождя), увенчивающий ее вершину, был уничтожен лишь в 1520 г., когда солдаты Кортеса устроили в Чолуле кровавую резню, истребив почти треть всех ее жителей. И сама пирамида, и главные улицы города были ориентированы, как и в Теотихуакане, с отклонением в 17° к северу от истинного запада. Любопытно, что такую же ориентировку имела и густая сеть каналов, окружавших когда-то главный центр теотихуаканской цивилизации. Улицы и площади этой великолепной столицы были вымощены твердым, как камень, цементным раствором. Под ними были проложены многочисленные каменные желоба и водостоки, отводившие дождевую воду в специальные бассейны или каналы. Мусор и всякого рода отбросы вывозились за пределы центральной части города на специальные свалки.

В отличие от большинства древних городов Старого Света Теотихуакан не имел внешних оборонительных укреплений. Да и кого могли бояться жители столицы наиболее могущественного государства Мексики? Но внутри города мощные стены дворцов и высокие пира-

миды храмов при случае надолго задержали бы натиск неприятельской армии или толпы восставших горожан и земледельцев.

На широких открытых площадях перед центральными храмами находились главные рынки города, куда стекались товары из самых отдаленных районов Мезоамерики. Драгоценные зеленые перья птицы кецаль из Гватемалы, бобы какао из Гондураса и Табаско, нефрит и раковины с берегов Атлантики и Тихого океана, статуэтки-амулеты из таинственной страны ольмеков, затерявшейся в тропических лесах и болотах на побережье Мексиканского залива, обменивались здесь на изящные изделия теотихуаканских мастеров. Благодаря этой оживленной торговле город быстро богател, рос вширь и украшался новыми великолепными дворцами и храмами.

Вокруг центра тесно лепились друг к другу глинобитные жилища простых горожан, образующие отдельные городские кварталы — «барриос» — с узкими улочками и глухими стенами домов. Все дома были одноэтажными, с плоскими крышами и без окон. Единственным источником воздуха и света служили двери, обязательно выходявшие во внутренний открытый дворик. Среди развалин этих жилищ археологи находят обычно ту незамысловатую утварь, которая принадлежала когда-то рядовым горожанам: глиняную посуду, кремневые и обсидиановые инструменты, смешные статуэтки богов, вылепленных из глины или отлитых в специальных формах, и могилы, так как мертвых хоронили тут же, под полом.

Кварталы ремесленников и городской бедноты, к сожалению, редко привлекают внимание зарубежных археологов, предпочитающих заниматься наиболее выдающимися произведениями древнего искусства, которые встречаются, как правило, лишь в храмах и дворцах. Именно это странное пренебрежение к массовому археологическому материалу и привело к тому, что многие яркие страницы из истории Теотихуакана до сих пор остаются для нас неизвестными.

Особенно много споров вызывает проблема происхождения теотихуаканской цивилизации и этническая принадлежность ее создателей, поскольку именно в этот период по всей Мезоамерике складываются первые раннеклассовые государства, возникают города, создаются различные системы письменности и календаря. Но что

же считать рубежом, который отмечает рождение местной цивилизации?

Долгое время таковым считался момент сооружения двух гигантских пирамид — Солнца и Луны. Ученые не допускали и мысли, что подобные громады могли построить племена архаической эпохи с их довольно ограниченными техническими возможностями. И это несмотря на то, что внутри Пирамиды Солнца встречаются материалы исключительно позднеархаического времени (этап *Теотихуакан I*, или *Цакуалли*)⁴.

Мексиканец Эдуардо Ногера (в 1935 г.) и исследователь из США Джордж Вайян (в 1938 г.), справедливо отметив наличие некоторых западномексиканских элементов в культуре *Теотихуакана I*, утверждают тем не менее, что теотихуаканская цивилизация родилась в результате слияния двух культурных традиций: местной и западномексиканской. Известный мексиканский археолог и искусствовед Мигель Коваррубас предполагает, что «великие традиции теотихуаканской культуры» были принесены в долину Мехико в конце этапа *Цакуалли* (*Теотихуакан I*) таинственной чужеземной элитой, родина которой находилась где-то на востоке, на побережье Мексиканского залива. Подчинив себе более примитивные местные племена, пришельцы, по его мнению, стали во главе нового цивилизованного общества, сложившегося на базе слияния двух культурных потоков: местного и чужеземного.

Если же верить мексиканским ученым Х. Гарсиа Пайону и Р. Пинье Чану, то истоки теотихуаканской цивилизации следует искать где-то на территории штата Веракрус, в области тотонаков. Во-первых, и в Теотихуакане, и в Ремохадасе (Веракрус) господствует очень сходный по форме художественный стиль. Во-вторых, испанский монах Торкемада отмечает в своих трудах, что, согласно древней легенде, предки тотонаков во время своих странствий побывали в Теотихуакане и построили там большие пирамиды. Несомненно, что во многих старинных преданиях и мифах имеется какое-то рациональное зерно, скрытое под густым покровом вымысла. Однако извлечь это зерно удастся далеко не всегда. Следует помнить, что все сохранившиеся до наших дней легенды о Теотихуакане были созданы не его жителями или их прямыми потомками, а чуждыми им по крови и

культуре людьми, появившимися в долине Мехико через шесть-семь веков после гибели великого города. Но, пожалуй, самую крайнюю позицию в споре о происхождении цивилизации Теотихуакана занял шведский исследователь Сигвальд Линне, много лет проводивший раскопки на территории города. Он доказывал, что в конце этапа *Теотихуакан I* местное население было полностью вытеснено из благодатной долины каким-то неизвестным пришлым народом, который и создал через некоторое время блестящую культуру классической эпохи.

Таким образом, большинство специалистов по теотихуаканской археологии, долго работавших в зоне города и лучше, чем кто бы то ни было, знакомых с его культурой, сошлось на том, что местная цивилизация принесена либо с востока, либо с запада, либо с юга, но только не родилась в самом Теотихуакане.

Немаловажную роль сыграл при этом тот факт, что до самого последнего времени на территории Теотихуакана не было известно ни одного участка, содержащего непо потревоженные слои этапа *Цакуалли (Теотихуакан I)*. Немногое, что мы знали тогда о культуре этого времени, вытекало из анализа материалов, заключенных в гигантских сырцовых кирпичах внутренней части Пирамиды Солнца. В результате многие ученые предположили, что в конце архаической эпохи в зоне будущего города не было густого населения, способного построить сообща гигантские пирамиды в честь своих богов. Отсюда понятно, почему все названные исследователи предпочли искать корни теотихуаканской цивилизации за пределами долины Мехико. Но сколько они ни старались преуспеть на этом поприще, все их попытки терпели неудачу. Проблема происхождения цивилизации Теотихуакана была далека от своего окончательного решения как никогда.

Человеком, на долю которого выпала честь сказать новое слово по этому вопросу, был американский археолог Рене Миллон.

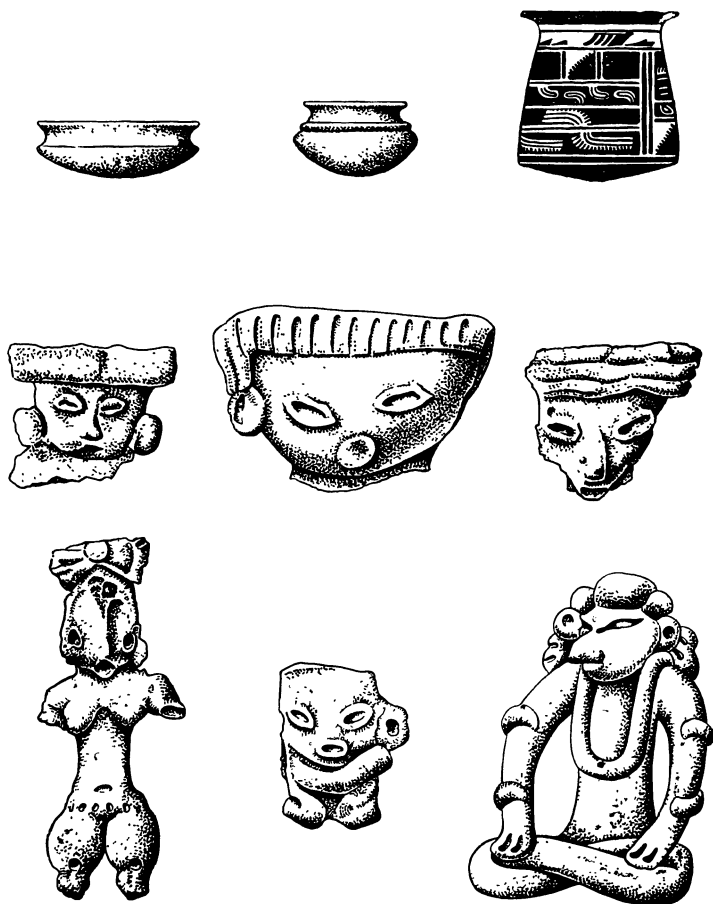
В 1957 г. вместе с Джеймсом Беннихоффом он приступил к поискам материалов этапа *Цакуалли (Теотихуакан I)* в зоне города. Друзья упорно, метр за метром исследовали каждый клочок земли, оплывшие холмы больших и малых пирамид, кучи мусора и щебня. Первым признаком, подтвердившим правильность выбранно-

го ими пути, оказалась керамика этапа *Цакуалли*, россыпи которой лежали прямо на поверхности земли, к северу и северо-западу от Пирамиды Луны. А затем случилось нечто неожиданное. В городе, который считался изученным вдоль и поперек, никто не заметил сущего «пустыка» — целого городского района (Остойахуалько) протяженностью свыше километра. Развалины зданий и пирамид, груды черепков глиняной посуды, статуэтки и каменная утварь стали достойной наградой исследователям, рискнувшим удалиться далеко в сторону от пышного центра Теотихуакана с его дворцами и храмами, как магнит притягивавшими к себе большинство археологов. Вскоре было установлено, что подавляющая часть находок из Остойахуалько относится к этапу *Цакуалли*, т. е. к наиболее раннему этапу в жизни города. И здесь выяснилось, что посуда гончаров *Цакуалли* очень похожа на те изящные изделия, которые изготавливали позднее их цивилизованные потомки⁵.

Прямую преемственность между эпохами поздней архайки и цивилизации в зоне Теотихуакана можно проследить и в некоторых стилях лепных глиняных статуэток. Больше того, теперь уже совершенно ясно, что возникновение культа многих популярных позднее у народов Мезоамерики богов относится к очень глубокой древности. Рене Миллон нашел внутри Пирамиды Солнца остатки более ранней постройки, в развалинах которой лежал глиняный сосуд с маской Тлалока — бога воды и дождя, неизменного покровителя всех земледельческих племен Мексики. Точно такая же глиняная маска Тлалока была обнаружена и в зоне Остойахуалько вместе с керамикой этапа *Цакуалли*.

В конце архаической эпохи с ее постоянными засухами и катастрофическими извержениями вулканов, землетрясениями и другими стихийными бедствиями в пантеоне местных племен резко возросло значение бога огня Уеуετεотля. Он уже тогда изображался в виде старого горбатого человечка с большой курильницей-чашей на голове. Изваяния этого божества и в камне, и в глине встречаются на целом ряде архаических памятников долины Мехико, в том числе и в Куикуилько. Его сила и авторитет были настолько велики, что не только создатели теотихуаканской цивилизации, но и все последующие цивилизованные народы Центральной Мексики, включая

ацтеков, сохранили этот образ почти без всяких изменений вплоть до прихода испанских завоевателей. Преемственность религиозных верований жителей долины Мехико доказывается и таким фактом. На стенах древнего святилища в Куикуилько где-то в конце I тысячелетия до н. э. неизвестный художник нарисовал красной краской фигуру, напоминающую «пернатого змея» — Кецалькоатля, покровителя культуры и знаний, пользовавшегося

Типы керамики и статуэток культуры *Теотихуакан I*
(*Цакуалли*)

Типы керамики и статуэток культуры Теотихуакан II
(Миккаотли)

позднее большим почетом как у жителей Теотихуакана, так и у других цивилизованных народов Центральной Мексики.

Некоторые ранние постройки на территории самого Теотихуакана, а также пирамиды в Тлапако́йе и Эль Тепелькате (долина Мехико) демонстрируют прямое сходство с позднейшими монументальными сооружениями эпохи цивилизации.

При желании число примеров, подтверждающих наш основной вывод, можно значительно умножить. Но и так уже ясно: для объяснения истоков блестящих достижений теотихуаканской цивилизации нет никакой нужды прибегать к помощи таинственных пришельцев извне, принесших якобы готовые плоды высокой культуры местным «примитивным» племенам. Цивилизация Теотихуакана, безусловно, родилась на месте, в долине Мехико и прилегающих к ней районах, возникнув на базе архаической культуры предшествующего периода. Вместе с тем было бы абсурдно целиком отрицать возможность культурных влияний на нее со стороны соседних народов, с которыми обитателей Центральной Мексики соединяли давние и прочные связи.

Общеизвестно, что первые индейские цивилизации достигли своего апогея без важнейших изобретений древности. Выплавка металлов, домашние животные, колесный транспорт, гончарный круг, плужное земледелие и т. д. были здесь практически неизвестны. Металлы (кроме железа), появившиеся в Мезоамерике уже на закате цивилизаций классической эпохи, использовались главным образом для изготовления украшений и ритуальных предметов. По сути дела даже наиболее развитые народы Нового Света жили еще в каменном веке. Именно с помощью каменных орудий осуществлялась вся громадная программа архитектурного строительства и создавались изумительные произведения искусства от гигантских каменных статуй до крошечных нефритовых украшений и амулетов. Чем же вызвано тогда появление высоких культур в Новом Свете? Где искать ту животворную силу, которая породила и грандиозные теотихуаканские пирамиды, и красочные фрески Бонампака?

Большинство ученых, занимающихся этой проблемой, считает, что такой решающей силой в развитии культур древней Америки было земледелие.

И в самом деле, для прогрессивного движения человеческого общества любое незначительное, на первый взгляд, улучшение методов земледелия или усовершенствование орудий труда играло подчас неизмеримо более важную роль, чем десятки выигранных кровопролитных сражений и все хитросплетения политиков — преуспевающих царей, правителей, фараонов.

Только изучение экономики даст нам возможность

окончательно понять, каким образом древние земледельцы содержали город, население которого, по самым скромным подсчетам, составляло не менее 40—50 тыс. человек.

Сухие, выжженные солнцем плоскогорья Центральной Мексики, несмотря на свои плодородные почвы, были не в состоянии прокормить человека без дополнительных источников влаги. Потрескавшаяся от зноя земля, над которой колючей стеной возвышались кактусы и агавы, казалось, стонала: «Воды! Воды!» Но бездонное голубое небо равнодушно глядело вниз. Его лазурную глубину не бороздило ни одно облачко.

Конечно, так было не везде. В ряде мест естественных осадков вполне хватало. Но в большинстве горных районов страны земледелие без искусственного орошения практически почти не могло существовать. И человек еще в глубокой древности бросил вызов природе. Как показали археологические раскопки, первые примитивные оросительные системы начали создаваться в Оахаке и Южной Пуэбле еще в архаическую эпоху (I тысячелетие до н. э.). А когда в 1519 г. закованные в стальные доспехи конкистадоры вступили в долину Мехико, — вся она была цветущим садом. Бесчисленные каналы, плотины, дамбы, да и сама «ацтекская Венеция» — островной город Теночтитлан, желтая «жемчужина», оправленная в изумрудную зелень садов и синеву каналов, — свидетельствовали об упорном труде многих поколений земледельцев, совершенно изменившем первоначальный облик этого края.

Высокоразвитое ирригационное земледелие долины Мехико снабжало всем необходимым растущую империю ацтеков. За несколько веков до описываемых событий богатые ресурсы этой же области были успешно использованы другим воинственным народом — тольтеками — для создания могучего государства, около 200 лет наводившего ужас на своих соседей. Но что было в долине Мехико еще раньше, когда появилась первая индейская цивилизация со столицей Теотихуаканом?

Земельный «голод» (вернее жгучая потребность в воде для орошения полей) при наличии соответствующих природных условий породил здесь, вероятно, уже с глубокой древности совершенно новую систему интенсивного земледелия — «чинампы».

По какому-то недоразумению испанский монах Акоста назвал «чинампы» «плавающим садами», искренне уверо-

вав в то, что эти миниатюрные огороды действительно плавают по глади громадного озера Тескоко и другим смежным с ним озерам. Видимо, его ввели в заблуждение плоты из водяных растений, которые, кстати сказать, и в наши дни местные крестьяне пригоняют к «чинампам» и кладут поверх последних в качестве удобрений.

Что же представляют они собой в действительности?

«Чинампа» — это длинный и узкий участок земли, окруженный по меньшей мере с трех сторон водой. На него укладывается толстый слой водяных растений, периодически поливаемых водой и дающих прекрасный перегной, а также плодородный ил, который поднимают со дна каналов. Склоны такого искусственного островка засаживаются ивами или какими-нибудь стелющимися растениями с цепкими и разветвленными корнями с тем, чтобы уберечь края «чинампы» от разрушения и оползней. В сухое время года растения, выращиваемые на таких «огородах», поливают водой из каналов. Последние служат к тому же удобными путями сообщения для плоскодонных каноэ местных индейцев. Обычно каждая «чинампа» имеет около 90 м длины и 4,5—9 м ширины. Ухоженные должным образом «чинампы», несмотря на свои небольшие размеры, способны давать по нескольку урожаев в год и сохранять свое плодородие в течение целых столетий.

Возможно, что именно необычайно высокая продуктивность этой уникальной системы земледелия позволила обеспечить пищей население таких огромных городов доиспанской эпохи, как ацтекский Теночтитлан (около 60 тыс. жителей).

И вновь исследователь сталкивается с трудной проблемой: когда же впервые появляются «чинампы» в долине Мехико?

Со всем жаром молодости принялся за решение этой увлекательной задачи мексиканский археолог Эдуардо Матос Монтесума. Однажды, знакомясь с настенными росписями Теотихуакана, он обратил внимание на красочную фреску, украшавшую стены одного из храмов мертвого города.

Древний художник изобразил на ней бога воды и дождя Тлалока, окруженного другими, менее значительными персонажами. Одна из деталей росписи представляла особый интерес: на втором (заднем) ее плане были отчетливо видны какие-то длинные, узкие участки зеленого цвета,

окаймленные голубым. Причем зеленые и голубые полосы чередовались между собой в строгом порядке. Что они означают? Может быть, это просто декоративный орнамент? Но странное дело, на многих зеленых участках изображены кукуруза, фасоль, тыква, магей и т. д., т. е. все те важнейшие сельскохозяйственные культуры, которые до сих пор составляют основу питания мексиканских крестьян. Сопоставив свои наблюдения со сведениями индейских и испанских хроник, Эдуардо пришел к твердому убеждению: на фреске из Теотихуакана изображены «чинампы».

А затем начались долгие и утомительные поиски материальных доказательств этого смелого предположения. Были обследованы многие древние памятники и в самой долине Мехико, и в соседних с ней районах. И вскоре выявилась интересная закономерность: в каждом городе, обычно на одной из его окраин, имеются участки земли с повышенной влажностью почвы, питаемой подземными источниками, колодцами, родниками и т. д. Эти участки, так называемые «зеленые зоны», до сих пор резко выделяются на фоне окружающей выжженной солнцем местности яркой зеленью своей пышной растительности.

«Зеленые зоны» давали воду и для питья, и для искусственного орошения полей. Здесь всегда находился основной фонд возделываемых земель, которые, как правило, никогда не застраивались. Так повелось, по-видимому, еще с глубокой древности. Раскопки, произведенные Э. Матосом в «зеленой зоне» Теотихуакана, дали интересные результаты. Уже в 40 см от поверхности появился слой земли, насыщенный водой. Он продолжался до глубины 1,45 м. Дальше работы пришлось прекратить из-за усиленного притока воды. Находок в шурфах почти не оказалось — всего несколько черепков глиняной посуды. Но именно это и явилось тем долгожданным доказательством, которого так упорно искал молодой ученый, — наиболее древняя керамика принадлежала классической культуре Теотихуакана. Это означает, что интенсивное поливное земледелие возникло здесь еще в I тысячелетии н. э.⁶

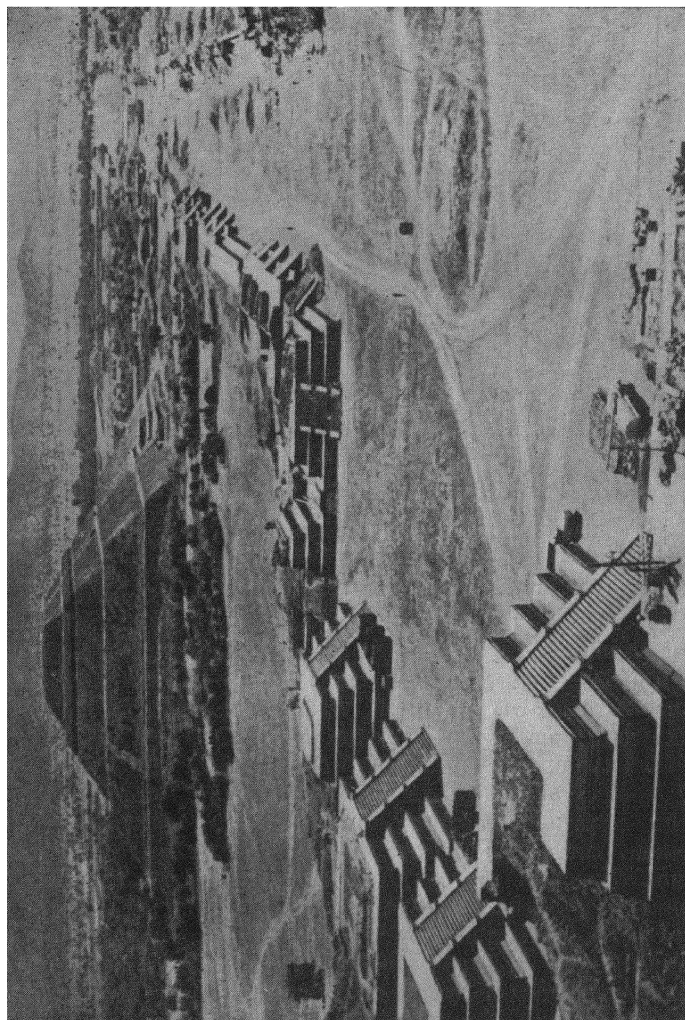
В южной части долины Мехико, на берегу пресноводного озера Шочимилько, раскинулся небольшой городок под тем же названием. Он до сих пор остается главным центром «чинампового» земледелия, хотя существует скорее благодаря многочисленным иностранным туристам, чем плодами своей щедрой земли.

Бесчисленные каналы, прогулочные лодки, увитые гирляндами цветов, оркестры народных мексиканских певцов-марьячес, лавчонки, торгующие сладостями и прохладительными напитками,— таков Шочимилько сегодняшнего дня. Но было время, когда земледельческие ресурсы этого района вызвали к жизни цветущие многолюдные города, могучие империи, яркое и самобытное искусство. Подлинное значение вклада земледельцев Шочимилько в историю древней Мексики предстоит еще выяснить в будущем. Но главное — необходимо узнать, когда появились здесь первые «чинампы»?

Наблюдая за чисткой старых каналов в Шочимилько, мексиканский журналист Хосе Фариас Галиндо неоднократно замечал, что крестьяне поднимают со дна вместе с илом различные старинные предметы. Это и навело его на мысль собрать коллекцию местных древностей. Вскоре в его руках оказалось множество обломков керамики, глиняных статуэток, изделий из камня и т. д. Известно, что в давние времена берега озера Шочимилько были сильно заболочены, поэтому человек мог обосноваться здесь лишь после строительства целой системы мелиоративных и оросительных каналов. Таким образом, появилась реальная возможность установить по находкам Фариаса Галиндо примерный их возраст.

За этот труд взялся известный американский археолог Майкл Ко. Как и следовало ожидать, больше всего в коллекции было ацтекских вещей — тарелки, чаши, кувшины, статуэтки богов. Имелись там предметы, изготовленные тольтекскими мастерами (X—XII вв. н. э.), и керамика культуры *Койотлателько* (600—900 гг. н. э.). Но, пожалуй, самыми интересными оказались глиняные статуэтки, сделанные в Теотихуакане в первые века нашей эры. Эти маленькие терракотовые фигурки, изображающие людей и богов, позволили доказать, что система «чинамп» появилась в долине Мехико еще около 2 тыс. лет назад. Поскольку единственной силой, способной совершить здесь столь грандиозные строительные работы, было тогда теотихуаканское государство, то именно жителям первой столицы Центральной Мексики и принадлежит честь изобретения новой системы земледелия.

Это подтверждается и еще одним интересным фактом. Как показала аэрофотосъемка, вся сеть каналов в Шочимилько ориентирована не точно по странам света,

Теотихуакан. Вид на Пирамиду Луны и Дорогу Смерти после раскопок и реставрации

Каменные статуэтки из Теотихуакана
(I тысячелетие н. э.)

а с отклонением на 15—17° к северу от истинного запада. Точно так же, как мы помним, были ориентированы улицы древнего Теотихуакана и каналы всех других «чинамповых» городков долины Мехико⁷.

В эпоху своего наивысшего расцвета (250—600 гг. н. э.) Теотихуакан оказал значительное культурное влияние на многие области Мезоамерики. Теотихуаканские глиняные сосуды и статуэтки встречаются от северных районов Мексики до гор Гватемалы и от тихоокеанского побережья до Мексиканского залива. И вдруг в начале VII в. н. э. цветущий город — столица могущественного и динамичного государства — внезапно гибнет, уничтоженный пламенем гигантского пожара. Следы этого пожара и разрушений отчетливо прослеживаются на всех архитектурных сооружениях, относящихся к концу этапа *Теотихуакан III*. Для объяснения этой катастрофы выд-

Фигурка жреца (терракота, Теотихуакан,
I тысячелетие н. э.)

винуто пока две гипотезы: иноземное нашествие и восстание угнетенных низов против правящей касты знати и жрецов.

Первая гипотеза выглядит, на наш взгляд, более правдоподобной. Ведь город был разрушен почти до основания: все тайники с ритуальными дарами и гробницы разграблены, а священные статуи обезображены и разбиты. Кроме того, гибель Теотихуакана произошла в эпоху его максимального расцвета, когда не было заметно никаких признаков общего упадка культуры. Следует напомнить, что Теотихуакан был в I тысячелетии н. э. самой северной областью зоны мезоамериканских цивилизаций. Он непосредственно граничил с пестрым и беспокойным миром варварских племен. Среди них мы находим и оседлых земледельцев, не достигших еще ступени классового

Терракотовая курильница с маской божества
(Тетитла)

Образцы настенных росписей, найденные в некоторых зданиях Теотихуакана (I тысячелетие н. э.)

общества, и бродячие племена с охотничье-собира-
тельским хозяйством. Теотихуакан, подобно древним земле-
дельческим цивилизациям Средней Азии, Индии и Перед-
него Востока, постоянно ощущал давление этих воинст-
венных варваров на свои северные границы. Один из
неприятельских походов в глубь страны мог закончиться
разрушением этого крупнейшего культурного центра
Мексики⁸.

Аналогичную картину мы наблюдаем несколько сто-
летий спустя. Речь идет о тольтеках, создавших в
Центральной Мексике вторую крупную цивилизацию
после теотихуаканской. В XI в. их вытесняют с исконной
территории вторгшиеся с севера племена, после чего до-
лина Мехико на многие годы становится широкими воро-
тами, через которые в глубь Мезоамерики беспрерывно
врываються волны варварских племен. Уцелевшие земле-
дельцы — носители древних культурных традиций — по-
степенно перемешиваются с варварами-чичимеками.
Этот причудливый сплав различных культур и этниче-
ских групп и становится базой, на которой возникает
впоследствии могущественное ацтекское государство.

РАСЦВЕТ И ГИБЕЛЬ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА МАЙЯ

Первым цивилизованным народом Америки, с которым столкнулись испанцы в ходе завоевания земель западного полушария, были майя. На каменистом берегу мыса Каточ, на полуострове Юкатан, произошла проба сил двух враждующих миров, отделенных друг от друга необозримыми просторами океана. Закованные в стальные доспехи конкистадоры во всеоружии европейской военной техники и тактики тех лет сошлись в кровавой битве с многочисленными и храбрыми армиями индейцев майя, живших по сути дела еще в каменном веке. Стальным латам, пороху и артиллерии гордых испанских идальго майя могли противопоставить лишь хлопчатобумажные панцири, подбитые ватой, копья и стрелы с обсидиановыми и кремневыми наконечниками. Исход этой жестокой борьбы был предreshen самой историей. Но майя в течение многих лет яростно отстаивали свою независимость от посягательств непрошенных чужеземных завоевателей. Даже в 1540 г., т. е. 20 лет спустя после гибели могущественной империи ацтеков, большая часть Юкатана все еще находилась в руках индейцев.

Новый Свет интересовал испанских конкистадоров прежде всего как неисчерпаемая сокровищница, которую можно было грабить, особенно не задумываясь о будущем. Золото — главная движущая сила далеких заокеанских походов европейцев. И поскольку на территории майя запасы золота оказались ничтожно малыми, а сила сопротивления аборигенов была необычайно велика, испанцы бросились прежде всего в Центральную Мексику, стремясь заполучить сказочные богатства правителей Теночтитлана, накопленные ацтеками в результате многочисленных походов и войн предыдущих столетий.

Когда первый европеец ступил на мексиканскую землю, царство ацтеков находилось в зените своей славы, в то время как десятки независимых городов-государств майя переживали явный упадок: непрерывные междоусобные войны, неурожаи, эпидемии опустошали некогда цветущие провинции Юкатана. Стоит ли после этого удивляться, что испанские хронисты и историки основное свое внимание уделили не майя, а ацтекам. Кроме мону-ментального труда епископа Диего де Ланды (1566) и отдельных сообщений более поздних авторов, у нас нет практически никаких источников, посвященных древним майя. Да и эти немногочисленные свидетельства очевидцев касаются лишь наиболее поздних этапов развития майяской культуры. Города классической эпохи (I тысячелетие н. э.) превратились в руины и были поглощены джунглями задолго до прихода конкистадоров. К XVI в. о них забыли даже ближайшие потомки людей, некогда живших там, не говоря уже об испанцах. А затем по владениям майя прокатился всеограшающий вал Конкисты со всеми ее насилиями и ужасами. Именно она, равно как и фанатичная испанская инквизиция, почти полностью уничтожили тысячелетние традиции высокой древней культуры, конечный продукт развития которой могли видеть на Юкатане еще участники экспедиций Кордовы, Грихальвы, Кортеса и Монтехо.

Со времен Христофора Колумба среди руин майяских городов успели побывать конкистадоры, священники, историки, археологи, искатели приключений, географы, астрономы, инженеры — и каждый из них на всю жизнь уносил с собой неизгладимое впечатление о самобытной и яркой культуре одного из наиболее развитых народов доколумбовой Америки.

В 1576 г. некий Диего Гарсиа де Паласио во время своего путешествия в город Гватемалу обнаружил на берегу реки Копан величественные руины какого-то древнего города. «Я со всем тщанием, — пишет он, — пытался выяснить у местных индейцев: нет ли в их древних преданиях сведений о людях, живших когда-то в этом городе. Но у них не оказалось книг с описанием их древней истории... Правда, они сообщили мне, что в древние времена сюда пришел с Юкатана великий правитель, который построил все эти здания, но затем, бросив все, вернулся в родные края»¹. Подробный отчет о своей наход-

ке Гарсиа де Паласно направил императору Филиппу II. Но и сам монарх и высшая администрация пропустили это сообщение мимо ушей.

В конце XVIII в. в глубине джунглей Чиапаса в Мексике был найден еще один древний город майя — Паленке, покинутый жителями в IX в. н. э. Собственно говоря, нашли город индейцы. Они-то и сообщили о причудливых белоснежных зданиях, затерявшихся в лесу, местному священнику. А от последнего о таинственных руинах узнали чиновники испанской администрации.

В 1773 г. Паленке посетил капитан Антонио дель Рио, который впервые более или менее полно обследовал центральную часть гигантского города и описал его выдающиеся архитектурные памятники. В 1822 г. отчет дель Рио был переведен на английский язык и издан в Англии. Но даже занимательное повествование испанского офицера не вызвало заметного резонанса в научных кругах Европы, хотя именно оно вдохновило позднее американца Джона Ллойда Стефенса на поиски забытых городов майя.

В 1839 г. он отправился в глубину тропических лесов Гондураса, где по туманным сообщениям некоего сеньора Галиндо находились руины города Копана (уже открытого испанцами в 1576 г.). Преодолев на своем пути многочисленные трудности, Стефенс побывал не только в Копане, но и в Паленке, Ушмале и многих других городах Древнего царства майя. Этот энергичный и талантливый исследователь изложил позднее результаты своих работ в увлекательной и яркой книге², а поразительно точные рисунки английского художника Ф. Казервуда — постоянного спутника Стефенса во всех его странствиях — придали ей документальную достоверность. Учитывая тот огромный эффект, который произвели на ученых Европы и США находки Стефенса, можно с полным правом утверждать, что именно он пробил первую брешь в хаотическом нагромождении «диких» теорий относительно доколумбовой истории Нового Света. Затем, во второй половине XIX в. французом Дезире Шарнэ, англичанами Альфредом Моудсли и Томасом Ганном, австрийцем Теобертом Малером, американцами Альфредом Тоззером и Эдвардом Томпсоном были сделаны новые интересные открытия.

В самом конце XIX в. на территории майя начинаются первые археологические раскопки, которые дают спе-

циалистам массовый материал, бесстрастно и объективно отражающий картину прошлого. С тех пор научные учреждения Мексики, США и отдельных стран Европы продолжают вести систематические исследования наиболее важных памятников культуры майя: Копана, Киригуа, Вашактуна, Тикаля, Паленке, Пьедрас Неграса, Чичен-Ицы, Майяшана, Цибилчалтуна и многих других.

В силу разного рода причин русские ученые сделали в этой области гораздо меньше, чем могли бы. Собственно говоря, настоящий интерес к древней культуре майя в нашей стране появился лишь в последние годы, после того как Ю. В. Кнорозов и Р. В. Кинжалов опубликовали ряд ценных работ, посвященных искусству и письменности³. И все же эти многообещающие исследования появились не на пустом месте. В начале XX в. в Мексике побывал русский этнограф С. К. Патканов, описавший свое путешествие на Юкатан в ряде статей, насыщенных интересными этнографическими и археологическими сведениями⁴.

Почти все наиболее выдающиеся памятники майя посетил и другой русский путешественник — поэт и переводчик К. Д. Бальмонт. Не будучи профессиональным ученым, он тем не менее сделал немало любопытных наблюдений. Вот, например, как он говорит о своем посещении руин Ушмаля:

«Руины Ушмаля совсем близко от усадьбы, верстах в двух-трех. Мы поехали туда на другой день утром... Пирамидный храм, который называется Домом Колдуна, или Домом Карлика, хорошо сохранился. К верховной молельне ведет крутая лестница саженей в десять... Вид с пирамиды — один из самых красивых, какие мне когда-либо приходилось созерцать. Безмерный зеленый простор. Изумрудная пустыня. Четко видятся седые здания там и сям вблизи от пирамиды. Это древние руины, священные останки погибшего величия. Здесь был когда-то могучий город. Теперь это — царство растений. Они захватили все кругом. Они захватили и эти погибшие храмы и дворцы... И на верхней площадке, откуда жрецы глядели на примолкшие толпы молящихся, теперь тихонько качается под ветром красивый легкий ствол, убегающий ввысь из куста могучих листьев агавы»⁵.

Учитывая тот факт, что майя создали точный календарь, иероглифическую письменность и необычайно вы-

чурную каменную архитектуру, их часто называют «интеллектуалами» (философами) Нового Света.

Очень долго все эти достижения рассматривались как своеобразная «вершина» развития доколумбовых американских цивилизаций. Некоторые ученые, особенно в США, считали, что культура майя имеет совершенно уникальный характер и не похожа ни на одну из других высоких культур древности. Еще несколько лет назад в трудах самых авторитетных зарубежных специалистов рисовалась идиллическая картина внутренней жизни майяского общества: мирные общинники-земледельцы благоденствуют под отеческим присмотром правящей элиты — аристократов и жрецов, — поставляя им продукты со своих полей и даровую рабочую силу для строительства дворцов и храмов.

Эти авторы избегали писать о жизни простого народа — подлинного творца великолепной культуры, зато не уставали восхищаться духовным миром сановников и жрецов, сложностью их религиозных и философских воззрений, богатством их познаний в области астрономии, пышностью их жилищ. Направляемые искусной рукой таких авторов, читатели получают слишком искаженное и одностороннее представление о развитии древней цивилизации. Они не замечают ничего, кроме твердой раковины, которую оставила погибшая жизнь в виде каменных дворцов и храмов, и делают такие же ложные выводы, к каким бы неизбежно пришел человек, видевший не живую улитку, а только ее домик. Но раковина — это жесткая геометрическая форма. Что может сообщить она о теле живой улитки? Точно так же, как нельзя по костям скелета судить о характере и привычках умершего человека, так нельзя по субъективно подобранным и неполным археологическим фактам воссоздать подлинную картину жизни древнего общества.

Однако новые археологические открытия не оставили камня на камне от всех этих идиллических концепций. Жестокие и кровавые порядки, которые принесло с собой нарождавшееся раннеклассовое государство, бесконечные войны с соседями, беспощадная эксплуатация основной массы населения — земледельцев-общинников, чья жизнь проходила в вечном труде на полях и строительных площадках, — все это, конечно, мало похоже на идиллический «золотой век».

В настоящее время о майя написаны тысячи и тысячи всевозможных исследований и книг, но, несмотря на это, три важнейшие проблемы — происхождение цивилизации майя, характер ее общества и, наконец, причины гибели городов Древнего царства в конце I тысячелетия н. э. — по-прежнему ждут еще своего решения. Именно этим и обусловлена структура настоящей главы. По глубокому убеждению автора, основное внимание в ней следует сосредоточить как раз на трех нерешенных вопросах. Что же касается тех читателей, которых интересуют общие сведения о культуре майя, то их можно отослать к многочисленным зарубежным и отечественным изданиям, посвященным исключительно этой теме (см. сн. 19 к гл. 6).

1. Происхождение цивилизации майя

В старинном эпическом повествовании «Пополь Вух», созданном народом майя-киче, рассказ о сотворении мира удивительно напоминает известное библейское предание. Много лет назад в мире «не было ничего, что существовало бы... была только холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое... В темноте, в ночи была только неподвижность, только молчание. Одни лишь Созидательница и Творец, Тенеу и Кукумац, Великая Мать и Великий Отец находились в бесконечных водах»⁶. Руками великих богов и были созданы впоследствии твердая земля, солнце, луна. Они же заселили землю различными животными, птицами и растениями. Наконец, наступил день, когда боги сотворили из кукурузного теста настоящих людей — предков киче*.

Это, пожалуй, единственное во всей доиспанской литературе упоминание о происхождении одного из народов майя. Ни древние легенды, ни пожелтевшие от времени манускрипты не в силах помочь нам пробиться сквозь плотную пелену неизвестности, которой до сих пор окружены истоки майяской цивилизации. Вырвавшись из-под властной руки времени, каменные города майя словно застыли в немой неподвижности. И каждый такой мертвый

* Предшествующие попытки сделать людей из глины и дерева закончились неудачей, и боги их уничтожили.

Архаическая глиняная статуэтка из Копольчи (Гватемала, культура Лас Чаркас, I тысячелетие до н. э.)

город отражает лишь самый поздний этап его жизни. Следы более ранней культуры погребены под многометровыми напластованиями последующих эпох. Да и разрушительная деятельность жадной тропической природы сыграла немалую роль в уничтожении тех следов, которые оставили после себя первые поселенцы майя в джунглях Петена и Юкатана.

Именно эти объективные трудности и породили, на наш взгляд, такую пестроту взглядов и мнений относительно происхождения цивилизации майя.

Большинство археологов-американистов считало, что классическая культура майя зародилась там, где были найдены наиболее ранние образцы иероглифической письменности, календаря и каменных зданий со ступенчатым («ложным») сводом, а именно — в Северной Гватемале (Петен) и прилегающих к ней областях.

Другие исследователи в качестве истоков майяской цивилизации называли побережье Мексиканского залива,

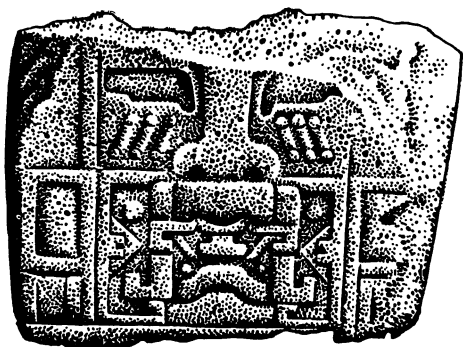

Каменная стела из Каминальхуйо
(Гватемала, культура *Мирафлорес*,
конец I тысячелетия до н. э.)

Центральную Мексику и даже Юго-Восточную Азию. Но вот произошло событие, которое произвело в научных кругах эффект внезапно разорвавшейся бомбы. В 1898 г. один из жителей небольшого городка Сан Андрес Тустла, расположенного в мексиканском штате Веракрус, как обычно, работал на табачной плантации неподалеку от города. Вдруг его внимание привлек кусочек гладко отполированного зеленого камня, торчащего из земли. Подняв его, он увидел, что это не просто камень, а изящная статуэтка около 24 см длиной. Она изображала толстого индейского жреца с гладко выбритой головой и широко открытыми глазами. Нижнюю часть его лица закрывала маска в форме утиного клюва. На плечах — короткий плащ из перьев. Вся передняя часть фигурки была испещрена какими-то загадочными знаками и символами. Неграмотный, забитый индеец и не подозревал, что он держит в руках предмет, который вскоре станет одной из самых известных находок в археологии Нового Света.

После долгих приключений, пройдя через множество рук, нефритовая статуэтка жреца очутилась в Национальном музее США. И только тогда специалисты с изумлением установили, что колонки непонятных на первый взгляд черточек и знаков не что иное, как дата майяского календаря, и какая дата — 162 г. н. э.!

Следовательно, статуэтка из Тустлы изготовлена на несколько веков раньше, чем любой другой датированный предмет майя. Кроме того, находка была сделана на территории загадочных ольмеков — древних обитателей побережья Мексиканского залива — в 150 милях к западу от ближайшего города майя — Комалькалько. Кто же они, эти никому не известные ольмеки? И заинтригованные исследователи отправились в мангровые заросли мексиканских штатов Веракрус и Табаско, чтобы там, на месте, среди седых, изъеденных временем руин получить ответ на мучившие их вопросы. Одна за другой стали снаряжаться археологические экспедиции в страну ольмеков. Но наибольший успех выпал на долю археологов США, возглавляемых Мэтью Стирлингом (совместная экспедиция Смитсоновского института и Национального географического общества). В конце 30-х — начале 40-х годов нашего века они обследовали обширную территорию вдоль побережья Мексиканского залива и нашли там

Сте́ла «Ц» из Трес Сапотес (штат Веракрус, Мексика, культура ольмеков, 31 г. до н. э.)

десятки новых памятников старины: заброшенные города, величественные каменные статуи, изящные изделия из нефрита. Загадочная культура ольмеков стала постепенно принимать вполне осязаемые формы⁷.

В 1939 г. внимание американских ученых привлекло древнее поселение Трес Сапотес (штат Веракрус). В ходе раскопок здесь были обнаружены остатки пирамид из глины, облицованных штукатуром, керамика, каменные изображения правителей и богов и много других интересных находок. Всеобщее изумление вызвали гигантские каменные головы в шлемах высотой 1,5—2 м и весом в несколько тонн. Кого изображали эти каменные колоссы? Каким образом древние мастера доставили в страну, совершенно лишенную залежей камня, огромные глыбы базальта и гранита?

Вырванные из земляной темницы величественные изображения, словно сфинксы, смотрели пустыми глазницами на север, туда, где на широкой площади гремели когда-то барабаны, визжали трубы из раковин и раздавалось монотонное пение жрецов во время торжественных церемоний и празднеств. Если бы они вдруг могли заговорить, то, бесспорно, поведали бы нам много интересного о жизни создавших их людей.

Но шли дни, а работы в древнем городе продолжались. Одна за другой извлекались на свет интереснейшие находки. И вот 16 января 1939 г. лопаты рабочих глухо

ударились о какой-то каменный предмет. Очищенный от земли, он оказался обломком резной стелы, на лицевой стороне которой была высечена стилизованная голова ягуара, а на обратной — колонка календарных знаков, очень похожих на майяские. Прочтение их не составляло никакого труда: они соответствовали 4 ноября 31 г. до н. э.⁸ по европейскому летосчислению. Итак, цепь доказательств замкнулась. Выяснилось, что в области ольмек-ков каменные стелы с иероглифическими текстами и календарными датами появились на несколько столетий раньше, чем у майя. Между тем глубокое сходство тех и других было бесспорным. Как же объяснить эти странные совпадения? Может, предки майя жили когда-то в Вера-крус и Табаско и уже потом переселились в Петен? Тогда и родилась на свет гипотеза Мигеля Коваррубиаса, суть которой в общих чертах такова. Поскольку наиболее ранние образцы календаря и письменности майя найдены не на их территории, а западнее — у ольмек-ков, следовательно, и цивилизация майя возникла первоначально где-то на побережье Мексиканского залива, в штатах Вера-крус и Табаско. И лишь позднее, около рубежа нашей эры — в первых веках нашей эры, майя, вооруженные всеми достижениями цивилизации, пришли в Петен и на Юкатан⁹. Взгляды Коваррубиаса разделяют многие мексиканские исследователи (А. Касо, Р. Пинья Чан). Как правило, признаки цивилизации майя определяются в работах зарубежных исследователей на основе таких черт, как иероглифическая письменность, календарь и своеобразная каменная архитектура со ступенчатым сводом. «Термин «цивилизация майя», — писал Сильванус Морли, — относится исключительно к той древней культуре американских индейцев, которая характеризуется тремя вышеуказанными признаками»¹⁰.

Таким образом, и сторонники С. Морли, и сторонники М. Коваррубиаса подменяют фактически вопрос о происхождении материальной культуры классической эпохи вопросом о происхождении письменности и календаря. В этом и заключен, на наш взгляд, корень всех их ошибок. К единственно же правильному решению проблемы можно прийти, тщательно анализируя памятники на территории майя, предшествующие появлению цивилизации.

К XVI в. племена языковой группы майя занимали территорию южно-мексиканских штатов Чиapas, Табаско,

Кампече, Юкатана и Кинтана Роо, всю Гватемалу, Британский Гондурас, западные районы Сальвадора и Гондураса. Эти границы примерно соответствовали распространению культуры майя и в более раннюю эпоху — в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э. Всю эту обширную территорию, отличающуюся поразительным разнообразием природных условий, подразделяют обычно на две большие культурно-географические области: горную (Центральный Чиapas, Центральная Гватемала, Тихоокеанское побережье) и низменную (Северная Гватемала, Юкатан, долина реки Усумасинты и Британский Гондурас), которые отражают в самых общих чертах два локальных варианта культуры майя.

Если мы обратимся к древнейшим памятникам, то увидим, что на большей части низменных районов майя, занятых тропическими лесами, первые следы обитания появляются не ранее начала I тысячелетия до н. э.

С другой стороны, горные районы майя имеют более древние памятники, относящиеся к периоду первого появления человека в этих местах (XII—X тысячелетия до н. э.). Затем линия непрерывного развития местной культуры прослеживается вплоть до испанского завоевания.

Для нас особенно важно установить, когда появляются здесь предки майя. В этой связи большой интерес представляют работы археологов Р. Мак-Нейша и Ф. Петерсона на древней стоянке в гроте Санта Марта (горный Чиapas). Наиболее ранние предметы оттуда относятся, по данным радиоуглеродного анализа, к VI—IV тысячелетиям до н. э., т. е. ко времени господства охотничье-собираательского хозяйства, но уже с небольшими зачатками земледелия.

Находки из последующих слоев позволяют предполагать, что определенная культура развивалась в этих местах непрерывно с VI тысячелетия до н. э. до появления развитого земледелия и керамики (около 1400—1000 гг. до н. э.). При изучении глиняной посуды из грота Санта Марта сразу же бросилось в глаза ее поразительное сходство с керамикой из нижних слоев большого древнего поселения Чиapa де Корсо (этап *Chiapa I*, или *Которра*: 1400—1000 гг. до н. э.), расположенного неподалеку от стоянки.

В Чиapa де Корсо длинная цепь последовательно

сменявших друг друга этапов развития местной культуры доходит до середины I тысячелетия н. э., иначе говоря, до появления цивилизации. В это время Чиapas уже бесспорно населяли племена майя. Сопоставление материалов двух упомянутых памятников позволяет предположить, что предки майя обосновались в Чиapasе еще за несколько тысяч лет до начала нашей эры.

Как уже говорилось выше, памятники раннеархаического этапа земледельческой культуры встречаются только в горных районах майя (см. гл. 4). Причем все они, несмотря на свою огромную удаленность друг от друга, имеют много общих, зачастую сугубо специфических черт. Это может косвенным образом свидетельствовать о том, что уже во II тысячелетии до н. э. предки майя — создатели одной большой родственной культуры — занимали всю территорию горных районов от Южной Мексики до Гондураса. На рубеже II и I тысячелетий до н. э. выходцы из горных районов майя начали освоение почти безлюдных до этого равнин Петена и Юкатана.

Самые ранние находки из низменной области майя демонстрируют поразительное сходство с изделиями древних гончаров Чиapasа и горной Гватемалы. О том, что люди, заселившие в начале I тысячелетия до н. э. лесные чащи Петена и каменистые холмы Юкатана, действительно были майя, красноречиво говорят многочисленные глиняные антропоморфные статуэтки из самых ранних слоев древних майяских городов и селений. Все они имеют характерные «крюковидные» носы и искусственно деформированную лобную часть черепа, т. е. именно те черты, которые были свойственны внешнему облику майя вплоть до прихода европейцев. Остается выяснить, какова же дальнейшая судьба культуры, возникшей в лесах Северной Гватемалы и просуществовавшей до самого конца I тысячелетия до н. э. Имеет ли она какое-нибудь отношение к блестящим достижениям майя, характерным уже для последующей эпохи цивилизации?

Многие зарубежные исследователи признают факт возникновения цивилизации майя на основе местной архаической культуры. Но как только дело доходит до анализа конкретного материала, начинают недоумевать по поводу резкого качественного отличия классических

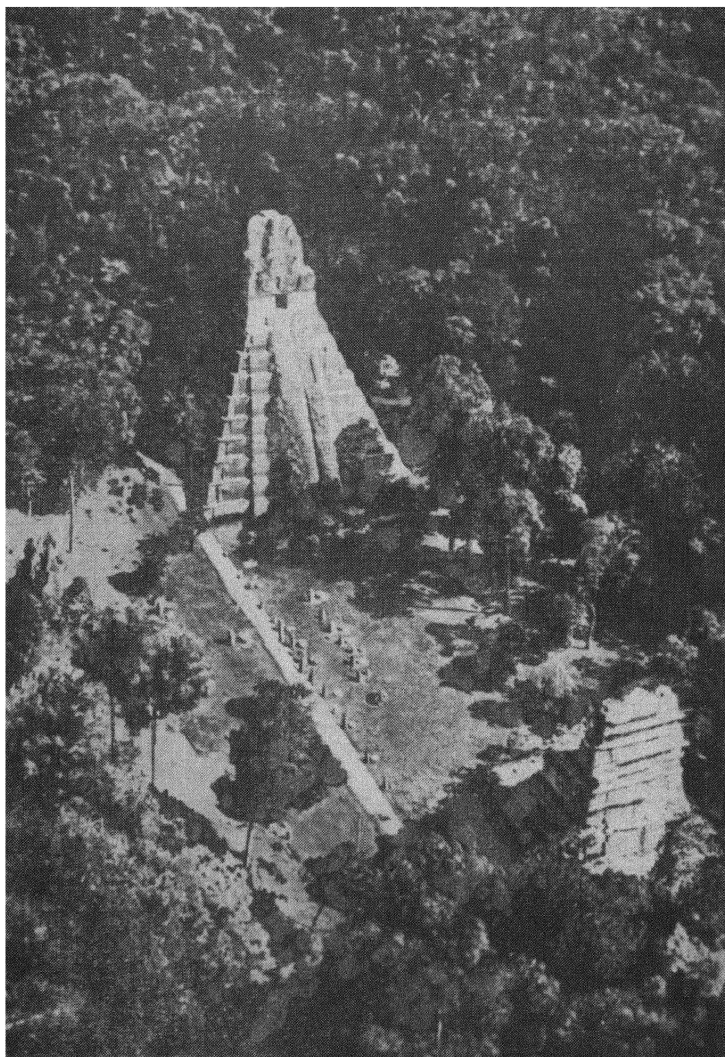
древностей майя от более скромной культуры предшествующего времени. А ведь это отличие отражает разные стадии развития при переходе от первобытнообщинного строя к раннеклассовому государству. Преемственность между ними прослеживается довольно четко и причем в ключевых областях материальной культуры.

Архитектура

Благодаря многолетним раскопкам древних городов майя исследователи собрали к настоящему времени множество важных сведений о монументальной каменной архитектуре классической эпохи, которая, несмотря на существование ряда локальных стилей, отличается в целом большей однородностью, чем другие виды искусства. Это объясняется прежде всего господством на всей огромной территории майя единых строительных принципов. Все сооружения независимо от их назначения и размеров воздвигались на специальных насыпях-фундаментах пирамидальной формы (стилобатах). Последние делались, как правило, из земли, глины и щебня и облицовывались сверху каменными плитами или слоем штукатурки. Города и селения майя имели своеобразную планировку: все здания обычно группировались вокруг прямоугольных дворишков и площадей в виде самостоятельных архитектурных ансамблей.

Эта особенность характерна для горной Гватемалы еще среднеархаического времени (1000—500 гг. до н. э.), но наиболее ярко она проявилась в последующий, позднеархаический период. Так построены почти все крупные памятники — как в горных, так и в низменных районах, — которые содержат материалы этого этапа: Тикаль, Вашактун, Алтарь Жертв, Каминальхуйю и т. д. Во многих городах Древнего царства важнейшие религиозные и административные здания находились на вершине и склонах естественного или искусственно созданного холма — «акрополя».

Но, пожалуй, самой специфической чертой монументального зодчества древних майя было использование ступенчатого свода. И хотя в целом архитектура классического периода изучена довольно хорошо, по вопросу о месте и времени происхождения ступенчатого свода споры долго не прекращались.

Тикаль. Главная площадь города с Храмами I и II после раскопок и реставрации (вид с самолета)

Американские ученые С. Морли и А. Смит, ссылаясь на то, что ранние образцы каменных зданий со ступенчатым сводом появляются впервые в Петене и Британском Гондурасе, пришли к выводу о местном их происхождении примерно в 300—400 гг. н. э.

Но вот в 1962 г. в городе Алтарь Жертв на северо-западе Петена внутри пирамиды позднеархаического времени нашли древнюю гробницу, сложенную из тесаных блоков красного песчаника. Перекрытие ее было сделано с использованием ступенчатого свода. Многочисленные обломки глиняной посуды, извлеченные из внутренней части пирамиды, относились, по местной периодизации,

Фигурный глиняный сосуд из Каминальхуйо (Гватемала, культура Эсперанса, 200—500 гг. н. э.)

к этапу *Планча*, что соответствует приблизительно 300—200 гг. до н. э.

Точно такие же гробницы обнаружены и при раскопках другого крупного города древних майя — Тикаля. Археологи из музея Пенсильванского университета (США), вот уже 10 лет ведущие там исследования, считают, что эти гробницы со сводом сооружены в I в. до н. э. (100—25 гг. до н. э.).

Следовательно, на территории Петена первые образцы простых каменных построек со ступенчатым сводом появились еще в позднеархаическое время. В дальнейшем по мере развития технического мастерства майя стали применять ступенчатый свод и при строительстве более крупных зданий — храмов и дворцов. О том, что это произошло довольно скоро, свидетельствует находка в Тикале руин небольшого каменного храма со сводчатым перекрытием, датируемого рубежом нашей эры.

По наблюдениям Уильяма Ко — неизменного руководителя экспедиции Пенсильванского университета (США) в Тикале, — первые зачатки монументальной каменной архитектуры со стенами из тесаного камня, облицовкой из белого штукатурки относятся к 200 г. до н. э. (этап *Чуен*). Примерно в это же время здесь был сооружен гигантский «акрополь» высотой свыше 70 м, плоскую вершину которого увенчивали многочисленные храмы и дворцы с резными гребнями на крышах (300—200 гг. до н. э.).

Письменность и календарь

Как известно, каменные стелы с календарными датами, записанными по системе «длинного счета», считаются важнейшим признаком классической цивилизации майя. Поэтому поиски истоков письменности и календаря всегда занимали значительное место в работах западных исследователей. В настоящее время положение вещей примерно таково: древнейшей стелой с календарной датой в низменных районах майя является стела № 29 из Тикаля, найденная в 1959 г. (292 г. н. э.). Вместе с тем несколько монументов с более ранними датами, записанными по системе майяского календаря, обнаружено за пределами Петена — общепризнанного центра майяской цивилизации. Это прежде всего стела «Ц» из Трес Сапотес (штат Веракрус, культура ольмеков), имеющая дату, соответ-

вующую 31 г. до н. э. Именно на этом основании ряд ученых утверждает, что майя заимствовали письменность и календарь у своих соседей ольмеков и, следовательно, цивилизация Петена развивалась под значительным ольмекским влиянием. Между тем новые археологические данные позволяют взглянуть на эту сложную проблему совершенно под иным углом зрения.

Во-первых, не так давно в Чиапа де Корсо (Центральный Чиapas — исконно майяской области) — была найдена стела № 2 (36 г. до н. э.). Во-вторых, целая серия стел с ранними датами обнаружена и в других западных областях майя, на Тихоокеанском побережье и в горной Гватемале: стела № 1 из Эль Бауль (37 г. н. э.), стела № 2 из Коломба (около 41 г. н. э.), обломок стелы из Каминальхуйю (этап *Мирафлорес*) и т. д.

Следовательно, к началу нашей эры во всех западных областях, населенных племенами языковой группы майя, существовала вполне сложившаяся и зрелая традиция возводить стелы с календарными надписями, представлявшими собой систему черточек-точек и различных иероглифических знаков. И только в Петене — центре будущей классической культуры майя — таких монументов до сих пор не найдено. Там, как уже говорилось, «письменная» история начинается лишь с конца III в. н. э. Что это — случайное совпадение, роковое невезение или же закономерное явление, обусловленное определенными историческими причинами, — сказать пока трудно. Во всяком случае, если майя Петена и заимствовали откуда-то свою систему письма и календарь, то естественнее предположить, что не у ольмеков, а у своих западных соседей — горных майя, близких им по культуре и родственных этнически.

Имеющиеся в нашем распоряжении хотя и немногочисленные пока, факты позволяют пролить свет и на другой аспект этой проблемы: речь идет о процессе складывания системы письма у древних народов Мезоамерики. До сих пор обнаружить какие-либо зачатки его не удавалось. Одни ученые считали, что письмо майя сразу изобрел какой-то один гениальный человек, жрец-мыслитель. Другие утверждали, что наиболее ранние образчики майяской письменности, запечатленные на дереве и на листьях, безвозвратно погибли.

В ходе раскопок древнего поселения Чиапа де Корсо в слоях этапа *Гуанакасте* (250 г. до н. э. — 0 г.) был обна-

Резной каменный алтарь из Киригуа (Гондурас, культура майя, I тысячелетие н. э.)

ружен кувшин с росписью, похожей на знаки майяской письменности. Большой обломок керамики более раннего этапа — *Франсеса* (450—250 гг. до н. э.) покрывали такого же рода письма, нанесенные резьбой. В материалах этапа *Франсеса* содержалась и еще одна поразительная находка — плоская глиняная печать с цифрой 8, изображенной по системе черточек-точек.

Наконец, эти же загадочные знаки, которые можно условно пока назвать «протописьменностью», покрывали керамические сосуды этапа *Тиканель* (вторая половина I тысячелетия до н. э. или 400—100 гг. до н. э.) из раскопок в Тикале.

Не меньший интерес вызвала и другая находка из Тикаля. При расчистке настенных росписей в здании 5Д-Суб. 10-1 было установлено, что одного из изображенных там персонажей в богатой одежде и вычурном головном уборе украшал иероглиф календарного знака «Акбаль», (название дня в ритуальном календаре майя).

Каменная скульптура божества на фасаде храма (Копан, Гондурас, 770 г. н. э.)

Стела «Е» из Киригуа (Гондурас)

Резной алтарь-монолит из Киригуа

Вся постройка и заложенная под ней гробница 167 датируются по методу C_{14} 25 г. до н. э.

Итак, истоки письменности и календаря прослеживаются теперь во всех трех основных очагах культуры майя (Чианас, горная Гватемала, Петен) уже с позднеархаического времени (300—200 гг. до н. э.). И не столь важно, в конце концов, заимствовали ли жители той или иной области майя окончательный вариант календарной системы и письменности у своих соседей, родственников им по языку и культуре, или же изобрели его самостоятельно. По-видимому, здесь имело место слияние двух потоков: местной инициатива и обмен идеями между всеми тремя областями.

Конечно, приведенные выше факты не исключают возможности дальнейшего исследования затронутой темы.

Специалисты, непосредственно сталкивающиеся с археологическим материалом, могут без труда увеличить число примеров, доказывающих наличие прямой преемственности между архаической культурой и цивилизацией майя. Но основной вывод от этого не изменится: важнейшие черты майяской цивилизации зародились в недрах местной раннеземледельческой культуры предшествующего времени.

2. Характер общества майя в эпоху Древнего царства (I тысячелетие н. э.)

Вопрос о социальном строе у майя в I тысячелетии н. э. и тесно связанный с ним вопрос о появлении государства — наиболее трудные и запутанные вопросы древней истории Мезоамерики. Это объясняется и необычайной сложностью самой проблемы, и скудостью источников, освещающих ее. Поэтому прежде чем говорить о возникновении классового общества майя и о формировании у них государственной власти, необходимо ясно представить себе характер того общества и государства, с которым столкнулись на Юкатане испанские завоеватели. Материалы археологических работ в Чичен-Ице, Майяпане, Тулуме и т. д., а также сведения, почерпнутые из испанских и индейских хроник, позволяют воссоздать более или менее полную картину социальной и государственной структуры у юкатанских майя в XVI в.

К моменту появления испанских каравелл у побережья Мексики территория Юкатана была поделена между несколькими небольшими государствами («провинциями»), во главе которых стояли собственные правящие династии. Наиболее могущественными среди них были династии Шиу (провинция Мани), Кокомов (провинция Сотута) и Кануль (провинция Ах Кануль). Между отдельными провинциями велись постоянные войны в целях захвата добычи и рабов. Вся полнота власти внутри такого государства сосредоточивалась в руках правителя — «халач-виника». Власть его считалась наследственной и передавалась от одних членов династии к другим. Кроме того, что «халач-виник» управлял своей провинцией и руководил внешней политикой, он являлся верховным военачальником и исполнял некоторые религиозные функции. В словаре Мотуль термин «халач-

виник» трактуется как «епископ, верховный судья, правитель» и «комисарио» (блюститель религиозных правил).

В полной собственности правителя находились обширные плантации фруктовых деревьев и какао, обрабатывавшиеся рабами и разорившимися общинниками, а с подвластного ему населения провинции он взимал еще различные дани и налоги.

Административную и судебную власть в небольших городах и селениях осуществляли «батабы», назначавшиеся непосредственно «халач-виником». При них находился особый совет из наиболее богатых и уважаемых лиц города. Чиновники-исполнители назывались «хольпо-нами». С их помощью «халач-виник» и «батаб» непосредственно управляли страной. Самую нижнюю ступень в административной лестнице занимали мелкие должностные лица — «тупиль», исполнявшие полицейские функции.

Представители знати (аристократии), составлявшей правящий класс, получали все наиболее важные политические должности. К этому классу следует отнести не только сановников, но и военных вождей, наиболее богатых торговцев и общинников, а также жречество. Жрецами становились обычно сыновья самих жрецов или же младшие отпрыски знатных фамилий. Жречество играло громадную роль в общественной жизни, поскольку в его руках были сосредоточены руководство религиозным культом, письменность, календарь, зачатки научных знаний и почти все искусство. Верховный жрец, главный советник «халач-виника», назначал жрецов в селения, а те в свою очередь служили советниками «батабов». Будучи единственными знатоками календаря, жрецы указывали сроки земледельческих работ.

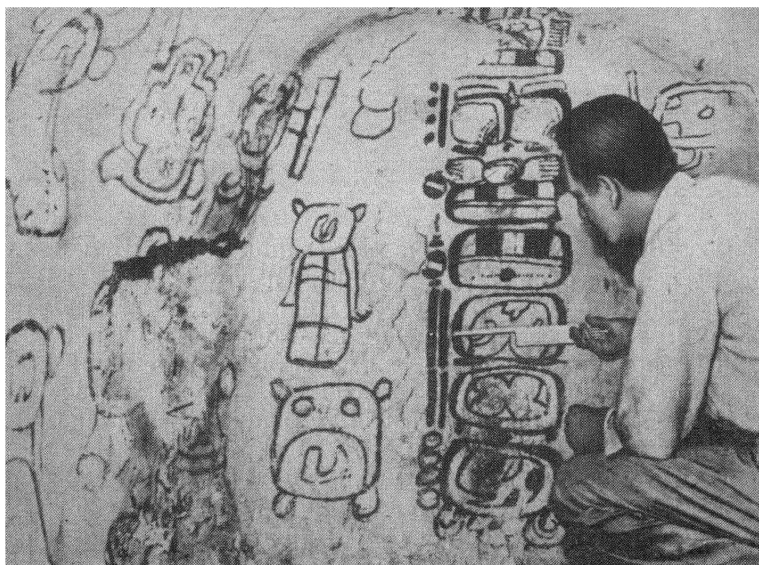
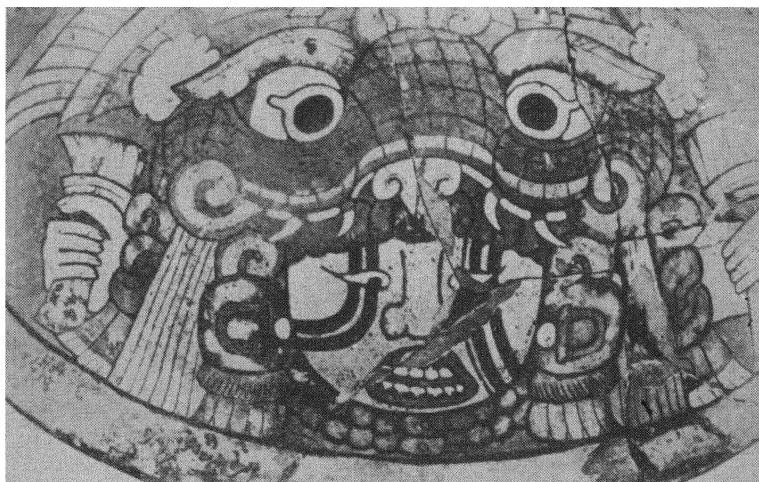
Класс свободных общинников, к числу которых относились земледельцы, охотники, рыбаки, ремесленники и мелкие торговцы, т. е. подавляющее большинство населения, был, по-видимому, неоднородным и расслаивался на зажиточную и обедневшую группы, о которых у нас, к сожалению, очень мало данных. Например, Ланда, описывая планировку типичного майяского городка, сообщает, что в центре, вокруг храмов и площадей, находились дома высших сановников и жрецов, затем шли дома знати, наиболее богатых и уважаемых людей и, наконец, на окраинах ютились хижины остальных жителей¹¹. Томас Лопес Медель, завершивший свой труд

Ритуальная маска с инкрустациями из нефрита и раковин (Тикаль, I тысячелетие н. э.)

всего 10 лет спустя после завоевания Новой Испании, рассказывает о бедняках, которые работали на землях правителей и аристократов, но не были, по-видимому, рабами. Интересные сведения на этот счет содержатся в испанских хрониках XVI в., повествующих о майяском племени Поком в горной Гватемале. Там, в частности, говорится, что в число свободных общинников («алах») входили как богачи («кохмил» — «богатый человек, имеющий в своем доме все в изобилии и которому всегда везет»), так и бедняки («кокбеталь», или «кульвач», — «неудачники, не имеющие собственности и ни на что не способные; они столь же ничтожны и жалки, как и семена хлопка») ¹².

В XVI в. на Юкатане имелось и много рабов, большая часть которых принадлежала знати или правителю. Основную массу их составляли мужчины, женщины и

Настенные росписи в одной из гробниц Тикаля (V в. н. э.)

дети, захваченные в плен во время частых войн (знатных пленников обычно приносили в жертву богам или же отпускали за выкуп). Однако общая доля рабского труда в экономике Древнего царства майя была незначительна, поскольку он почти не использовался в земледелии.

Таким образом, из сообщений испанских хроник и индейских информаторов можно заключить, что к началу Конкисты общество юкатанских майя четко подразделялось на два основных класса: правящий класс — светская и духовная знать и угнетенный — свободные земледельцы-общинники.

Примерно такую же картину наблюдаем мы у майя и в более раннюю эпоху — в I тысячелетии н. э. Анализ мотивов богатого классического искусства майя, планировка и общий характер поселений и городов, наличие пышных царских гробниц и ряд других важных признаков позволяют предположить, что во главе общества тех времен стояла светская аристократия и необычайно могущественное жречество, основной политико-административной единицей был город-государство (или объединение городов-государств) с подвластной ему земледельческой округой, вся полнота власти внутри государства принадлежала светскому правителю или царю («халачвинику» постклассических времен). Царь и царская власть, видимо, обоготворялись (мотив «царя-победителя» в классическом искусстве майя и погребения с особо пышным ритуалом и заупокойными храмами), что косвенно указывает в свою очередь на существование деспотической формы правления наподобие той, что известна нам в фараоновском Египте и городах-государствах Шумера. В целом классическая цивилизация майя очень близка по своему характеру древнейшим очагам высоких культур Старого Света (Месопотамия, Египет, Индия и т. д.), хотя их разделяет огромный отрезок времени в 3—4 тысячелетия.

3. Причины гибели Древнего царства майя

К концу IX в. н. э. жизнь в городах майя на большей части низменных районов прекращается вовсе или же начинает угасать. Причины этой гигантской по масштабам катастрофы до сих пор остаются неясными. На

протяжении всего каких-нибудь 100—150 лет наиболее густонаселенная и развитая в культурном отношении область Мезоамерики приходит в запустение. В качестве возможных причин катастрофы называли землетрясение, изменение климата, эпидемии, крах майяской системы земледелия, насильственное переселение, восстание угнетенных и иноземное нашествие. Наименее вероятно, что города Древнего царства погибли в результате землетрясения: Петен, как известно, лежит вне пояса активной вулканической деятельности.

Не выдерживает критики и тезис о катастрофическом уменьшении дождевых осадков. Последние геохимические и ботанические исследования в Петене показали, что незначительное сокращение общего количества дождевых осадков, действительно наблюдавшееся в конце классического периода, никак не могло серьезно отразиться на культуре майя, а тем более привести ее к гибели.

Версия о повальных эпидемиях малярии и желтой лихорадки тоже несостоятельна, так как обе указанные болезни не были известны в Новом Свете до прихода европейцев.

Одной из наиболее распространенных оставалась до последнего времени гипотеза об упадке системы майяского земледелия, оказавшегося не способным обеспечить потребности растущего населения. Это предположение впервые выдвинули биологи из департамента земледелия США, а позднее его развил С. Морли. В своей книге «Древние майя» он пишет: «Непрерывное уничтожение леса для использования расчищенной площади под посевы кукурузы постепенно превратило девственные джунгли в искусственные саванны, покрытые высокой травой. Когда этот процесс закончился и вековой тропический лес был почти целиком сведен и заменен искусственно созданными лугами, то земледелие в том виде, как оно до сих пор практиковалось у древних майя, пришло в упадок, поскольку у них не было никаких земледельческих орудий (мотыг, кирок, борон, заступов, лопат и плугов). Замена девственного леса саваннами, созданными руками человека, осуществлялась очень медленно, вызывая, в конце концов, упадок тех городов, в которых она достигла критического состояния. Этот процесс протекал не одновременно, а в разных местах по-разному в зависимости от таких причин, как размеры населе-

ния, длительность пользования землей и общее плодородие прилегающих областей. В этом крахе, бесспорно, сыграли свою роль и другие неблагоприятные факторы, следующие обычно по пятам голода — народные восстания, кризис власти и религиозные ереси. Однако весьма вероятно, что именно это экономическое банкротство и послужило главной причиной гибели Древнего царства майя¹³.

Но исследования в различных районах территории майя заставляют пересмотреть основные положения С. Морли. Прежде всего возникает вопрос — действительно ли майя исчерпали свои обширные резервы невозделанных земель? Известный американский археолог А. Киддер установил, что почва долины реки Мотагуа в Гондурасе ежегодно обновляется во время паводков и, значит, эти земли можно было возделывать постоянно (то же в долинах других крупных рек — Усумасинты, Улуа и т. д.). Другой авторитетный специалист по культуре майя Эрик Томпсон во время обследования археологических памятников Петена заметил, что пустующие земли («мильпы») немедленно зарастают тропическим лесом, а не травами. Они полностью восстанавливают свое плодородие в течение 4—6 лет.

Далее С. Морли утверждает, что истощение земель должно было произойти сначала в более древних центрах. Однако, к примеру, такой город, как Тикаль, который, судя даже по датированным стелам, существовал 6 веков, приходит в упадок гораздо позднее (в 869 г. н. э.), чем более молодые центры в бассейне Усумасинты. Кроме того, последние исследования ботаников и специалистов в области земледелия в районе озера Петен-Ица (Петен) показали, что здесь до сих пор господствует подсечно-огневое земледелие, мало чем отличающееся от земледелия древних майя. Причем ему свойственны высокая продуктивность и стабильность, что позволяет обеспечить довольно густое население (от 100 до 200 человек на 1 кв. милю). На основе этих данных американская исследовательница Урсула Коугилл пришла к выводу, что гипотеза С. Морли несостоятельна¹⁴.

И, наконец, Эрик Томпсон связывает упадок классических центров майя с внутренними социальными потрясениями. Задавленные тяжким гнетом правящей верхушки жрецов земледельцы, в конце концов, не

выдержали и восстали, изгнав или уничтожив своих притеснителей. После этого архитектурное строительство и сооружение монументов с датами в городах прекратились, хотя какое-то население в них все же продолжало существовать.

Э. Томпсон ссылается при этом на факт умышленного уничтожения и порчи лиц ряда скульптурных монументов в Пьедрас Неграсе. Во время последних раскопок в Тикале археологи также нашли несколько скульптурных монументов с умышленно поврежденными лицами. Кроме того, часть древних стел и алтарей была в конце классического периода передвинута со своих первоначальных мест, повалена или разбита. Отсюда делается вывод о восстаниях земледельцев против гнета правящей элиты аристократов и жрецов¹⁵.

Все это само по себе не вызывает особых возражений. Крупные социальные потрясения — неизбежные спутники любого классового общества — действительно могли послужить причиной внезапной гибели некоторых классических центров майя.

И все же, на наш взгляд, ближе всего к истине гипотеза, связывающая гибель Древнего царства с нашествием чужеземных племен. Гватемальский исследователь Рафаэль Хирард называет в качестве виновников центральномексиканские племена пипиль¹⁶, другие ученые — загадочных тольтеков, обосновавшихся затем в X в. н. э. на Северном Юкатане (Чичен-Ица).

По мнению советского ученого Ю. В. Кнорозова, катастрофа, постигшая майя, была вызвана крупными передвижениями племен в конце позднеклассического периода. Около 700 г. н. э. в результате особенно большого вторжения варваров гибнет Теотихуакан — важнейший культурный центр Мексики в классическую эпоху. Жители Теотихуакана и его союзники переселяются на восток и юго-восток. Происходит как бы цепная реакция: многие народы Мезоамерики покидают давно насиженные места. Это первая западная волна миграций в сторону майя. Вторая — тольтеки. Именно давление этих пришлых племен привело, в конце концов, к гибели городов майя¹⁷.

Обычно противники вышеизложенных взглядов выдвигают два аргумента: в городах майя нет никаких следов разрушений и битв; завоевание Юкатана тольтеками

Изображение «мексиканского» воина
на стеле 31 (Тикаль, III—VI в. н. э.)

не привело к исчезновению всех жителей майяских городов, как это случилось в южных районах.

Что касается первого довода, то мы должны вспомнить о той методике исследований, которую применяют обычно западные археологи: раскопки храмов, описание скульптурных монументов и эпиграфики занимают львиную долю в комплексе их работ, тогда как основные районы города остаются не изученными. Кроме того, нужно учитывать и особенности планировки майяских городов: отсутствие внешнего кольца укреплений, разбросанность отдельных архитектурных комплексов на большой территории и т. д. И тем не менее уже сейчас мы имеем прямые доказательства наличия чужеземных элементов в городах майя, полностью вытеснивших, в конце концов, местную культуру. Речь идет об открытиях американских археологов в городе Алтарь Жертв (Петен). Оказалось, что там в самом конце позднеклассического периода на смену исчезнувшим классическим традициям майя приходит совершенно новый культурный комплекс, получивший название *Химба*. Он характеризуется керамикой и терракотой исключительно центрально-мексиканских типов. Обилие этих чужеземных материалов и полное отсутствие майяских свидетельствует о смене культуры и населения в городе около 900 г. н. э.¹⁸ На островах озера Яшха в Петене американский археолог Джеймс Буллард обнаружил руины сотен жилищ и храмов постклассического времени, которые были построены майя, укрывшимися в этой естественной крепости от нашествия тольтеков. Следы заметного тольтекского влияния представлены также в городах Топоште, Тайясаль и Санта Рита.

Что касается второго аргумента, то надо сказать, что, во-первых, и в южных районах майя жители полностью не исчезли. По свидетельству испанских хроник, в XVI в. в низменных районах проживало немало людей, хотя и не в столь большом количестве, как в классическую эпоху. Известно, что Кортес во время своего знаменитого похода в Гондурас встретил там много селений и городков. Мелкие независимые государства майя в Петене и на юге Юкатана существовали вплоть до конца XVII в. Часть населения, судя по письменным источникам и легендам, была пришлой. Но другую часть составляли потомки жителей городов классического периода. Кроме того,

**Центрально-мексиканские влияния
в культуре майя (Тикаль)**

а — деталь стелы 4 с маской бога дождя Тла-лока; *б* — фрагмент теотихуаканской терракотовой статуэтки

отсутствие архитектурного строительства и исчезновение датированных стел отнюдь не означают еще, что жизнь в городах майя в конце I тысячелетия н. э. полностью прекратилась.

Сейчас мы располагаем уже бесспорными доказательствами того, что даже в таких крупных и древних центрах, как Тикаль и Вашактун, какое-то население сохранялось в течение постклассического периода. Об этом свидетельствуют находки на территории городов поздних типов керамики, перестановка, уничтожение и порча древних скульптурных монументов, ограбление тайников и гробниц классического времени. Не приходится сомневаться в том, что такие открытия по мере расширения раскопок будут сделаны и в других классических городах. Эта картина как нельзя лучше соответствует гипотезе об иноземном нашествии. Только массовое вторжение неприятельских племен могло привести к резкому сокращению населения и гибели культуры такой огромной области, какой была область майя в конце I тысячелетия н. э. Продвигаясь с запада на восток по наиболее выгодным и легкодоступным направлениям, орды захватчиков постепенно опустошали земли майя. Один за другим гибли майяские города. Дольше всего держался Тикаль — великолепная и гигантская по размерам столица майя. Это свидетельствует о том, что географическое положение в самом центре Древнего царства, в глубине непроходимых джунглей, и сила сопротивления на какое-то время сдержали чужеземцев, но не могли окончательно спасти город от нашествия врага. У большинства народов древности войны велись для захвата рабов и добычи. Поэтому не приходится удивляться, что в результате вторжения мексиканских племен население в низменных районах майя резко сократилось (одни были убиты во время военных действий, других увезли в плен победители). По-видимому, и другие мезоамериканские цивилизации классического периода (Теотихуакан, сапотеки) стали жертвами аналогичных явлений. Не исключено, что известную роль в гибели классической культуры майя сыграли внутренние социальные потрясения, ослабившие силу их сопротивления вражескому нападению¹⁹.

МЕЗОАМЕРИКА И ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Запад и Восток

От Восточного Средиземноморья до берегов Тихого океана протянулась к северу от экватора широкая полоса земель, ставших еще на заре человеческой истории колыбелью древнейших цивилизаций нашей планеты. Необычайно разнообразные по природным условиям, с пестрым этническим и культурным содержанием все эти области объединяются обычно под весьма условным названием «Древний Восток». Именно здесь человек впервые научился выращивать хлеб, разводить скот, строить дома из глины и камня, изготавливать нарядную керамику и т. д.

Успехи в хозяйственной и культурной жизни были в свою очередь во многом обусловлены благоприятным природным окружением. Вряд ли случайно то, что все великие цивилизации древности возникли первоначально в долинах больших аллювиальных рек — Нила, Тигра, Евфрата, Инда и т. д., — обладавших мягким климатом и необычайно плодородными почвами. Первые высокие культуры появляются на Ближнем Востоке (Шумер) и в Египте еще в конце IV тысячелетия до н. э. С тех пор эта обширная область становится ареной наиболее ярких и драматических событий, тем притягательным центром, могучее воздействие которого чувствовалось и на задворках Европы и в глубинах азиатских степей.

На протяжении многих тысячелетий Древний Восток играл ведущую роль в истории, щедро раздавая окружающим варварским племенам бесценные достижения своей культуры. И он оставался ведущей силой мирового прогресса до тех пор, пока железные фаланги Александра Маке-

донского, а позднее римские легионы не сокрушили мощь главных восточных деспотий, доказав тем самым растущие возможности античной Европы.

Для ученого огромный теоретический интерес представляет и тот факт, что во многих районах Древнего Востока (и, в частности, на Ближнем Востоке и в Египте) постепенная эволюция культуры представлена как бы в «чистом» виде, без каких-либо влияний извне, со стороны более развитых народов, — от эпохи каменного века (верхний палеолит — мезолит) до сложения раннеклассовых государств.

Именно это и побуждает нас сравнить пути, пройденные аборигенами Нового Света до прихода испанских завоевателей и населением Египта и Двуречья.

Первые земледельцы планеты

Примерно 11—12 тыс. лет назад на территории Ближнего Востока обосновались племена охотников и собирателей, которые в поисках пищи постоянно кочевали с места на место. В настоящее время памятники этой отдаленной эпохи лучше всего изучены в Палестине и Иордании, где археологи обнаружили так называемую *Натуфийскую* культуру. Здесь, на каменистых склонах Натуфийского хребта, в многочисленных пещерах и гротах древние обитатели этих мест оставили скудные следы своего пребывания в виде кратковременных, сезонных стоянок. Сделанные находки позволяют предполагать, что наряду с охотой, рыбной ловлей и собирательством натуфийцы уже начали заниматься земледелием (наличие серпов и зернотерок). К сожалению, мы не можем сказать ничего определенного ни о его характере, ни о его роли в хозяйстве, поскольку сохранность органических остатков в этом районе оставляет желать лучшего¹.

Несколько тысячелетий спустя (в VIII—VII тысячелетиях до н. э.) отдельные группы охотников и собирателей, жившие преимущественно в горных и предгорных районах Ближнего Востока, перешли к производящим формам экономики, т. е. научились сами сажать и выращивать хлеб и разводить домашний скот. Так, постепенно прежние кочевые племена превратились в оседлых земледельцев. Выросли первые постоянные поселки из глинобитных хижин.

Теперь уже совершенно ясно, что переход к производящей экономике даже в пределах Ближнего Востока совершился далеко не одновременно. В первую очередь это произошло в наиболее благоприятных для земледелия местах, там, где у человека имелись под руками годные для возделывания растения, плодородные почвы и главное — вода, — на территории современной Сирии, в Палестине и Анатолии (Турция). VI—V тысячелетиями до н. э. датируются самые ранние земледельческие поселки Ирака и Ирана. После недавних открытий советских археологов к этим первым очагам мирового земледелия добавились памятники южных районов Средней Азии (Джейтун и др.). Несколько позднее племена оседлых земледельцев создали свои яркие и богатые культуры на Балканах, в Приднепровье, в долине Инда и в других областях Старого Света. Наступила эпоха господства раннеземледельческих культур, которые часто называют в научной литературе «культурами расписной керамики».

Советский ученый В. М. Массон, по праву считающийся одним из ведущих наших специалистов по археологии Средней Азии и Ближнего Востока, предложил разделить эту длительную эпоху на три больших периода².

Первый, наиболее ранний период он назвал «временем архаической экономики». Земледелие и скотоводство уже прочно вошли в жизнь и быт древнего человека. Последний научился изготавливать глиняную посуду и строить легкие дома из дерева и глины. Но слишком еще недавно свершилась эта революционная ломка старых форм хозяйства, слишком велик еще был груз прежних традиций, тысячами нитей связывавших «неолитического» земледельца с его «палеолитическими» и «мезолитическими» предками. Сложность новой экономики и неумение все-сторонне овладеть ее преимуществами зачастую создавали у людей чувство неустойчивости и беспокойства, вынуждали их цепко держаться за старые хозяйственные занятия: рыболовство, охоту, собирательство.

Памятники этого периода (VII—середина VI тысячелетия до н. э.) представлены на Ближнем Востоке Джармо (Ирак), Иерихоном (Палестина), Чатал-Гуюком (Анатолия), а в Средней Азии — Джейтуном.

Второй период В. М. Массон обозначил как время «сложившейся экономики нового типа». Его характерные особенности отражены в культуре таких известных памятни-

ков древности, как Хаджилар в Сирии; Хассуна, Халаф и ранний Убейд в Ираке; Фаюм, Меримде, Бадари и Амрат — в Египте; Намазга I—IV — в Средней Азии и т. д.

Это эпоха наивысшего расцвета раннеземледельческих культур. Старые архаические традиции полностью исчезают. Появляется керамика новых форм с красочной многоцветной росписью. Расцвета достигает мелкая скульптура — изображение (обычно в глине и камне) женщины-матери, покровительницы земледелия, символа плодородия. Развиваются также ткачество и металлургия (медные проколки, кинжалы и тесла). Значительно улучшается домашняя архитектура: жилища, сооружаемые обычно из сырцового кирпича, становятся более просторными и удобными. Создаются первые примитивные ирригационные каналы. И, наконец, завершает эту эпоху так называемый «период сложения ремесел», в течение которого наиболее развитые народы Двуречья и Египта вплотную приближаются к порогу цивилизации.

Поздний Убейд и Урук в Месопотамии, герцейский период в Египте и Намазга IV—V в Средней Азии дают достаточно полное представление о культуре той поры (бурное развитие ремесел и торговли, успехи в строительном деле — появление зачатков храмовой монументальной архитектуры, развитие частной собственности — печати-пинтадеры, резкое усиление имущественного и социального неравенства, если судить по материалам могильников и т. д.).

Размеры многих старых земледельческих поселков увеличиваются в несколько раз, они обстраиваются величественными общественными зданиями, окружаются кольцом мощных оборонительных укреплений, превращаясь уже по сути дела в прообраз будущих городов. В конце IV тысячелетия до н. э. почти одновременно в Шумере и Египте появляются первые раннеклассовые государства.

Так, переписывая уцелевшие страницы летописи, которую оставила нам история в виде нетленных археологических находок: и величественных памятников старины, мы можем отчетливо представить себе весь длинный и трудный путь, пройденный народами доколумбовой Америки и Древнего Востока, прежде чем они достигли вершин цивилизации. Простое сравнение показывает, что закономерности исторического развития в обеих областях отличаются поразительным сходством: палеолитические

охотники на мамонтов уступают свое место охотникам и собирателям эпохи мезолита, а на смену последним в свою очередь приходят ранние земледельцы. Но если считать, что жители Древнего Востока и Мезоамерики начали свой путь к вершинам цивилизации примерно в одно и то же время (XV—IX тысячелетия до н. э.) и с одного и того же культурного уровня (верхний палеолит — мезолит), то первые достигли своей цели в конце IV тысячелетия до н. э., а вторые — только около рубежа нашей эры. Таким образом, цивилизации доколумбовой Америки отделены от древнейших очагов высоких культур Старого Света не только просторами двух величайших океанов, но и почти четырехтысячелетним разрывом во времени.

Почему же к моменту драматической встречи двух миров аборигены Америки смогли противопоставить силе самоуверенных испанцев лишь свои копья и стрелы с каменными наконечниками да деревянные дубинки? Почему одни в XVI в. вступили уже в эпоху антифеодальных революций, а другие оставались еще в самом начале той мучительной и извилистой стези, по которой суждено было пройти всем антагонистическим классовым обществам?

Окончательный ответ на этот вопрос — дело будущего. Сейчас же в качестве причин можно назвать следующие: во-первых, сравнительно неблагоприятная природная среда (отсутствие годных для приручения животных и многих видов полезных растений); во-вторых, необходимость освоения огромных пространств нового континента (насколько медленно шло это освоение, хорошо видно при изучении древнейших археологических памятников на территории Нового Света: комплекс *Сандиа* в США относится по меньшей мере к 20 000 г. до н. э., а находки из Южной Аргентины и Чили — к VII тысячелетию до н. э.) довольно небольшим количеством пришельцев из Азии; и, наконец в-третьих, почти полная изоляция индейцев Мексики и Перу от главных очагов культуры в Старом Свете, что очень сказалось на темпах развития местного населения.

Ведь Евразия, Африка и длинная цепочка архипелагов и крупных островов Индийского океана образуют практически одно гигантское целое, большой сухопутный мост, по которому народы и культуры могли при желании свободно передвигаться с одного конца на другой. Здесь не было непреодолимых природных барьеров (пустынь, больших пространств открытого моря, высоких горных хребтов и

т. д.), способных помешать контактам. Здесь тесная взаимосвязь событий в пределах цивилизованного мира тех времен выступала особенно выпукло и ясно.

Золото пресыщенных патрициев Рима, находившегося в зените своего могущества, способствовало сказочному обогащению торговцев шелком из далекого Китая; римские гвардейцы, посланные в Южную Индию, придали дополнительный блеск дворам местных правителей; римские легионеры построили многочисленные дороги и бани в туманной Англии и т. д.

С другой стороны, растущие богатства Рима возбудили алчную зависть многочисленных варварских народов Прибалтики и Северного Причерноморья. Последние двинулись на юг, и несколько веков спустя казавшаяся непобедимой империя рухнула под их сокрушительными ударами³.

А Новый Свет спокойно лежал за своим трехтысячегильным океанским барьером, неизмеримо далекий от всего, что волновало тогда древние народы восточного полушария.

И тем не менее многие черты культуры в обоих полушариях отличаются поразительным сходством. В чем же здесь дело? В начале книги (гл. 2) говорилось о том, что развитие в одинаковых природных условиях при равенстве хозяйственного уклада, социального и культурного уровня неизбежно приводит к возникновению близких явлений даже в совершенно не связанных между собой областях. Попытаемся показать это на одном конкретном примере.

Уже давно было замечено, что между всеми культурами ранних земледельцев существует много общего. Более того, по своему мировоззрению и быту земледелец эпохи энеолита и земледелец эпохи античности и средневековья более родственны, чем, скажем, крестьянин Киевской Руси и соседний половецкий кочевник, хотя и тот и другой живут в одно и то же время и находятся примерно на одинаковой ступени развития — феодальной. Суть в том, что одинаковые условия хозяйственной жизни порождают и одинаковое мировоззрение. С переходом к земледелию жизнь и благоденствие людей стали в прямую зависимость от сил природы, обеспечивающих созревание урожая: ветра, солнца, дождя. Чувствуя свое бессилие перед стихиями, древний земледелец пытался тем не менее задобрить их с помощью всякого рода сложных ритуалов, обрядов и жерт-

воприношений. «Так, например, абхазы,— пишет советский ученый С. Н. Бибиков,— во время засухи устраивали религиозные шествия к реке с куклой, опускали ее в воды и испрашивали дождя. У тех же абхазов существовал и другой обряд, связанный с испрашиванием плодородия: наряженную куклу с пением бросали в воду, причем куклу изготовляли девушки. Аналогичный обряд во время засухи наблюдался и у чуваш, которые из теста или дерева делали фигурки людей и относили их в овраг»⁴.

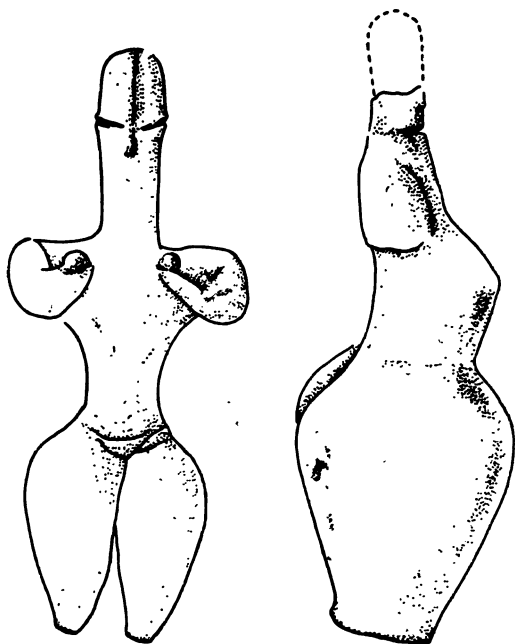
Все сказанное здесь в полной мере применимо и к доколумбовой Америке. «У них был обычай прежде и еще недавно бросать в этот колодец (священный сенот в городе Чичен-Ица, Юкатан.— В. Г.) живых людей в жертву богам во время засухи... Бросали также многие другие вещи из дорогих камней и предметы, которые они считали ценными. И если в эту страну попадало золото, большую его часть должен был получить этот колодец из-за благоговения, которое испытывают к нему индейцы»⁵. Так описывает испанский епископ Диего де Ланда кровавый обряд, совершаемый древними майя в дни засухи в честь бога воды и дождя Чака.

Магические таинства по вызыванию дождя запечатлены на страницах старинного Дрезденского кодекса майя: одна из богинь льет на взрыхленную землю воду из кувшина. Интересно, что точно такой же обряд до сих пор существует у индейцев-чорти, живущих на территории Восточной Гватемалы. Сразу же после завершения сева одна из красивейших девушек селения выходит на поле с кувшином «святой» воды и, разбрызгивая ее вокруг, просит небесных богов ниспослать дождь⁶.

Древние трипольцы Приднепровья, видимо, верили в силу подобного акта. Во всяком случае мы встречаем у них изображения стилизованных женских фигур (часто обнаженных) с поднятой вверх чашей.

Широкое распространение женских статуэток почти у всех древних земледельцев мира доказывает близость их воззрений на культ божества плодородия. Его всегда олицетворяет женщина-мать.

От Приднепровья и Балкан до пустынь Средней Азии и от Египта до горных долин Мексики художники создавали один и тот же образ — обнаженную женщину, часто с руками, положенными на грудь или скрещенными под ней. Исследователи уже давно установили, что в древности

Культовая жен-
ская фигурка из
Македонии (глина,
V тысячелетие до
н. э.)

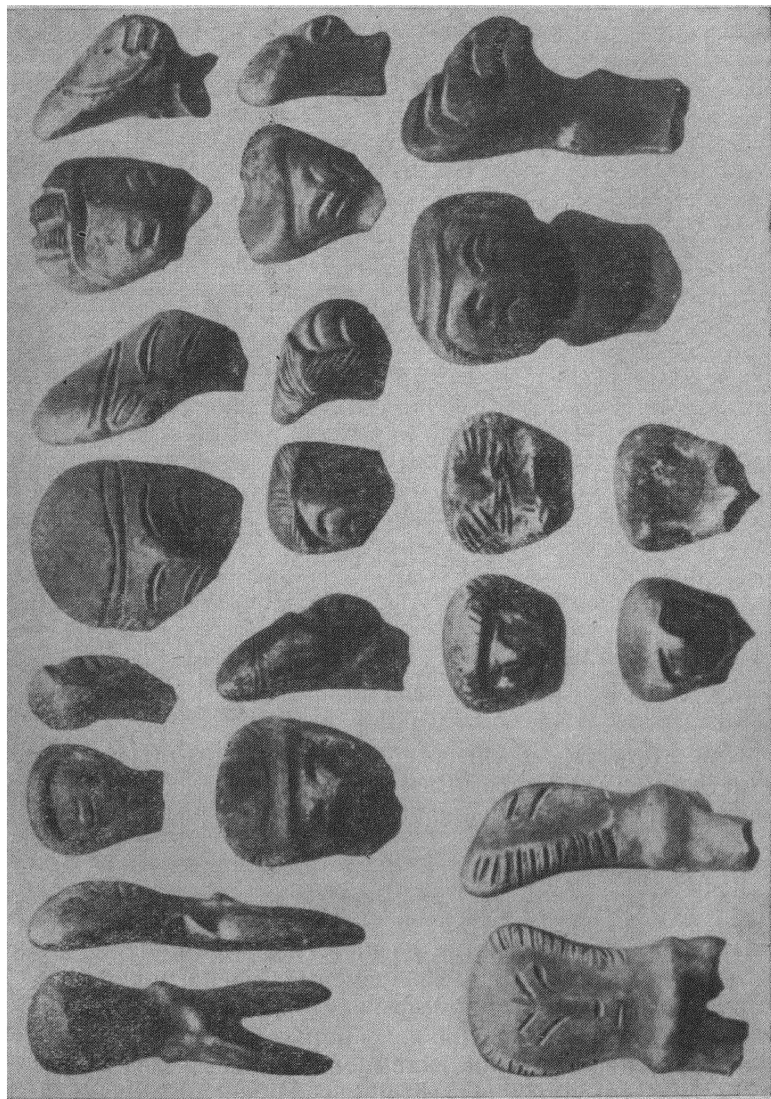
уподобление дождя молоку заставило видеть в тучах женские груди. Нередко древние мастера ограничивались изображением на ритуальной глиняной посуде лишь важнейшего символа богини-матери — груди. У майя гончары добивались этого тем, что придавали соответствующую форму ножкам сосудов-тетраподов, тогда как трипольцы просто делали на тулове своих горшков и чаш четыре рельефных полукруглых налепа. Понятие здесь одно, хотя и выраженное с помощью разных художественных приемов.

Этот список удивительных параллелей можно было бы продолжить, но уже и так совершенно ясно, что раннеземледельческие культуры народов Старого и Нового Света не родились где-то в одном определенном месте. За редким исключением, именно близость материальных условий жизни древних земледельцев и порождаемая этим близость их мировоззрения вызвали к жизни сходные культурные явления. Уместно напомнить также, что к тому времени, когда в Мезоамерике архаическая культура с ее разнообразной нарядной керамикой и культом глиняных

Культовые женские статуэтки из Тлатилько (глина, Центральная Мексика, I тысячелетие до н. э.)

Культовые женские статуэтки с побережья Эквадора (III тысячелетие до н. э.)

Глиняная женская статуэтка из Средней Азии
(II тысячелетие до н. э.)

женских статуэток достигла наивысшего расцвета (1500—500 гг. до н. э.), в Старом Свете почти не осталось уже ни одного района, где сохранились бы аналогичные формы культуры.

Повелители «четырех сторон света»

В конце IV тысячелетия до н. э. в истории Древнего Востока произошли важные перемены. Словно яркие созвездия, засияли на темном фоне варварской периферии самые первые на земле цивилизации: в долине могучего Нила разрозненные египетские номы слились в два крупных государственных образования — Нижнее и Верхнее царства, а несколько веков спустя их объединит своей крепкой рукой фараон Менес; на лёссовых равнинах Ме-

сопотомами возникли многочисленные города-государства Шумера, чуть позднее цивилизация пришла в долину Инда и на каменистые плоскогорья Элама, далеко раздвинув тем самым границы зоны высоких культур Старого Света.

В пределах этой четко очерченной территории повсюду выросли многолюдные города, были созданы сложные системы письменности и календаря, и, что самое главное, появились на свет первые раннеклассовые государства. Вопрос о характере и внутренней структуре этих государств до сих пор вызывает ожесточенные споры среди ученых. Тем не менее восточные государства имели, как правило, деспотическую форму правления. Идейной опорой азиатской деспотии служила религия, согласно догматам которой царь считался земным божеством. Эта идеология обоготворения царя и царской власти призвана была укрепить авторитет деспота, деспотической государственности и всего эксплуататорского строя в целом.

Кульτ царя существовал во всех древневосточных странах, но своего апогея достиг в древнем Египте. Уже цари-объединители, именовавшие себя почитателями Гора, находились как бы под особым покровительством этого божества и даже прямо принимали его имя. Начиная с V династии, фараон рассматривался как сын солнечного бога Ра. Вера в то, что царь есть сын бога, живое божество, господствовала с самого начала и до конца политической истории Египта вплоть до победы христианства.

Царь самолично совершал важнейшие религиозные обряды: он основывал храмы, он один мог (по крайней мере в теории) входить в святилище бога и приносить ему жертву, жрецы действовали лишь как бы от его имени. Пышный придворный церемониал — падение на живот перед царем и целование земли у его ног, запрет произносить имя царя и т. д. — отражал и в то же время поддерживал и усиливал веру в божественное происхождение царской власти⁷.

В древних государствах Месопотамии правители также очень часто становились предметом религиозного поклонения. Шумерийские патеси были одновременно и светскими правителями, и жрецами богов. Цари объединенного Двуречья, начиная с Саргона, претендовали на особую близость к небесным богам: они считались любимцами, ставленниками богов, правили от их имени. На барельефах

цари обычно изображались либо лицом к лицу с богами, либо с атрибутами богов. На стеле Нарамсина царь, например, показан в рогатом головном уборе, как божество. На стеле с кодексом законов Хаммурапи царь стоит перед богом Шамашем и из его рук получает законы.

В одном из шумерийских документов, приведенном в книге выдающегося американского исследователя С. Крамера, содержится прямое высказывание о божественном происхождении царской власти:

Когда . . . царская власть спустилась с небес,

Когда возвышенная тиара и царский трон

спустились с небес,

Он (бог.— В. Г.) создал обряды и высшие

божественные законы ...⁸

Деспотии Древнего Востока имеют две важные особенности: царская власть носит военный характер (царь — высший военачальник, полководец, защитник границ страны) и ей свойствен сакральный оттенок (соединение в руках царя религиозных и светских функций, близость к богам и т. д.)

И обе они нашли самое широкое отражение в древневосточном искусстве, которое приобрело в классовом обществе вполне определенную идейную направленность и откровенно стало на службу правящей касте. Художник, скульптор, мастер получал теперь свыше точный приказ: увековечь фигуру царя, правителя, фараона, придай ей не только огромные размеры, но и скрой ее материальность под сенью таинственных символов и знаков, возбуди уважение перед высшей властью, внуши людям покорность, послушание и даже страх. Толпа должна быть парализована нечеловеческим величием царя, и пусть даже на мгновение не возникнет у нее сомнение в его праве на трон.

Путем тщательного отбора определенных мотивов, образов и форм древневосточное искусство наряду с религией и литературой успешно вело пропаганду божественности царя, святости и незыблемости его власти. Уже на первых этапах существования раннеклассовых государств Старого Света происходит выделение круга канонических мотивов, тесно связанных с царским культом, о чем мы узнаем также из многочисленных подписей на рельефах, стелах, глиняных табличках и из знаменитых египетских папирусов.

До недавнего времени считалось само собой разумеющимся, что деспотия в ее классическом виде присуща только странам Древнего Востока и что ее не знали ни европейские народы, ни африканцы, ни индейцы доколумбовой Америки. Между тем накопленные наукой новые факты позволяют предположить, что деспотическая форма правления (и тесно связанный с ней культ царя) в раннеклассовых государствах древности (в том числе и в Новом Свете: Мезоамерика, Перу) была распространена необычайно широко. Именно этот факт и обусловил, на наш взгляд, одинаковую социальную направленность искусства у многих цивилизованных народов древности (культ царя), породив в свою очередь и общее внешнее сходство его форм и сюжетов (например, в Мезоамерике и на Древнем Востоке).

Сравнительный анализ некоторых мотивов искусства из обеих областей будет тем более полезным, что, как известно, классические цивилизации доколумбовой Мексики до сих пор остаются для нас безгласными сфинксами, письмена майя и сапотеков полностью еще не прочитаны, а наличие развитой системы письменности в Теотихуакане и у ольмеков вообще находится под вопросом.

1. Царь, поражающий врагов на поле брани

Уже на заре египетской истории древние мастера и художники этой страны, получив сверху вполне определенный заказ, создали ряд выдающихся произведений искусства, прославляющих несокрушимую мощь фараона и его многочисленные победы над врагами.

На булаве «Царя Скорпиона» — непосредственного предшественника полулегендарного Менеса, объединившего весь Египет, изображена интересная сцена, которая, по мнению Гордона Чайлда, «увековечивает победу верхнеегипетских номов над чужеземными и нижнеегипетскими кланами»⁹.

От фараона Нармера дошла до нас замечательная шиферная пластинка, хранящаяся ныне в Каирском музее. На одной ее стороне высечена фигура царя в короне Верхнего Египта. Царь убивает своей булавой жителя западного «ливийского» нома дельты Нила. Здесь же его бог-покровитель Гор, воплощенный в образе сокола, держит на

Лицевая сторона таблички фараона Нармера
(сланец, начало III тысячелетия до н. э.)

веревке иероглиф, означающий «шесть тысяч пленных». На обратной стороне пластины царь уже в короне Нижнего Египта в сопровождении своих воинов, слуг и знаменосцев шествует по полю битвы, усеянному трупами обезглавленных врагов ¹⁰.

«Палермский камень», установленный, по-видимому, в годы правления фараона Снофру (III тысячелетие до н. э.), отмечает наряду с другими славными деяниями этого правителя «сокрушение земли негров (Нубия.— В. Г.), доставку 7 тысяч пленных мужчин и женщин и 200 тысяч голов быков и овец» ¹¹.

В самом начале династической эпохи царь Семерхет производил какие-то работы на рудниках Синайского полуострова. Но его экспедиция страдала там от частых набегов диких кочевых племен, издавна обосновавшихся в этом полупустынном районе. Фараону пришлось силой сломить их сопротивление, после чего он поспешил увековечить это событие на рельефе, высеченном в скалах Вади.

Усефай, царь I династии, очевидно, производил на Синае подобные же работы и терпел те же лишения, так как он прославил свою победу над упоминавшимися уже племенами в сцене, изваянной на пластинке из слоновой кости. Усефай показан в образе доблестного воина, убивающего булавой поверженного наземь туземца. Сцена сопровождается лаконичной, но весьма выразительной надписью: «Первый случай поражения восточных жителей»¹². Аналогичным образом рисуется фигура победоносного царя и в древнеегипетской литературе:

Могучий это, действующий мощной рукою
Храбрец, и нет подобного ему,
Когда видят его идущим на лучников
И бросающимся на врагов...
Мститель это, разбивающий лбы,
И никто не устоит перед ним...¹³

От египетских фараонов не отставали в своих честолюбивых устремлениях многие правители и цари других стран Древнего Востока. Победные рельефы и стелы встречаются там так же часто, как и в Египте. Не прекращающееся веками соперничество шумерских городов-государств Лагаша, Уммы, Киша и Ура, завоевательные походы властителей Аккада, ассирийских и хеттских царей давали богатую пищу для подобных произведений.

Уже на «Стеле Коршунов» — одном из наиболее ранних памятников монументальной скульптуры Шумера — мы находим изображение царя на поле брани и примечательную надпись: «Эанатума (правитель Лагаша. — В. Г.) поразил Адамдун, поразил Сусинну; Арун он разрушил, Ур поразил...»¹⁴

Но, пожалуй, наиболее ярко представлен мотив царя-победителя на знаменитой стеле Нарамсина. Памятник посвящен походу аккадского правителя против племени лулубеев, обитавших в горах Загроса. «Внизу разворачивается по горным тропам шествие воинов. Взоры их обращены

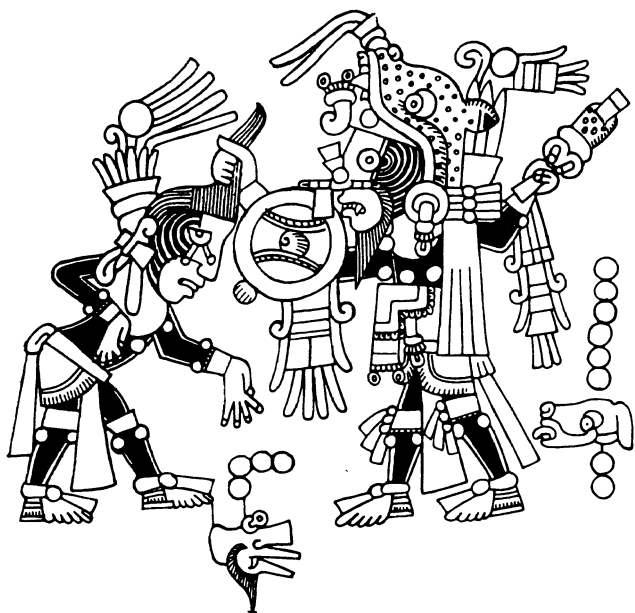
вверх, на фигуру победоносного царя, стоящего уже на вершине горы. Нарамсин только что метнул дротик, и он торчит в горле поверженного врага. В левой руке царя лук, правой он сжимает стрелу, готовясь поразить последнего противника. Но луллубей больше не сопротивляется. Он бежит, закрывая лицо руками, точно ослепленный величием победителя...»¹⁵

А теперь обратимся к доиспанскому искусству цивилизованных народов западного полушария. Оказывается, мотив «царя-победителя» и «царя на поле брани» был широко распространен в древности и по другую сторону океана.

Изображение царя в образе воина-победителя, поражающего своих врагов,— один из центральных сюжетов классического искусства майя. Особенно много произведений на эту тему ученые обнаружили в городе Иашчилане

Каменный рельеф из Бонампака с изображением царя «на поле брани» (культура майя, VIII в. н. э.)

Победоносный правитель убивает врага (миштецкий кодекс, XIV в. н. э.)

(долина реки Усумасинты). На каменной притолоке (притолока № 8) с календарной датой, соответствующей 638 г. н. э., высечено несколько столкнувшихся в смертельной схватке человеческих фигур. Два высоких воина в богатых одеждах явно одолевают своих противников: они повергли врагов наземь и готовятся либо нанести им роковой удар, либо взять их в плен. Причем один из победителей, судя по отдельным деталям его костюма, — царь¹⁶.

Аналогичная сцена запечатлена и на двух каменных притолоках знаменитого храма в Бонампаке, на одной — могучий правитель буквально пригвоздил своего противника к земле, пронзив ему грудь длинным копьем; а на другой — царь держит поверженного наземь врага за волосы, угрожая ему своим без промаха разящим копьем¹⁷. На стеле 1 из Моралья (штат Кампече) правитель майя в пышном костюме и вычурном головном уборе хватает за волосы лежащего на земле обнаженного врага и заносит над ним какое-то непонятное оружие (острая раковина?

кремневый или обсидиановый нож?) для последнего удара¹⁸.

Сменялись века, гибли цивилизации, исчезали с лица земли целые народы, но этот канонический мотив с удивительным упорством переходит от одного поколения мастеров к другому. И когда в XV в. на туманном горизонте мезоамериканской истории появилось новое светило — растущая ацтекская держава, — ее правители не преминули воспользоваться старыми образами и традициями для прославления своей власти.

В 1791 г. в городе Мехико случайно нашли гигантский каменный цилиндр, вся поверхность которого была испещрена резными рисунками, символами и знаками. Этот величественный монумент, получивший название «Камень Тисока», стоял когда-то перед лестницей главного храма ацтекской столицы Теночтитлана, а после прихода испанцев фанатичные монахи закопали его глубоко в землю как «порождение дьявола», подальше от глаз людских.

При внимательном изучении рельефов «Камня Тисока» выяснилось, что это своеобразный победный монумент, возвеличивавший завоевания первых ацтекских царей. «Мы видим пятнадцать пар человеческих фигур, из которых одна всегда изображает ацтекского правителя, а другая — представителя подчиненного населения или страны, которого победитель хватает за волосы... Правители изображены без какой-либо попытки к индивидуальности; наоборот, практически всюду повторяется одна и та же фигура в богатом одеянии с пышным головным убором из перьев. Только у одной из них имеется сбоку иероглиф, которым обозначался Тисок. Это и породило распространенное, но неверное мнение, будто бы на данном монолите изображены победы только этого правителя. В действительности же, судя по названиям покоренных городов и областей, здесь изображены победы нескольких властелинов Теночтитлана, которые имеют облик своего племенного бога Уицилопочтли. Такой способ изображения соответствует общей идее памятника — показать единое господство ацтекского божества во всем мире, т. е. перевести события в область религиозной идеологии»¹⁹.

Еще больший интерес могли бы представить для историков высеченные на скалах среди рощ Чапультепека рельефы, изображающие ацтекских правителей Ахуицотля и Монтесуму, одетых в костюмы бога Шипе-Тотека.

Главная цель этих памятников тоже состояла, по-видимому, в возвеличивании грабительских походов ацтекских царей в соседние страны. К сожалению, эти уникальные рельефы почти не сохранились до наших дней. В середине XVIII в. они были уничтожены по специальному приказу испанского вице-короля²⁰.

Остается добавить, что «цари-победители» десятки раз появляются на страницах красочных ацтекских и миштекских кодексов, значительная часть которых относится к доколумбовой эпохе (например, кодекс Нутталь, XIV в. н. э.).

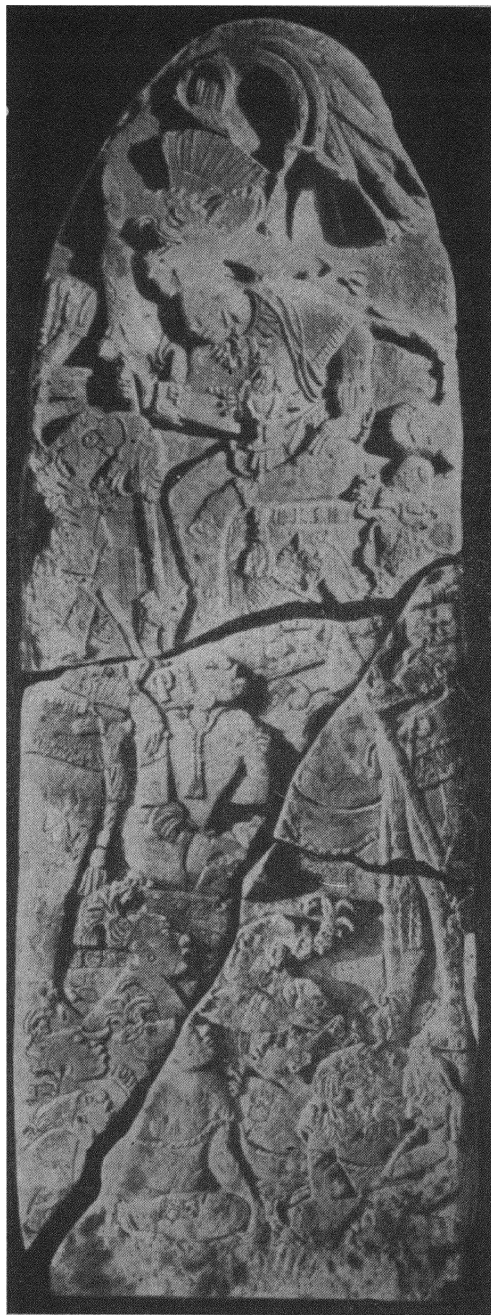
2. Царь в сценах триумфа

Этот мотив практически тесно связан с предыдущим. Чаще всего указанный круг идей воплощался с помощью одного широко распространенного приема: величественная фигура царя-победителя с регалиями и знаками власти или с оружием и обнаженные связанные пленники у его ног, видимо, олицетворявшие собой определенные этнические группы, страны или государства, покоренные могучим монархом. Иногда в подобных же сценах царь попирает ногами связанного пленника (рельеф Аннубанини) или же попросту стоит у него на спине.

Грозный властелин двуречья Саргон Аккадский увековечил свои многочисленные военные успехи в целом ряде пышных монументов и надписей. В одном из клинописных текстов Саргону приписывается победа над Эламом, трехкратный поход на «Запад», покорение его и покорение «четырех сторон света». Говорится, что он «прошел море Запада, был три года на Западе, покорил и объединил страну, поставил там свои статуи, перевел по морю и суше пленных». О том, что Нарамсин в течение одного года разбил девять армий и пленил трех царей, повествует надпись его сына Либитили²¹.

Интересные сцены изображены на костяной пластине из Мегиддо (Сирия): триумфальное возвращение царя, к колеснице которого привязаны обнаженные пленники, и торжественный пир в честь одержанной победы²².

Почти 3 тыс. лет спустя после описываемых событий во влажных тропических джунглях Индокитайского полуострова появились грандиозные каменные монументы в честь правителей кхмеров. Особое изумление путешественников и исследователей вызывали четырехугольные

Триумфальная сцена на стеле 12 из Пьедрас Неграса (Гватемала, культура майя)

Фараон стоит под защитой небесной коровы

каменные башни в Байоне, на каждой стороне которых было изваяно гигантских размеров лицо короля Джая-вормана VII. Сравнительно недавно французский ученый Поль Мюс убедительно доказал, что это не что иное, как четыре проявления одного и того же божества, символизирующего королевскую власть, которая простирается на все королевство, на все «четыре стороны света»²³.

Другой правитель Камбоджи — Индраварман I оставил после себя многочисленные надписи, восхваляющие могущество его царственной персоны: «Лев среди царей», «Неповторимый герой», «Когда он садится на трон... то короны падают наземь с голов остальных царей, как звезды падают с неба при появлении солнца»²⁴.

В горах Загроса, неподалеку от Керманшаха, был обнаружен огромный наскальный рельеф в честь персидского царя Дария, причем рост монарха намного превышает размеры остальных персонажей. За его спиной двое приближенных. Справа к царю движется длинная вереница людей в различных одеждах, руки их скручены за

спиной, кроме того, они связаны друг с другом за шею. Над всей группой парит крылатая фигура божества²⁵.

Почти все разновидности указанного мотива можно найти и в искусстве древних народов Мезоамерики. Особенно интересным памятником этого рода безусловно следует считать стелу 12 из Пьедрас Неграса (795 г. н. э.). В верхней части монумента изображен сидящий на троне правитель в пышном костюме и высоком головном уборе. Правой рукой он сжимает копье, а левой упирается в бедро. У подножия трона стоят какие-то сановники или военачальники, а ниже находятся скорченные обнаженные пленники со связанными за спиной руками, их головы подняты вверх, они с ужасом ожидают решения своей участи. Общий триумфальный характер этой сцены не подлежит никакому сомнению. Очевидно, стела была воздвигнута в честь какой-то крупной победы правителя Пьедрас Неграса над войсками другого города-государства²⁶.

Совершенно аналогичный сюжет запечатлен на стеле 4 из Баланкан-Моралес (Табаско). В центре всей композиции фигура царя, восседающего на троне с копьем в руке. У подножия трона, по обеим сторонам от монарха стоят на коленях два нагих пленника со связанными за спиной руками. Календарная дата, высеченная ниже, говорит о том, что это знаменательное событие произошло в 650 г. н. э.²⁷ Изображение царя-победителя со всеми регалиями и знаками власти, а также связанных пленников у его ног известны в Ишкуне (стела 5), Наранхо (стела 8)²⁸ и во многих других городах древних майя.

К сожалению, иероглифические надписи, высеченные на классических монументах майя, еще не прочтены. В дешифровке майяской письменности сделаны лишь первые успешные шаги. И тем не менее понять общий их смысл можно уже сейчас. Известный советский исследователь Ю. В. Кнорозов любезно рассказал автору настоящей книги о нескольких примерах условного чтения иероглифических надписей майя. Глагол «победил» (захватил, взял в плен) и олицетворяющий его иероглиф отождествляются сейчас в древних текстах довольно уверенно. Он всегда стоит в начале победной надписи. Далее следует перечисление побежденных городов, земель народов, имя и титул победителя, а в заключение — точная дата упомянутого события. Так, на здании 44 в Йашчид-

лане под знакомой нам триумфальной сценой высечена длинная колонка вычурных иероглифов: «Победил... (далее идет перечень побежденных городов, земель или племен — всего пять наименований)... ах-ла-иш» (титул правителя, аналогичный позднему «Ахав») ²⁹. Ниже стоит дата: 689 г. н. э.

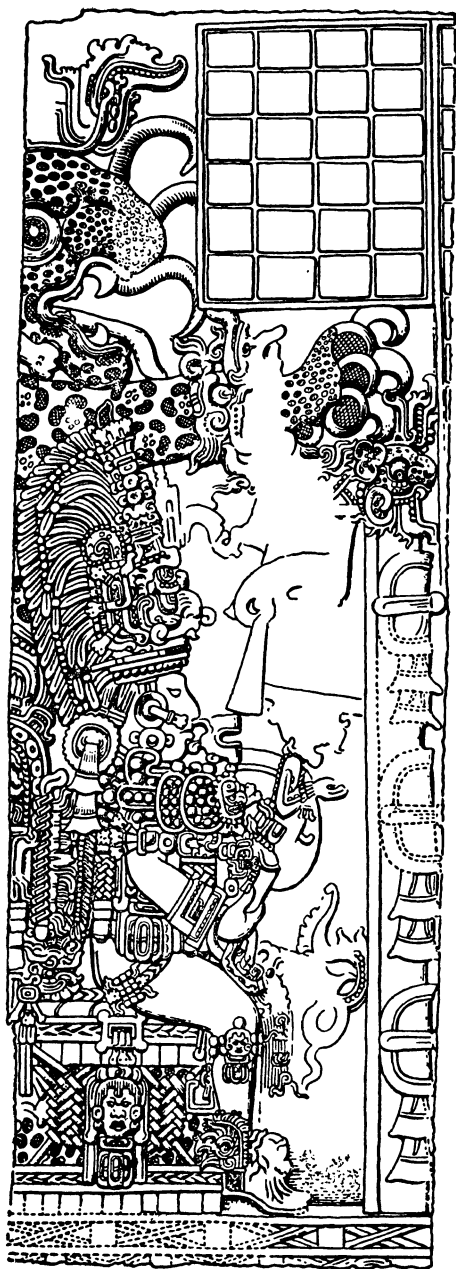
Все другие победные тексты майя составлены по такому же образцу. Лишним подтверждением этого служат совершенно аналогичные по форме надписи, содержащиеся в книгах Чилам Балам, созданных уже в эпоху Конкисты и позднее: «В двадцатилетие 6 Владыки (Ахав) была захвачена страна Чаканпутун» ³⁰ и т. д. Таким образом, тесное родство классических монументов майя с победными памятниками царей Востока выступает довольно отчетливо. В обоих случаях речь идет о произведениях искусства, призванных возвеличить личность царя и его победы над врагами.

3. Царь, находящийся под защитой и покровительством богов

Особо важное место в искусстве Древнего Востока занимала настойчиво проводимая мысль о тесной связи царя с богами, о том, что они покровительствуют царствующему дому, и т. д.

Египетских фараонов обычно изображали в виде богов, головы которых украшены священными коронами божества. Иногда царю намеренно придавали облик бога Осириса, сидящего на троне под балдахином со всеми знаками власти (бич, жезл, урей и т. д.). Боги-покровители, воплощенные в большинстве случаев в образах различных зверей и птиц («небесная корова», сокол-Гор, коршун-Небхет, священная змея), защищали фараона от нападений врагов и всевозможных бед, вручали ему знаки власти или же просто выказывали к божественному монарху свое глубокое расположение ³¹.

Цари и патеси Шумера тоже считали себя избранными и ставленниками богов, о чем красноречиво говорят многочисленные клинописные тексты и надписи, найденные в развалинах древних городов Двуречья: «Эанатума, царь Лагаша, одарен силой от Энлиля, вскормлен священным молоком богини Нинхарсаг, наречен благом именем Инниной...» ³² Лугальзаггиси (патеси Уммы)

Божество-ягуар защищает сидящего на троне правителя (деревянная притолока из Храма I, Тикаль, VIII в. н. э.)

именует себя, между прочим, тем, «на кого благосклонно воззрел Ану, чье имя провозгласил Баб-бар, чадом Нисабы, вскормленным священным молоком Нинхарсаг...»³³

В искусстве древней Америки этот мотив встречается сравнительно редко, что можно объяснить лишь крайне незначительной изученностью местных археологических памятников. Однако перед нами, безусловно, тот же круг образов и идей, воплощенных в поразительно близкой форме. На деревянной притолоке из пирамидального Храма IV в Тикале уверенным резцом неизвестного майяского мастера вырезана фигура правителя, сидящего на высоком троне с жезлом в руках. Позади него, далеко вытянув вперед могучую когтистую лапу, стоит гигантский ягуар — грозный владыка центральноамериканских джунглей³⁴. Его поза не оставляет никаких сомнений в том, что и здесь показан хорошо знакомый нам по восточному искусству мотив: бог-покровитель и опекаемый им земной владыка³⁵.

Точно такое же изображение, но уже на камне, было обнаружено археологами среди руин древнего города Пьедрас Неграс. Правда, до наших дней сохранился лишь небольшой обломок некогда громадного рельефа с фигурой царя на троне и гигантской лапой стоящего позади бога-ягуара³⁶.

Из письменных источников кануна Конкисты мы знаем, что правители майя всячески подчеркивали свою связь с богами и исполняли помимо своих основных (светских) функций ряд религиозных.

4. Тайны царского культа

В чьих же интересах внушалась фанатичная вера в божественность царя и его власти? В подавляющем большинстве случаев ответ может быть только один — в интересах самого царя и его ближайшего окружения. Именно по инициативе верховного владыки в стране строились специальные храмы и святилища, где перед его статуями совершались сложные церемонии и обряды. Этим храмам из казны отпускалось щедрое содержание и делались подарки, отписывались специальные участки земли и даровые рабочие руки. Все это ложилось тяжелым бременем на плечи народа и подрывало экономику страны.

В Египте в храмах устраивались особые залы, посвященные царскому культу, которые назывались «великим домом» или «зданием его, находящимся в храме». На стенах зала обычно изображались главные моменты священной жизни обоготворяемого царя: его рождение, коронация, празднование 30-летнего юбилея и т. д. Эти сцены довольно хорошо сохранились в развалинах двух храмов XVIII династии — храма царицы Хатшепсут в Дейр-эль Бахри и храма царя Аменхотепа III в Луксоре³⁷.

Со времен XII династии царские статуи появляются не только в заупокойных храмах, но и в специально выстроенных для этого святилищах. Там устанавливаются колоссальные изваяния правящих фараонов, закрепляя в сознании обитателей долины Нила представление о земных властителях как о могучих царях-объединителях Египта и завоевателях окружающих стран³⁸.

Правитель Ура Шульги, царствовавший в XXIV в. до н. э., именовал себя царем Шумера и Аккада. «По примеру древних аккадских царей он принимает титул «царя четырех стран», а затем объявляет себя еще при жизни богом и учреждает себе культ, что делали и его преемники... Их статуи уже ставились в храме не для молитвенного общения с божеством, а для почитания не только по смерти, но и при жизни»³⁹.

Точно такой же обычай существовал, по словам Диего де Ланды, и у юкатанских майя: «По мнению индейцев, — пишет он, — с ицами⁴⁰, которые поселились в Чичен-Ице, пришел великий правитель Кукулькан...

Нашлись из индейцев некоторые, говорившие, что он ушел на небо с богами и поэтому считали его богом и посвятили ему храм, чтобы в нем справлять ему праздник. И справляла его торжественно вся страна до разрушения Майяпана⁴¹.

В старинном манускрипте, принадлежавшем перу испанского монаха Диего Дурана, приведен любопытный разговор ацтекского императора Монтесумы I со своим братом Тлакаэллецем. Император патетически восклицает: «Ведь сказано же в книгах, что перед тем как Кецалькоатль (у майя Кукулькан. — В. Г.) покинул страну, он распорядился, чтобы его изображение было вырезано из дерева и камня, для того чтобы ему поклонялся простой народ. Однако мы-то знаем, что он был человеком, как и мы. Давай же прославим себя таким же образом»⁴².

И ацтекский император без долгих разговоров берется за воплощение своего замысла. По его приказу на скале в садах Чапультепека мастера высекают рельефные фигуры обоих царственных братьев. Эти огромные изображения, по словам самого Монтесумы I, «останутся вечным напоминанием нашего величия»⁴³.

Обычай воздвигать собственные статуи и рельефы и организовывать поклонение им ревностно поддерживали и все последующие правители Теночтитлана. Но во времена Конкисты эти уникальные памятники стали жертвой фанатизма испанских монахов и солдат.

Итак, перед нами словно в кадрах кинохроники прошли быт, традиции и обряды людей, еще в глубокой древности создавших высокие и яркие цивилизации. Их лица, костюмы и украшения не похожи, они живут в различных природных зонах — в высокогорных долинах, засушливых полупустынях и во влажных тропических джунглях, по-разному складываются их исторические судьбы: одни, сравнительно рано создав высокую культуру, медленно угасают, передавая плоды своей цивилизации соседним народам, другие уничтожаются беспощадными завоевателями в самом расцвете сил. И тем не менее есть между ними какое-то глубинное сходство, причина которого вызывала всегда столько ожесточенных споров. И дело здесь не только в том, что по обеим сторонам Атлантики строили в древности пирамиды, знали предание о всемирном потопе и высекали на каменных плитах изображение креста — как думали ранние историки доколумбовой Америки и «диффузионисты».

Доиспанские цивилизации Нового Света были близки первым очагам человеческой культуры в Египте и Двуречье по самой своей сути — по уровню развития экономики, общественному и политическому устройству. Причем эту близость никак не объяснишь наличием непосредственных контактов между названными областями: возникновение цивилизаций на Древнем Востоке относится к концу IV тысячелетия до н. э., тогда как в Мексике и Перу это событие происходит в лучшем случае на рубеже нашей эры. Огромный хронологический разрыв в 3 тыс. лет исключает всякую возможность прямых влияний древнейших цивилизаций старого Света на высокие культуры Америки. Единственно правильное объяснение некоторого сходства между ними — в конвергенции.

ПЛАВАЛИ ЛИ ДРЕВНИЕ В АМЕРИКУ?

Человек попал в Новый Свет из Азии в сравнительно позднее время — около 25—30 тыс. лет назад и принес с собой культуру каменного века. Другой важный вывод состоит в том, что раннеземледельческие культуры Мексики и Перу, так же как и сменившие их высокие цивилизации классической эпохи, являются, безусловно, продуктами местного развития.

Значит ли это, что сразу же после первоначального заселения Америки всякая связь ее с остальными частями света полностью прекратилась. Неужели после того как узкая калитка в районе Берингова пролива захлопнулась, погрузившись на дно океана, ни один человек извне не достигал уже берегов Нового Света?

Мы знаем, что именно этот вопрос постоянно находился в центре внимания. В спор оказались втянутыми не только ученые, но и чиновники, дипломаты, целые религиозные школы и государства. Отстаивание национального престижа, незыблемости догматов святой веры, тщеславие и жажда славы, погоня за сенсацией придавали полемике временами уродливую и фантастическую форму. Рассмотрев в предыдущих главах точки зрения основных представителей спорящих сторон, мы можем сказать, что по проблеме в целом у нас еще слишком мало фактов и слишком много скороспелых гипотез.

На наш взгляд, прежде всего не следует забывать о двух основных моментах:

а) связи между двумя полушариями существовали задолго до открытий Колумба;

б) для возникновения и развития высоких культур Мексики и Перу эти связи не сыграли какой-нибудь серьезной роли.

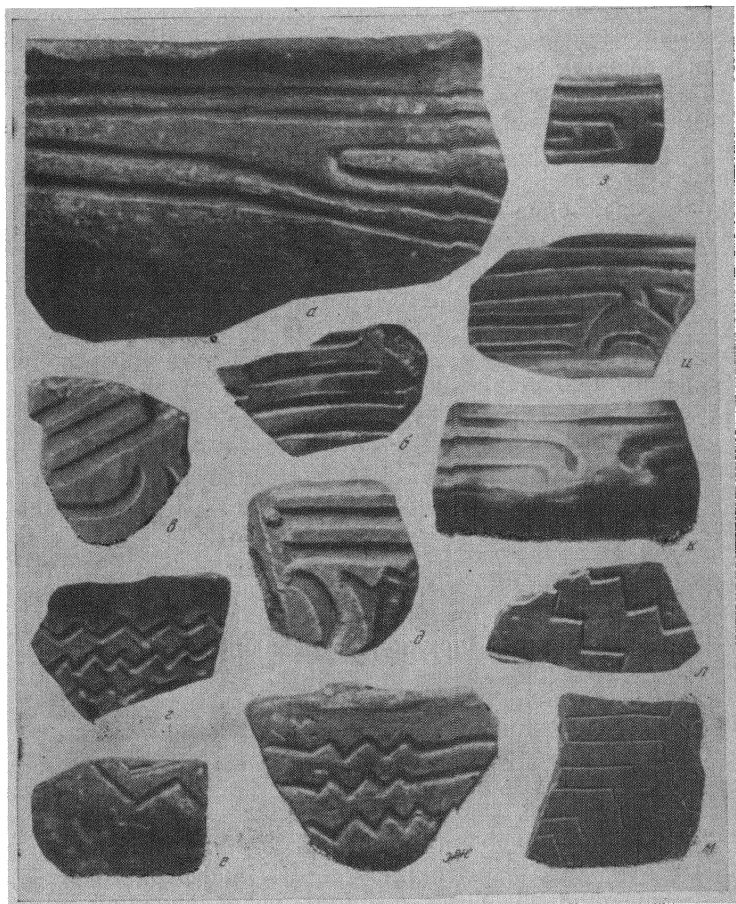
В настоящее время ученые располагают хотя и немногочисленными, но твердо установленными фактами, доказывающими существование таких взаимных контактов с глубокой древности.

Да, картина взаимоотношений обитателей двух полушарий отнюдь не была столь примитивно однобокой, как рисует ее воображение наиболее непримиримых «изоляционистов»: одна большая миграция из Азии в конце палеолита, а затем полная изоляция от внешнего мира и внутреннее утробное развитие американских культур. Нет, жители азиатского материка, вернее его северо-восточной оконечности, в любое время могли попасть на побережье Америки. Тесные связи населения двух соприкасающихся континентов, начавшиеся еще в верхнем палеолите, продолжали существовать вплоть до европейской колонизации. Именно этим объясняется сходство культур и религиозных верований населения Аляски, индейцев северо-западного побережья Америки и эскимосов, с одной стороны, и жителей Восточной Азии — с другой. Этим древним путем (вдоль тихоокеанского побережья, а не прямо через океан) попали в Северную Америку и многие предметы азиатского производства, в том числе железные орудия, встречающиеся на ряде индейских поселений уже с X в. н. э. Однако упомянутые связи имели значение только для небольшой части североамериканских индейцев.

Совсем иное дело — культурные контакты населения Юго-Восточной и Восточной Азии с племенами американских индейцев.

В 1956 г. эквадорский археолог Эмилио Эстрада и его коллеги из США Бетти Меггерс и Клиффорд Эванс начали раскопки древней стоянки, расположенной в местечке Вальдивия, на южном побережье Эквадора. Цель их работ состояла в максимально полном изучении совершенно неизвестной до того культуры, отражающей переход от охотничье-собираательского хозяйства к земледелию.

И здесь выяснился совершенно поразительный факт. Жители Вальдивии уже на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. научились изготавливать прекрасную глиняную посуду разнообразной формы и с разнообразной орнаментикой. В то же время все другие синхронные с Вальдивией культуры американских индейцев были еще

Японско-эквадорские параллели в керамике

а — ж — Япония

з — м — Эквадор

докерамическими. Вполне естественно, что вопрос о происхождении вальдивийской керамики привлек внимание исследователей. Вероятно, он так и остался бы нерешенным до сих пор, если бы в один прекрасный день (уже в 1960 г.) под лопатой рабочего-индейца не появился красный глиняный сосуд с высокой угловатой ручкой,

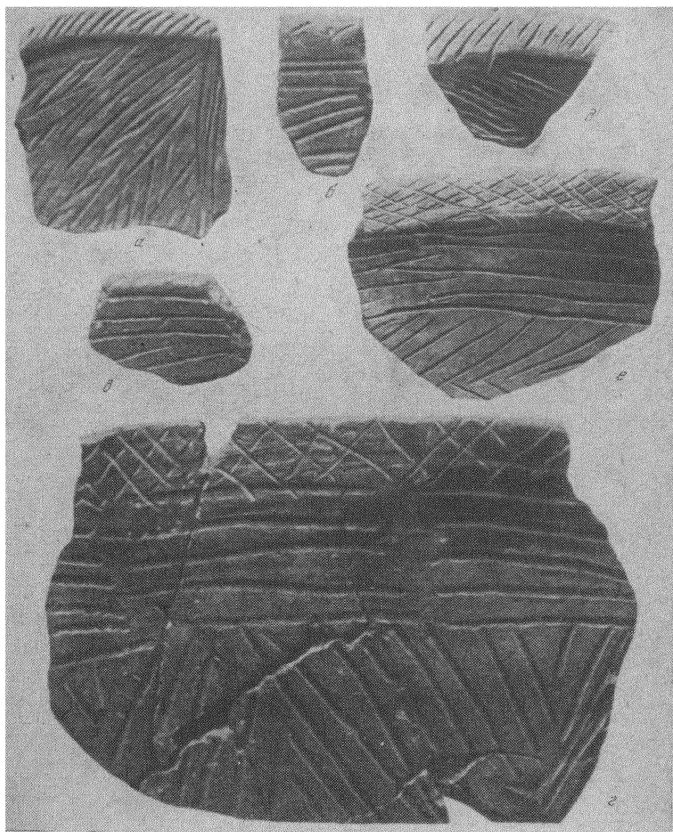

Японско-эквадорские параллели в керамике

а — в — Япония

г — з — Эквадор

испещренной замысловатой резьбой. Он имел поразительное сходство с кувшинами культуры эпохи *Среднего Дзёмона* (Япония). А затем подобные удивительные совпадения стали встречаться в материалах Вальдивии все чаще и чаще. Однако детальный анализ японо-эквадорских параллелей в керамике был затруднен тем, что американские археологи слишком плохо знали культуру *Дзёмон*. И вот Метгерс и Эванс отправляются за океан,

Японско-эквадорские параллели в керамике

а — з — Япония

д — е — Эквадор

в Японию, для изучения коллекций, собранных местными археологами и любителями старины. Результаты этой поездки превзошли все ожидания. Удалось не только выявить значительно большее число сходных черт между двумя культурами, отстоящими друг от друга почти на 15 тыс. км, но и найти тот район в Японии, где число параллелей с Эквадором было максимальным. Им оказался остров Кюсю и, в частности, такие его прибрежные памятники эпохи *Среднего Дзёмона*, как Собата,

Ицуми и Атака (рубеж IV—III тысячелетий до н. э.). И поскольку многие специфические типы глиняной посуды из Эквадора были практически неотличимы от изделий из Японии (культура *Дзёмон*), где традиция изготовления керамики восходит еще к IX—VIII тысячелетиям до н. э., то вывод мог быть лишь один: древнейший керамический комплекс Вальдивии имеет азиатское происхождение.

Но каким образом японская керамика могла попасть на берега Эквадора?

Собрав воедино всю доступную информацию, американские ученые реконструируют ход событий следующим образом:

«Около 5 тыс. лет назад побережье Японии и Южной Америки населяли небольшие группы рыболовов и собирателей моллюсков, которые дополняли свой рацион охотой и сбором диких растений. Не исключено, что у них появились уже и первые зачатки земледелия. Их орудия и утварь, хотя и отличались по некоторым конструктивным деталям, были практически очень похожими: рыболовные крючки из раковин, костяные шилья, каменные рубила, отщепы, грузила, молотки и т. д., что говорит об одинаковом уровне технологического развития и близости природной среды. Множество костей морских рыб, найденных в культурном слое поселений эпохи *Дзёмон*, свидетельствует о том, что рыболовство в открытом море с очень ранних времен давало значительную часть продуктов питания японским прибрежным племенам. Скорее всего для этого опасного промысла использовались челноки, выдолбленные из целого древесного ствола...¹

Если бы в древности такую лодку с рыбаками угнало тайфуном от побережья о. Кюсю в открытое море в октябре или ноябре², то они попали бы в зону сильнейших течений северной части Тихого океана и двигались бы со скоростью 24—32 мили в день по большой дуге в общем направлении на северо-восток... Количество времени, необходимое для того, чтобы совершить дрейф от Японии до Эквадора протяженностью в 9450 миль, вычислить с абсолютной точностью, конечно, нельзя.

Однако можно с уверенностью сказать, что он длился много месяцев и что часть членов экипажа рыбацкой лодки вполне могла выдержать все тяготы подобного путешествия и выжить. Попад на эквадорское побережье, они

были дружески встречены индейцами и включены в качестве полноправных членов в состав племени. Именно эти азиатские пришельцы и научили местных жителей искусству изготовления керамики. Но очень скоро вальдивийцы сами стали отличными гончарами и превзошли своих учителей и по оформлению и по качеству изделий: характерно, что уже древнейшая керамика Вальдивии превосходит не только любую другую раннюю посуду с территории Нового Света, но и керамику культуры *Дзёмон*³.

Японские рыбаки, занесенные океанскими стихиями к берегу Эквадора, и оказались той искрой, которая упала на вполне подготовленную почву. Культуры *Вальдивия* и *Дзёмон* находились примерно на одинаковом уровне развития. Их отличало лишь наличие или отсутствие керамики. Именно она и была воспринята индейцами, очень скоро придавшими ей неповторимо своеобразные формы.

Это не означает, конечно, что и во всех других случаях экипажи судов и лодок, пригнанных в разное время штормами и течениями к берегам Нового Света, оказывали заметное культурное воздействие на индейские племена. Картина взаимных связей на этой основе гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Дело в том, что то или иное новшество, принесенное каким-либо образом извне, воспринимается местными жителями лишь в том случае, если для него уже подготовлена почва.

В подтверждение этого можно привести десятки примеров, когда мореплаватели Старого Света, заброшенные по воле судеб к берегам Америки, бесследно исчезали там, не оставив никакого следа в индейских культурах: колонии викингов в Северной Америке, на Ньюфаундленде и в Гренландии; испанские моряки, потерпевшие крушение у берегов Юкатана в 1511 г., о чем пишет в своем тракте Диего де Ланда⁴, и т. д.

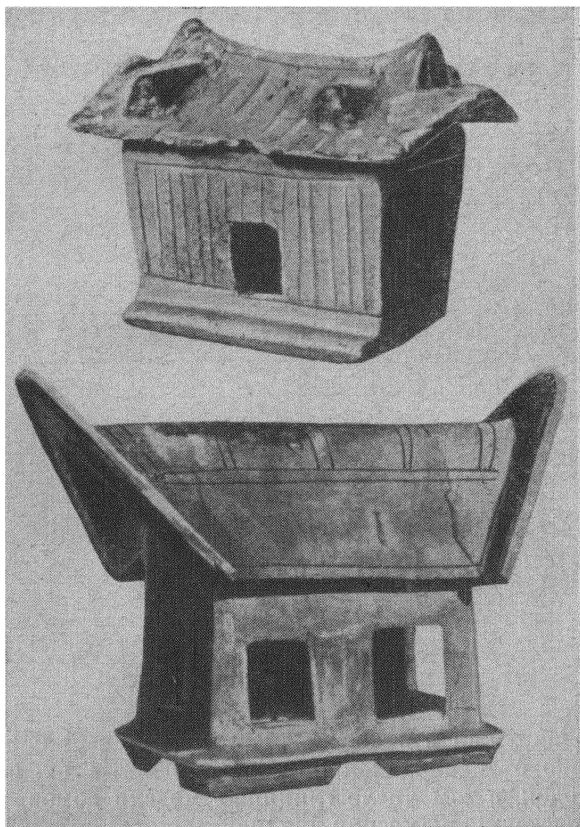
Транстихоокеанские плавания японских и китайских мореходов к берегам Нового Света в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э.— вопрос в высшей степени спорный. Единственной серьезной работой на эту тему является книга уже знакомого нам Эмилио Эстрады⁵. Изучая памятники древней индейской культуры в Баийя де Каракес (провинция Манаби), на побережье Эквадо-

Головка античной статуэтки из Калиштлахуака (терракота, Мексика, II в. н. э.)

ра, он обнаружил в ходе раскопок уникальный набор вещей, резко отличающихся по своему облику от остальных находок, в том числе глиняные модели домов, статуэтки и подставки-скамеечки для шей.

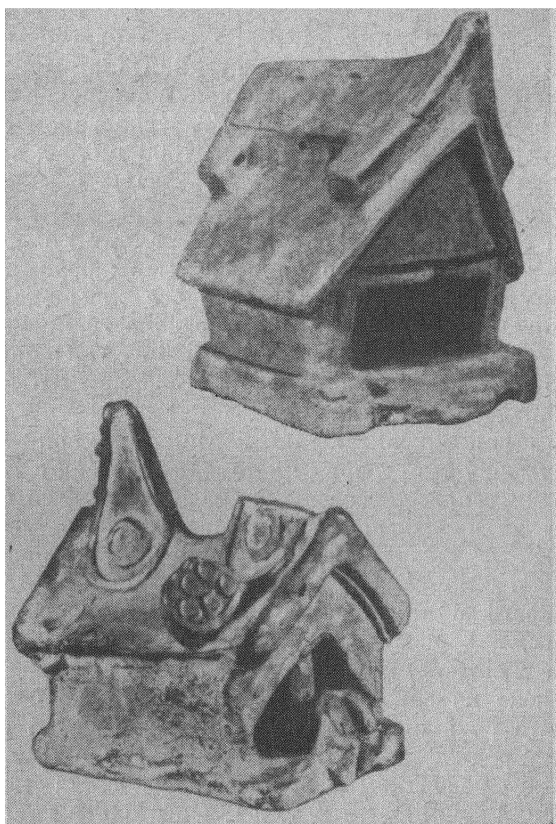
При этом все дома имели крыши, вогнутые посредине наподобие седла, с загнутыми вверх углами. В целом они очень напоминали азиатские пагоды. Некоторые глиняные статуэтки изображали сидящих с перекрещенными ногами людей в головных уборах, похожих на шлемы. У всех у них были небольшие двойные бородки. Изучив позу, характерные черты костюма, украшений и т. д., эквадорский археолог пришел к выводу, что наиболее близкие параллели им встречаются только в древностях Японии и Кореи. Судя по ряду признаков, этот необычный для местных индейцев культурный комплекс появился в Эквадоре внезапно, около рубежа или в начале нашей эры.

Глиняные модели домов из Юго-Восточной Азии

Что это? Случайное совпадение? Или следы пребывания японских и корейских мореплавателей на побережье американского континента? На эти вопросы ответят лишь будущие исследования.

И все же можно утверждать, что азиатские мореходы пересекали в древности Тихий океан в самой широкой его части и побывали у берегов Южной Америки задолго до Колумба. Я имею в виду полинезийцев. Уже давно ведется в науке спор о происхождении этого загадочного народа и о времени его появления на островах Океа-

Глиняные модели домов с побережья Эквадора

нии. Но бесспорно одно: жители Полинезии и южноамериканские индейцы поддерживали между собой какие-то культурные связи. Мы не знаем, к сожалению, ни к какому времени они относятся, ни их характера. Известно лишь, что американский картофель из Боливии или Перу довольно рано попал в Полинезию. Многие считают инициаторами далеких морских походов полинезийцев, в пользу чего говорит хотя бы их высокое мореходное искусство. Но вместе с тем жители прибрежных районов Эквадора и Перу тоже не были новичками в морепла-

вании. Первые испанские завоеватели своими глазами видели у местных индейцев огромные бальсовые плоты для дальних морских путешествий. Об этом же свидетельствуют и результаты раскопок норвежской археологической экспедиции во главе с Т. Хейердалом на Галапагосских островах, отстоящих на 1000 миль к западу от побережья Эквадора⁶. Раскопки показали, что эти острова неоднократно посещались американскими индейцами начиная с периода *Тиахуанако* (800 г. н. э.) и вплоть до прихода испанцев. Среди найденных там обломков древней керамики представлены почти все типы эквадорских и перуанских сосудов, имевших распространение в указанный отрезок времени (800—1520 гг.). Однако здесь не было найдено ни одной вещи, говорящей о пришельцах с запада, из Полинезии.

Если транстихоокеанские контакты Америки и Азии в доколумбову эпоху вряд ли теперь вызывают уже у кого-либо сомнение, то совсем иначе обстоит дело с восточными, атлантическими связями. На наш взгляд, в древности через Атлантику едва ли могли осуществляться какие-либо сознательные, а тем более регулярные плаванья. Вместе с тем случайные или вынужденные связи такого рода, вероятно, имели место. Отдельные корабли, ставшие жертвой морских течений и ветров, оказывались далеко на западе, у американского побережья. Понятно, что речь идет здесь главным образом о кораблях жителей Средиземноморья, с давних времен отличавшихся высоким развитием мореходного искусства (Финикия, Карфаген, Греция, Рим и т. д.). Но столь же определенно можно утверждать, что мореплаватели древнего Средиземноморья, поневоле попадавшие иногда в Америку, уже не могли вернуться назад и бесследно исчезали в глубинах огромного и таинственного континента.

До последнего времени в западном полушарии не было обнаружено никаких следов пребывания древних мореходов Старого Света. Но вот в 1960 г. Роберт Хейне-Гельдерн объявил участникам 34-го Международного конгресса американистов в Вене сенсационную новость: мексиканский археолог Хосе Гарсиа Пайон обнаружил в местечке Калиштлауак (Центральная Мексика) под тремя непотревоженными слоями глинобитных полов древней постройки ацтекское погребение, в инвентарь которого входила странная по облику терракотовая го-

Статуэтки сидящих персонажей:

вверху слева — о. Ява (XIII—XIV вв. н. э.); *внизу слева* — Кампа; Индо-Китай (X в. н. э.); *справа* — Манаби, Эквадор (первые века н. э.)

ловка. Хейне-Гельдерн сразу же установил, что она относится к хорошо известному типу римских статуэток II в. н. э.⁷ Если это предварительное сообщение подтвердится, то данный предмет будет первым бесспорным привозным изделием доколумбовой эпохи, найденным

в Центральной Америке во время научных раскопок. Открытие в Калиштлагуаке придает большую достоверность и другим сообщениям о случайных находках античных вещей в различных районах Мексики: головки эллинистической терракотовой статуэтки из Керетаро, римской статуэтки из области Хуастека и еще одной римской статуэтки из Северной Мексики, которая хранится сейчас в музее Чикаго (США).

Существует и еще одна случайная находка, заслуживающая тем не менее самого пристального внимания исследователей. Речь идет о римских монетах IV в. н. э., обнаруженных несколько лет назад на побережье Венесуэлы. Монеты, среди которых было много дублетов, находились в глиняном кувшине, глубоко зарытом на берегу океана, у самой кромки прибоя. Это лишний раз доказывает, что клад спрятал человек, хорошо знавший цену деньгам. Скорее всего они принадлежали одному из пассажиров римского судна, потерпевшего крушение у пустынного венесуэльского побережья. Беспощадное время уничтожило все следы трагедии, разыгравшейся здесь 15 веков назад, оставив в память о неизвестных мореплавателях только глиняный кувшин с золотом.

В X веке н. э. в истории мореплавания наступила эра викингов. Эти отважные скандинавские мореходы бросили вызов суровому океану, льдам, морским течениям и ветрам, преграждавшим им путь на запад, и победили. Исландия, Гренландия, Ньюфаундленд — таковы вехи, отмечающие постепенное продвижение викингов к побережью Нового Света. Наконец, в 985 году н. э. Бьярни, сын Херьюлфа, после многодневных блужданий по морю увидел далеко к западу от Гренландии незнакомый низкий берег, поросший лесом. Не решившись высадиться и осмотреть новую землю, Бьярни навсегда лишил себя славы первооткрывателя Америки. Им, как известно, стал в 1000 г. н. э. Лейф, сын Эрика Рыжего. Новая благословенная земля, богатая лесом и дичью, с мягким климатом и прекрасными пастбищами для скота получила название «добрый Винланд».

Сведения о далеких морских походах и о землях по ту сторону океана встречаются во многих средневековых скандинавских сагах, однако материальных доказательств пребывания викингов в Новом Свете было до сих пор совсем немного. И вот, несколько лет назад норвежский уче-

ный Хельге Ингстад впервые обнаружил древнее поселение викингов на Ньюфаундленде, неподалеку от восточного побережья Америки⁸. Следовательно, отважные скандинавские мореходы еще за пять веков до Колумба открыли Северную Америку и даже сделали попытку колонизовать ее. Но малочисленность пришельцев и удаленность от родины обрекли все их усилия на неудачу. Конечная судьба викингов, поселившихся в Америке, окутана глубокой тайной.

Итак, связи между Америкой и Старым Светом были установлены еще в эпоху верхнего палеолита, когда племена азиатских охотников, воспользовавшись естественным сухопутным мостом, связывающим два континента в районе Берингова пролива и Аляски, впервые ступили на таинственную землю западного полушария. С тех пор эти культурные контакты не нарушались вплоть до появления в этих местах европейцев, но участие в них принимало лишь ограниченное число племен, обитавших на северо-западе Америки. Тонкие ниточки доколумбовых связей протянулись через необозримые пространства океанов из ряда областей Нового света: с восточного побережья Северной Америки (колонизация викингов), восточномексиканского побережья (римские вещи), побережья Венесуэлы (следы кораблекрушения римского времени), побережья Эквадора (японские и корейские влияния в местной культуре) и, наконец, доказано существование связей полинезийцев и некоторых индейских народов Южной Америки. Показательно, что эти культурные влияния исходят из самых различных районов Старого Света и носят довольно нерегулярный и случайный характер. Хронологические рамки контактов тоже сравнительно ограничены: речь идет главным образом о плаваниях не ранее первых веков нашей эры и позднее. Все это свидетельствует о том, что блестящие цивилизации индейцев Мексики и Перу, возникшие на рубеже нашей эры, имеют местное происхождение, а не принесены чужеземными «культуртрегерами» извне в готовом виде.

Глава 1.

¹ В действительности испанцы увидели в храмах юкатанских майя не кресты, а стилизованное изображение «древа жизни», имеющего с крестом чисто внешнее сходство (См. R. Roys. *The Indian background of Colonial Yucatan*. Washington, 1943, p. 15). Культ «древа жизни», связанный с плодоносящими силами природы, был широко распространен у многих древних земледельцев нашей планеты.

² Согласно их учению создателями доколумбовых цивилизаций Америки были таинственные семитские племена — харедиты, ламаниты, нефиты и другие, которые пересекли еще в глубокой древности Атлантику и основали многочисленные колонии по ту сторону океана. При этом духовные пастыри мормонов, будучи людьми сугубо практичными, не ограничиваются лишь ссылками на авторитет своего священного писания.

На деньги этой секты в штате Юта (США) был создан крупный университетский центр Брингхэм Янг, превратившийся в главный рассадник религии мормонов. Прикрываясь маской учености, некоторые работники университета пытаются вновь вытащить на свет самые фантастические и нелепые теории прошлых веков. Так, в ряде статей, посвященных анализу мотива креста в искусстве майя, утверждается, что крест служит неоспоримым доказательством того, что христианское учение проникло в Новый Свет задолго до Колумба. Здесь же мы вновь встречаем старую версию о том, что древние майя знали библейский миф о потопе, а их бог Кукулькан (Кецалькоатль) — не кто иной, как сам Иисус Христос.

Больше того, пытаюсь найти материальные доказательства пребывания в Америке «исчезнувших колен израилевых», мормоны создали специальную археологическую организацию «Археологический фонд по изучению Нового Света». Щедро финансируемые сектой экспедиции этого фонда ведут в последние годы интенсивные археологические исследования в ряде областей Мексики и Центральной Америки. Но как и следовало ожидать, никаких следов древних израильских колоний там не обнаружено. Зато ученые-американисты получили новый богатый материал, освещающий совершенно неизвестные до того доиспанские культуры местных индейских племен (Чиापас).

- ³ В греческой мифологии Атлас — гигант, держащий на своих плечах небесный свод. Путем несложных этимологических ухищрений сторонники гипотезы об исчезнувших континентах на основе простого созвучия связывают это имя с Атлантидой: «Атлас — Атлант» и т. д.
- ⁴ T. Alfonso. *La Atlantida y America*. Madrid, 1957, p. 79—90.
- ⁵ J. Churchward. *The lost continent of Mu*. London, 1929.
- ⁶ Р. Хенниг. Неведомые земли, т. 1. М., 1961, стр. 165, 173.
- ⁷ R. Dixon. *The building of cultures*. N. Y., 1928.
- ⁸ C. Leland. *Fusang or discovery of America by chinese buddhist priests in the 5-th century*. London, 1875.
- ⁹ Р. Хенниг. Неведомые земли, т. 2. М., 1961, стр. 51.
- ¹⁰ H. Gladwin. *Men out of Asia*. N. Y., 1949.
- ¹¹ R. Wauchope. *Lost tribes and sunken continents*. Chicago, 1962, p. 89.
- ¹² Изложенные в этой главе ранние теории и гипотезы о происхождении американских индейцев разбросаны по многим зарубежным изданиям и практически почти недоступны широкому читателю. Наиболее полными обобщающими трудами на эту тему следует признать:
R. Wauchope. *Lost tribes and sunken continents*. Chicago, 1962 (имеется русский перевод: М., 1966).
L. Pericot Garcia. *America Indigena*, t. 1: *El Hombre Americano-Los Pueblos de America*. 2-da ed. Barcelona, 1962.
M. Covarrubias. *El Aguila, el Jaguar y la Serpiente*. Mexico, 1961.
В. Гуляев. Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху: мифы и теории о происхождении американских индейцев и их культуры. — «Наука и жизнь», 1964, № 7, 9.

Глава 2.

- ¹ C. Hentze. *Objets rituels, croyances et dieux de la Chine antique et de l'Amerique*. Antwerpen, 1936.
- ² L. Adam. *North-west American Indian art and its Early Chinese parallels*. — «Man», 1936, v. 36, № 2—3, p. 45.
- ³ R. Heine-Geldern, G. Ekholm. *Significant parallels in the symbolic arts of Southern Asia and Middle America*. — In: «Selected Papers of the 29-th International Congress of Americanists», v. 1. Chicago, 1951, p. 306.
- ⁴ A. Ruz Lhuillier. *La Civilizacion de los Antiguos Mayas*. Mexico, 1963, p. 18—19.
- ⁵ R. Heine-Geldern. *Theoretical considerations of the problem of pre-Columbian contacts between the Old World and the New*. — In: «Men and Cultures». *Selected Papers of the 5-th International Congress of the Anthropological and Ethnological Sciences*. Philadelphia, 1960, p. 277.
- ⁶ В этой связи очень злободневно звучат слова, написанные свыше 20 лет назад известным советским археологом А. Е. Арциховским: «Буржуазная археология вообще является своеобразной наукой о заимствованиях. Процесс научной работы сводится в большинстве случаев к следующему занятию. Берется, например, могильный или городищенский инвентарь, из него выделя-

ются привозные предметы, затем предметы заимствованные затем возникшие под чужим влиянием, затем вызванные скреплением влияний. Чем меньше в результате останется, тем больше бывает счастлив исследователь.

На деле близость социальных образований равно порождает и так называемые совпадения и бесспорные заимствования. Отрицать последние начисто, таким образом, не приходится. Но выяснение культурных связей, превратившись в самоцель, породило неизбежную тенденцию отыскивать для древностей далекие места происхождения по самым случайным аналогиям. Если таких аналогий нет, то археолог обычно не успокаивается и выводит рассматриваемый предмет из какой-либо необследованной области. Описанное излюбленное занятие буржуазных археологов доставляет некоторым ученым добавочные материалы для пышных построений об отдаленных торговых сношениях и т. д.» (А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 5).

⁷ G. Ekholm. The new orientation toward problem of Asiatic-American relationships.— In: «New Interpretations of Aboriginal American Culture History». Washington, 1955, p. 98.

⁸ G. Carter. Plants across the Pacific.— In: «Asia and North America Transpacific Contacts». Memoirs of the Society for American Archaeology, № 9. Salt Lake City, 1953, p. 63—65.

⁹ C. Stonor, E. Anderson. Maize among the hill peoples of Assam. — «Annals of Missouri Botanical Gardens», 1949, v. 36, № 3.

¹⁰ M. Covarrubias. El Aguila, el Jaguar y la Serpiente. Mexico, 1961, p. 12.

¹¹ G. Ekholm. The new orientation, p. 97.

¹² R. Heine-Geldern. Chinese influence in Mexico and Central America: the Tajin style of Mexico and the marble vases from Honduras.— «Actas del 33 Congreso Internacional de Americanistas», t. 1. San Jose, 1958.

¹³ R. Heine-Geldern and G. Ekholm. Significant Parallels..., p. 299—302.

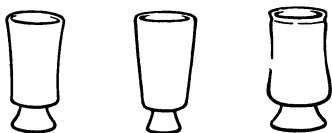
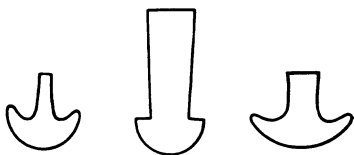
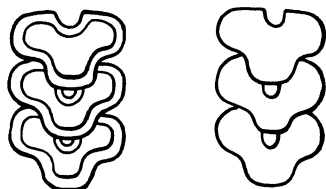
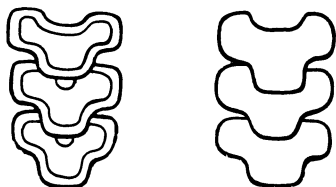
¹⁴ M. Covarrubias. El Aguila..., p. 33.

¹⁵ R. Wauchope. Lost tribes..., p. 89.

¹⁶ «При попытке продемонстрировать наличие связей между Старым и Новым Светом,— пишет Альфонсо Касо,— первый и основной шаг — рассмотреть относительную хронологию изучаемых черт культуры. Очевидно, что если данная черта появляется впервые в Новом Свете, а затем — в Старом, то она не может возникнуть в Новом Свете как результат влияний со стороны Старого Света. Поэтому я считаю вопрос о хронологии настолько важным, что до тех пор, пока он не будет полностью решен, все другие аргументы за или против доколумбовых связей, теряют свою силу...

Кроме того, формальному и стилистическому сходству изучаемых предметов, даже когда оно очевидно, не следует придавать большого значения. Рисунки, приведенные в этой статье, призваны показать несколько случаев подобных совпадений, от самых простых до самых сложных, которые встречаются в культурах, явно не имевших между собой никаких контактов. Их цель

состоит отнюдь не в том, чтобы продемонстрировать отсутствие связей между Старым и Новым Светом, а в том, чтобы показать слабость метода, согласно которому подобные совпадения в *форме* (курсив мой.— В. Г.) предметов рассматриваются как доказательство их общего происхождения».

В качестве примера таких взаимных совпадений А. Касо приводит следующий:

Этот элемент в искусстве древней Мексики изображал позвонок гремучей змеи, а во Франции он служил декоративной деталью мебели в стиле Людовика XVI.

У древних майя этот знак — не что иное, как цифра 12; в 1804 г. во Франции он означал 12-й год после введения нового республиканского календаря (1793 г.); в той же Франции его использовали и как метку для знаменитых изделий из севрского фарфора.

Такую форму имели медные и бронзовые топоры в Мексике (X—XVI вв. н. э.), в Перу (I тысячелетие до н. э.—I тысячелетие н. э.) и на Древнем Востоке (III—II тысячелетия до н. э.).

Сходные формы керамики в культурах Америки и Старого Света.

См. А. Сасо. Relations between the Old and New Worlds.— «Actas y Memorias del 35 Congreso Internacional de Americanistas», v. 1. Mexico, 1964, p. 55—58.

- ¹⁷ R. Heine-Geldern and G. Ekholm. Significant parallels..., p. 308—309.
- ¹⁸ В 1965 году некий Уильям Верити из Флориды заявил в печати о том, что он переплывет на крохотной шлюпке всю Атлантику, от мексиканского города Веракрус до берегов Ирландии, для того, чтобы «доказать», будто ирландские монахи открыли Мексику за 900 лет до Колумба. См. «Irish Monks in Mexico?» — «Katunob», March 1965, v. 5, № 1, p. 24.
- ¹⁹ F. Ameghino. Lo antigüedad del hombre en La Plata. Paris, 1880.
- ²⁰ Грассо Э. Ибарра. Нижний палеолит в Америке. — «Советская этнография», 1958, № 1, стр. 58.
- ²¹ I. Rose. Recent developments in American archaeology. — In: «Men and Cultures». Philadelphia, 1960, p. 66.
- ²² Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы Европейской части СССР. — В кн.: «L'Europe a la fin de l'âge de la pierre. — Actes du Symposium consacré aux problèmes du neolithique européen». Prague, 1959, p. 162.

Глава 3.

- ¹ P. Bosh-Gimpera. La prehistoria del Nuevo Mundo. — «Actas del 33 Congreso Internacional de Americanistas», t. 1. San Jose, 1958, p. 137.

Правда, как показали дальнейшие события, ко всем необычайно ранним датам, полученным по методу C_{14} для палеоиндейских памятников, следует относиться с известной осторожностью. Так, тщательные исследования последних двух лет в Тьюл Спрингс (Невада) полностью опровергли первоначальные выводы ученых о возрасте этой древней стоянки. Оказалось, что она относится не к XXII тысячелетию до н. э., а всего лишь к XI тысячелетию. См. G. Willey. An introduction to American archaeology, v. 1: North and Middle America. N. Y., 1966, p. 30.

- ¹ В советской историографии по вопросам заселения Америки и происхождения индейцев особо важное место занимают работы известного советского антрополога, Г. Ф. Дебеца: «Происхождение коренного населения Америки». — В сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (Труды Института этнографии, новая серия, т. XVI). М., 1951, и «Антропология Сибири и проблема заселения Америки». — «Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений». Иркутск, 1960.
- ² См. Н. Н. Диков. Открытие палеолита на Северо-Востоке Сибири. — «Тезисы докладов и сообщений на IV Дальневосточной научной конференции», вып. II. Владивосток, 1965. Более подробное описание Ушковской палеолитической стоянки содержится в последней работе этого же автора «Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки». — В кн.: «История и культура народов Сибири и Дальнего Востока». М., 1966, стр. 16—32.
- ³ H. De Terra, J. Steward. Tepexpan man. — «Viking Fund Publication in Anthropology», v. 11. N. Y. 1949.
- ⁴ L. Aveleyra Arroyo de Anda, M. Maldonado — Koerdel. Association of artifacts with mammoth in the Valley of Me-

- xico.— «American Antiquity», 1953, v. 18, № 4, p. 333—336.
- ⁵ M. D. Coe. A fluted point from highland of Guatemala.— «American Antiquity», 1960, v. 25, № 3.
 - ⁶ R. Bullen. W. Plowden. Preceramic archaic sites in the Highlands of Honduras.— «American Antiquity», v. 28, № 3, pp. 382—384, 1963.
 - ⁷ I. Swanger. A fluted point from Costa Rica.— «American Antiquity», 1952, v. 17, № 3, p. 264.
 - ⁸ R. MacNeish. The food-gathering and incipient agriculture stage of prehistoric Middle America.— In: «Handbook of Middle American Indians», v. 1. Austin. Texas, 1964, p. 417, table 1.
 - ⁹ R. MacNeish. Preliminary archaeological investigations in Sierra de Tamaulipas.— «Transactions of American Philosophical Society», 1958, n. s., v. 48, pt 6, 1958.
 - ¹⁰ R. MacNeish. El origen de la civilizacion mesoamericana visto desde Tehuacan. Mexico, 1964.
 - ¹¹ C. E. Smith. Prehistoric plant remains from Bat Cave.— «Botanical Museum Leaflets», Harvard University, v. 14. Cambridge, 1950, p. 157—180.
 - ¹² M. Bopp. El analisis de polen, con referencia especial a dos perfiles polinicos de la cuenca de Mexico.— In: «Homenaje a Pablo Martinez del Rio». Mexico, 1961, p. 49—56.
- Кроме того, см. интересную работу P. Mangelsdorf, R. Beves. Ancestor of Corn. Genetic reconstruction yields clues to the nature of the extinct wild ancestor.— «Science», 1958, v. 128, № 3335, p. 1313—1320.

Глава 4.

- ¹ Дж. Вайян. История ацтеков. М., 1949, стр. 41.
- ² Отдельные статьи и заметки, посвященные раскопкам древнего могильника в Тлатилько, разбросаны по ряду специальных мексиканских изданий. Единственная сводная работа на эту тему принадлежит перу известного мексиканского археолога Р. Пиньи Чана.
R. Pina Chan. Tlatilco, t. 1—2. Mexico, 1958; t. 3. Mexico, 1963.
- ³ B. Cummings. Cuicuilco and the archaic culture of Mexico.— «University of Arizona Bulletin», 1933, v. 33, N 8.
- ⁴ E. M. Shook., A. V. Kidder. Mound E — III — 3. Kaminaljuyu, Guatemala.— «Carnegie Institute of Washington Publication, N 596. Contributions to American anthropology and history», v. 11, № 53. Washington, 1952.
- ⁵ Сводных работ, посвященных характеристике архаических культур в пределах всей Мезоамерики, ни в отечественной, ни в зарубежной историографии до сих пор не создано. Отдельные более или менее удачные исследования по этим проблемам приведены ниже:
Н. И. Вавилов. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения. Избр. труды, т. 2. М., 1960.
Дж. Вайян. История ацтеков. М., 1949 (первые главы).
G. Brainerd. Early Ceramic horizons in Yucatan.— «Selected Papers of the 29-th International Congress of Americanists», v. 1. Chicago, 1954.

M. D. Coe. La Victoria. An Early Site on the Pacific Coast of Guatemala.—«Papers Peabody Museum», 1961, v. 53.

K. A. Dixon. Ceramics from two Preclassic periods at Chiapa de Corzo, Chiapas, Mexico.—«New World Archaeological Foundation». Publications № 4. Papers № 5. Orinda, 1959.

M. Gamio. Las excavaciones del Pedregal de San Angel y la cultura arcaica del Valle de Mexico. Rio de Janeiro, 1930.

A. L. Kroeber. Archaic culture horizons in the Valley of Mexico.—«University of California Publication in American Archaeology and Ethnology», 1925, v. 38.

R. S. MacNeish. An early archaeological site near Panuco, Vera Cruz.—«Transactions of American Philosophical Society», 1954, n. s., v. 44, pt. 5.

R. Piña Chan. Las Culturas Preclasicas de Cuenca de Mexico. Mexico, 1955.

M. Porter. Tlatilco and the Pre-Classic cultures of the New World.—«Viking Fund Publication in Anthropology», v. 19. N. Y. 1953.

E. M. Shook. The present status of research on the preclassic horizons in Guatemala.—«Selected Papers of the 29-th International Congress of Americanists», v. 1. Chicago, 1951.

R. E. Smith. Ceramic sequence at Uaxactin. New Orleans, 1955, 2 vols.

R. Wauchope. A tentative sequence of pre-classic ceramics in Middle America.—«Middle American Research Records», 1950, v. 1, N 14.

G. Willey. New World Prehistory (Smithsonian Institution Publication 4455). Washington, 1961.

G. Vaillant. Early cultures of the Valley of Mexico:—«Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», 1935, v. 35, № 3.

Глава 5

¹ M. Leon-Portilla. Los antiguos mexicanos a traves de sus cronicas y cantares. Mexico, 1961, p. 23—24.

² Ibid., p. 25—27.

³ J. Acosta. El Palacio del Quetzalpapalotl. Mexico, 1964. (Memorias del Instituto Nacional de Antropologia e Historia, num. X).

⁴ В настоящее время историю Теотихуакана делят обычно на четыре больших этапа, отличающихся друг от друга изменениями в формах керамики, глиняных статуэток и архитектуры: *Теотихуакан-I*, или *Цакуалли* (500 г. до н. э. — 0) — местный вариант позднеархаической культуры.

Теотихуакан-II, или *Миккаотли* (0—250 г. н. э.) — начальный этап местной цивилизации.

Теотихуакан-III (250—600 гг. н. э.) — время наивысшего расцвета города и его культуры, в конце этапа он гибнет от нашествия вражеских армий.

Теотихуакан-IV (600—800 гг. н. э.) — отражает общий упадок теотихуаканской цивилизации, продолжающей медленно угасать в соседних районах (R. Piña Chan. Mesoamerica. Mexico, 1960 p. 75—77).

⁵ R. Millon. The beginnings of Teotihuacan.—«American Antiquity», 1960, v. 26, № 1.

- ⁶ E. Matos Moctezuma. La Revolucion Urbana en la Guenca de Mexico, 1965, p.p. 60—64.
- ⁷ M. D. Coe. The Chinampas of Mexico.— «Scientific American», 1964, v. 211, № 1.
- ⁸ Общих работ по культуре Теотихуакана до сих пор нет совершенно. Более или менее значительные разделы, посвященные этой цивилизации или отдельным ее проблемам, можно найти в следующих трудах:
 P. Armillas. Teotihuacan, Tula y los Toltecos: las culturas post-arcaicas del Centro de Mexico. Excavaciones y estudios 1922—1950.— «Runa», v. 3, pts 1. 2. Buenos Aires, 1950.
 I. Bernal. Teotihuacan: descubrimientos y reconstrucciones. Mexico, 1963.
 M. Covarrubias. The Indian Art of Mexico and Central America. N. Y., 1957.
 M. Gamio. La Poblacion del Valle de Teotihuacan: La Poblacion prehispánica, v. 1—2. Mexico, 1922.
 S. Linné. Archaeological researches at Teotihuacan. Mexico. The Ethnographical Museum of Sweden. New Series. Publication № 1. Stockholm, 1934.
 S. Linné. Mexican Highland Cultures. The Ethnographical Museum of Sweden, n. s. Publication № 7. Stockholm, 1942.
 I. Marquina. Arquitectura Prehispánica. Mexico, 1951.
 R. Millon. a. oth. The Pyramid of the Sun at Teotihuacan: 1959 investigations.— «Transactions of American Philosophical Society», 1965, n. s., v. 55, pt. 6.
 E. Noguera. Antecedentes y Relaciones de la Cultura Teotihuacana.— «El Mexico Antiguo», 1935, v. 3, № 5—8.
 P. Tolstoy. Surface survey of the Northern valley of Mexico: the classic and post-classic periods.— «Transactions of American Philosophical society», 1958, n. s., v. 48, pt. 5.
 A. Villagra Caletí. Teotihuacan: Sus pinturas murales.— «Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia», 1952, t. 5, № 33.
 M. West. Transition from Preclassic to Classic et Teotihuacan.— «American Antiquity», 1965, v. 31, № 2, pt 1, p. 193—202.

Глава 6

- ¹ G. Stromsvik. Guide-book to the ruins of Copan. Carnegie Institute of Washington. Publication № 577. Washington, 1947, p. 6—10.
- ² J. L. Stephens. Incidents of travel in Central America, Shiapas and Yucatan, v. I—II. N. Y., 1842. Есть сокращенный русский перевод: Дж. Стефенс. Иллюстрированные записки о любопытной экспедиции в Центральную Америку. СПб., 1866.
- ³ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М.—Л., 1963.
- ⁴ В. Б. Кинжалов. Искусство древней Америки. М., 1962.
- ⁵ С. К. Патканов. По гауцендам и руинам Юкатана.— «Землеведение», т. III, вып. 1—4, СПб., 1896.
- ⁶ К. Д. Бальмонт. Змеиные цветы. М., 1910.
- ⁷ «Пополь Вух». М., 1959, стр. 10.
- ⁸ M. Stirling. Stone monuments of Southern Mexico (Bureau of Amer. Ethnology, Smithsonian Inst. Bulletin 138). Washington, 1943.

- P. Drucker. Ceramic Sequence at Tres Zapotes, Vera Cruz, Mexico (Bureau of Amer. Ethnology, Smithsonian Inst. Bulletin, 140) Washington, 1943.
- ⁸ M. Stirling. An initial series from Tres Zapotes Vera Cruz, Mexico. Washington, 1940.
- ⁹ M. Covarrubias. Indian art of Mexico and Central America. N. Y. 1957, p. 210—211.
- ¹⁰ S. G. Morley. The Ancient Maya. Stanford, 1947, p. 38.
- ¹¹ Диего де Ланда. Сообщение о делах на Юкатане. М.—Л., 1955, стр. 133.
- ¹² S. Miles. The XVI-th Century Pokom Maya.— «Transactions of American Philosophical Society», n. s., 1957, v. 47, pt 4, p. 767.
- ¹³ S. G. Morley. The Ancient Maya, p. 71—72.
- ¹⁴ U. Cowgill, I. Hutchinson. Ecological and geochemical archaeology in the Southern Maya Lowlands.— «Southwestern Journal of Anthropology», 1963, v. 19, № 2—3.
- ¹⁵ Tikal Reports, № 1—4. Philadelphia, 1958.
- ¹⁶ R. Girard. El Calapso Maya y los Nahuas. Mexico, 1959.
- ¹⁷ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя, стр. 21—22.
- ¹⁸ G. Willey, A. L. Smith. New discoveries at Altar de los Sacrificios, Guatemala — «Archaeology», 1963, v. 16, № 2, p. 85.
- ¹⁹ Краткий список литературы для тех, кто интересуется историей и культурой древних майя: Ч. Галленкамп. Майя. Загадка исчезнувшей цивилизации. М., 1966.
- G. Brainerd. The Maya civilization. Los Angeles, 1954.
- M. D. Coe. The Maya. London, 1966.
- W. R. Coe. A summary of excavation and research at Tikal, Guatemala: 1956—1961.— «American Antiquity», 1962, v. 27, № 4.
- W. R. Coe. Tikal, an emergent Maya civilization.— «Science», 1965, v. 147, № 3664.
- W. R. Coe. Piedras Negras archaeology: artifacts, caches and burials. Philadelphia, 1959.
- G. L. Cowgill. The end of Classic Maya culture: a review of recent evidence.— «Southwestern Journal of Anthropology», 1964, v. 20, № 2, p. 145—159.
- V. W. Hagen. World of the Maya. N. Y., 1960.
- S. G. Morley. The Ancient Maya. Stanford, 1947, 1956.
- T. Proskouriakoff. A study of Classic Maya sculpture.— «Carnegie Institute Publication», 1950, № 593.
- The Lords of the Maya realm.— «Expedition», 1961, v. 4, № 1.
- T. Proskouriakoff. An album of Maya architecture. Norman, 1963.
- P. Rivet. Cites Maya. Paris, 1962.
- A. Ruz Lhuillier. La civilization de los Antiguos Mayas. Mexico, 1963.
- H. Spinden. Maya art and civilization. Indian Hills, 1957.
- I. E. Thompson. The rise and fall of Maya civilization. Norman, 1954.
- G. Willey. The structure of Ancient Maya society: evidence from the Southern Lowlands.— «American Anthropologist», 1956, v. 58, № 5.

- ¹ Гордон Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 61—65.
- ² В. М. Массон. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества.— В кн.: «Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков». М., 1966, стр. 154—166.
- ³ R. Dixon. The building of cultures, 1928, p. 273—274.
- ⁴ С. Н. Бибииков. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы.— «Советская археология», 1951, № 15, стр. 131.
- ⁵ Диего де Ланда. Сообщение о делах на Юкатане. М.—Л., 1955, стр. 204.
- ⁶ R. Girard. Los Mayas Eternos. Mexico, 1963, p. 154.
- ⁷ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 283.
- ⁸ С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 176.
- ⁹ Гордон Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 135.
- ¹⁰ Б. А. Тураев. История Древнего Востока. М., 1935, стр. 169—170.
- ¹¹ Там же, стр. 171.
- ¹² Д. Г. Брэстед. История Египта, т. 1. М., 1915, стр. 50.
- ¹³ М. Э. Матъе. Искусство древнего Египта. М.—Л., 1964, стр. 87.
- ¹⁴ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, стр. 185.
- ¹⁵ Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья. Л.—М., 1958, стр. 144—145.
- ¹⁶ M. D. Coe. The Maya. London, 1966, fig. 51.
- ¹⁷ M. Covarrubias. The Indian Art of Mexico and Central America. N. Y., 1957.
- ¹⁸ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М.—Л., 1963, табл. 80.
- ¹⁹ Р. В. Кинжалов. Искусство племен нахуа на Мексиканском нагорье в XIV—XVI веках.— «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XXI. М.—Л., 1963, стр. 212.
- ²⁰ Там же, стр. 213.
- ²¹ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, стр. 91—92.
- ²² Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья. М.—Л. 1958.
- ²³ А. Маршалль Ангкор. М., 1963, стр. 74.
- ²⁴ L. P. Briggs. The Ancient Khmer Empire.— «Transactions of American Philosophical Society», 1951, n. s., v. 41, pt. 1.
- ²⁵ Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья, стр. 23.
- ²⁶ Р. В. Кинжалов. Искусство майя в классическую эпоху (III—IX вв. н. э.).— В кн. «Культура индейцев». М.—Л., 1963, стр. 109—110.
- ²⁷ C. Lizardi Ramos. Las estelas 4 y 5 de Bolancan-Morales, Tabasco.— In. «Estudios de Cultura Maya», v. 1. Mexico, 1961, p. 121.
- ²⁸ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя, табл. 12.
- ²⁹ Личное сообщение Ю. В. Кнорозова, 1966 г.

- ³⁰ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя, стр. 58—59.
- ³¹ Д. Г. Брэстед. История Египта, т. 1, стр. 40.
- ³² Б. А. Тураев. История Древнего Востока, стр. 82.
- ³³ Там же.
- ³⁴ В древних религиях индейцев Мезоамерики ягуар ассоциируется с богом дождя и плодородия, олицетворяя собой грозную всеограшающую силу, владыку «сердца земли». Поэтому не случайно уже представители первых царственных династий майя сделали ягуара своим защитником и покровителем. Челюсти и когти этого зверя часто находят в наиболее пышных гробницах майя. Трон правителя назывался «циновкой ягуара». Сам правитель часто облачался в одежды из шкуры этого животного и т. д.
- ³⁵ S. G. Morley. The Ancient Maya. Stanford, 1947, p. 322, fig. 31.
- ³⁶ T. M.aler. Explorations in the Central Portion of the Usumacinta Valley.— «Memoirs Peabody Museum», 1901, v. 2, № 1.
- ³⁷ В. И. Авдиев. Военная история древнего Египта. М., 1959, стр. 86.
- ³⁸ М. Э. Матвее. Искусство древнего Египта, стр. 151.
- ³⁹ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, стр. 97.
- ⁴⁰ Название племени или какой-то этнической группы. К сожалению, ни языковая, ни культурная принадлежность ицев до сих пор не установлены.
- ⁴¹ Диего де Ланда. Сообщение о делах на Юкатане, стр. 112, 189.
- ⁴² D. Duran. The Aztecs. N. Y., 1964, p. 149.
- ⁴³ Ibid., p. 149—150.

Глава 8

- ¹ К настоящему времени известно уже довольно большое число таких челноков-долбленок. Наиболее ранний из них был найден в торфянике близ селения Камо (префектура Чибо). По мнению специалистов, его можно датировать эпохой раннего *Дзёмона* — не позднее 300 г. до н. э. Челнок — округлый в сечении — имеет довольно мелкую выемку в центральной части. Нос и корма сужены.
- ² По подсчетам метеорологической службы США, за 40-летний период, с 1901 по 1940 г., в этом районе произошло 802 тайфуна, большая часть из которых приходится на осенние месяцы — ноябрь и октябрь.
- ³ B. Meggers, C. Evans, E. Estrada. Early Formative Period of Coastal Ecuador: the Valdivia and Machalilla Phases. (Smithsonian Contributions to Anthropology, v. I). Washington, 1965, p. 167—168.
- ⁴ A. Caso. Relations between the Old and New Worlds. — «Actas y Memorias del 35 Congreso Internacinal de Americanistas», v. 1. Mexico, 1964, p. 66.
- ⁵ E. Estrada, B. Meggers. A complex of traits of probable transpacific origin in the coast of Ecuador. — «American Anthropologist», 1961, v. 63, № 5, pt. 1.
- ⁶ T. Heyerdahl, A. Skjölsvold. Archaeological evidence of prehispanic visits to the Galapagos Islands. — «Memoirs of the Society for American Archaeology», 1956, v. 12.

⁷ J. G a r c i a P a y o n. Una cabecita de barro de extraña fisionomia.— «Boletín del Instituto Nacional de Autropología e Historia», 1961, № 6.

Интересно отметить, что когда автор настоящей книги показал фотографию статуэтки из Калиштлахуаки некоторым советским ученым, то они отнюдь не были единодушны относительно ее культурной принадлежности и датировки. Было высказано даже мнение, что эта статуэтка относится к позднеэллинистическому времени, III—II вв. до н. э., и изготовлена где-то в Малой Азии.

⁸ H. I n g s t a d. Vinland ruins prove Vikings found the New World.— «National Geographic», 1964, v. 126, № 5.

От автора	5
Глава 1. Начало спора. «Дикие» теории	7
Глава 2. «Диффузионисты» или «изоляционисты»?	20
Глава 3. Первые обитатели континента	36
Глава 4. По ступеням прогресса	53
Глава 5. Теотихуакан — «обитель богов»	70
Глава 6. Расцвет и гибель древнего царства майя . . .	93
Глава 7. Мезоамерика и Древний Восток	127
Глава 8. Плавали ли древние в Америку?	156
Примечания	170

Валерий Иванович Гуляев

АМЕРИКА И СТАРЫЙ СВЕТ В ДОКОЛУМБОВУ ЭПОХУ

Утверждено к печати
редколлекцией научно-популярной литературы
Академии наук СССР

Редактор Н. В. Шевелева. Художник Л. С. Кассис
Технический редактор В. Г. Лаут

Сдано в набор 21/XII 1967 г. Подписано к печати 21/V 1968 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печ. л. 5,75;
Усл. печ. л. 9,43. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 25.000 экз.
Т-07557. Тип. зак. 56. Цена 29 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

29 коп.

**МАГАЗИНЫ
АКАДЕМКНИГА
ИМЕЮТ В ПРОДАЖЕ
КНИГИ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ
СЕРИИ**

Ерофеев Н. А.
ЧАРТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.
1961. 128 стр., 20 и.

Зуев Ф. Г.
**ПОЛЬСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ
ПРОТИВ ФАШИЗМА.**
1967. 136 стр., 43 и.

Иванов Р. Ф.
**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В США
(1861—1865 гг.).**
1960. 179 стр., 10 и.

Клочко В. Ф.
**НАРОД — СЕБЕ.
КУЛЬТУРА НОВОЙ
ЧЕХОСЛОВАКИИ.**
1963. 127 стр., 19 и.

Стеблин-Каменский М. И.
КУЛЬТУРА ИСЛАНДИИ.
1967. 183 стр., 4 вкл., 37 и.

Если Вы хотите приобрести
эти книги
издательства «Наука»,
направляйте заказы
в магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы
«Академкнига»
(Москва, В-463, Мичуринский
проспект, 12)
или в ближайший магазин
«Академкнига» по адресу:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;
Баку, ул. Джапаридзе, 13;
Душанбе, пр. Ленина, 95;
Иркутск, ул. Лермонтова, 303;
Киев, ул. Ленина, 42;
Ленинград, Литейный пр., 57;
Москва, ул. Горького, 8;
Москва, ул. Вавилова, 55/5;
Новосибирск, Красный пр., 51;
Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка,
137;
Ташкент, ул. К. Маркса, 28;
Уфа, пр. Октября, 129;
Уфа, Коммунистическая ул., 49;
Фрунзе, бульвар Дзержинского,
41;
Харьков, Уфимский пер., 4/6.